

Российская Академия Наук
Институт философии

Екатерина Вострикова, Петр Куслий

**ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА
современный взгляд**

Москва
2017

УДК 162.5
ББК 87.2
В 78

В авторской редакции

Авторы:

Е.В. Вострикова – Предисловие; Разд. I, Гл. 2, 3; Разд. II, Гл. 4, 5, 6; Разд. III, Гл. 9, 10; Заключение

П.С. Куслий – Предисловие; Разд. I, Гл. 1, 2; Разд. II, Гл. 4, 5, 7, 8; Заключение

Рецензенты

кандидат филос. наук *А.А. Веретенников*
кандидат филос. наук *А.З. Черняк*

В 78 **Вострикова, Е.В.** Логико-философский анализ языка: современный взгляд [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Е.В. Вострикова, П.С. Куслий. – М. : ИФ РАН, 2017. – 211 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 199–210. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0322-2.

Книга посвящена современным проблемам логико-семантического анализа. Авторы отстаивают позицию, согласно которой значения выражений естественного языка могут анализироваться строгими формальными методами и показывают, каким образом это делается в современных исследованиях, находящихся на стыке философии, логики и лингвистики и опирающихся на исследовательскую методологию, восходящую к работам классиков аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Тарского, Р. Карнапа, У. Куайна, Д. Дэвидсона, Д. Льюиса). В книге дается современный взгляд на такие проблемы, как значение имен собственных, индексных и кванторных выражений, контекстов пропозициональных установок, граница между семантикой и прагматикой.

ISBN 978-5-9540-0322-2

© Вострикова Е.В., 2017

© Куслий П.С., 2017

© Институт философии РАН, 2017

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ I. ВВЕДЕНИЕ В ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Глава 1. Формальная семантика естественного языка и новый взгляд на теорию значения	8
Глава 2. Формально-семантический анализ естественного языка как философская проблема	21
Глава 3. Различие между семантикой и прагматикой	40

РАЗДЕЛ II. КВАНТОРЫ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Глава 4. Семантика кванторных выражений	60
Глава 5. Кванторы: вопросы онтологии и эпистемологии	78
Глава 6. Значение условных выражений	106
Глава 7. Проблема третьего прочтения в семантике сообщений и пропозициональных установках	117
Глава 8. Семантика сообщений о верованиях De Re: современные теории, проблемы и вызовы	138

РАЗДЕЛ III. АНАЛИЗ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Глава 9. Анализ имен собственных	159
Глава 10. Семантика индексных выражений	177
Заключение	198
Список литературы	199

Table of contents

Foreword.....	5
---------------	---

PART I. AN INTRODUCTION INTO THE METHOD OF FORMAL SEMANTICAL ANALYSIS

Chapter 1. Formal semantics of natural language and a new look on the theory of meaning	8
Chapter 2. A formal semantical analysis of language as a philosophical problem	21
Chapter 3. On the difference between semantics and pragmatics.....	40

PART II. QUANTIFIERS IN NATURAL LANGUAGE

Chapter 4. The semantics of quantificational expressions	60
Chapter 5. Quantifiers: ontological and epistemological issues	78
Chapter 6. The meaning of conditionals	106
Chapter 7. The problem of the third reading in the semantics of attitude reports	117
Chapter 8. The semantics of <i>de re</i> attitude reports: contemporary theories, problems and challenges	138

PART III. REFERENTIAL EXPRESSIONS AND THEIR SEMANTICS

Chapter 9. Contemporary approaches to the semantics of proper names.....	159
Chapter 10. The semantics of indexical expressions	177
Conclusion	198
Bibliography	199

Предисловие

В данной книге мы ставим своей главной задачей представить читателю формальную семантику естественного языка как современное направление в области формально-языкового анализа, являющееся продолжением философско-языковой аналитической традиции, начатой в работах Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Тарского, Р. Карнапа, У. Куайна, Д. Дэвидсона, Д. Льюиса. В современной формальной семантике естественного языка общая методология классической логической семантики применяется к исследованию естественных языков, т. е. реализуется программа, которая на ранних этапах развития философии языка считалась нереализуемой. Ключевыми этапами развития формального языкознания, обусловившими возможность реализации данной программы, стали становление программы генеративного синтаксиса Н. Хомского и развитие формальной семантики естественного языка, предложенной Р. Монтегю. Сегодня формальная семантика представляет собой исследовательское направление, радикально противопоставляющее себя релятивистским взглядам на природу языка и его соотношение с реальностью, развивавшимся в работах Б. Уорфа и позднего Л. Витгенштейна и оказавшим значительное влияние на современную эпистемологию.

В данной книге мы хотим представить читателю данное направление формального языкознания в аспектах, релевантных для философско-языковой проблематики. Наша книга разделена на три раздела.

Первый раздел (гл. 1–3) **представляет взгляд на историю становления формальной семантики.** В нем обсуждается предмет этой дисциплины и ее регулирующие принципы. Приводятся аргументы против релятивизма в области философии языка и исследуется отличие формальной семантики от философской прагматики.

Второй и третий разделы представляют формальную семантику в двух ее исследовательских направлениях, являющихся, как исторически, так и концептуально, наиболее актуальными с философской точки зрения.

Второй раздел (гл. 4–8) **исследует кванторы как предмет философско-языкового анализа в формальной семантике.** Отдельное внимание здесь уделяется проблематике квантификации и онтоло-

гии, а также семантическому анализу контекстов пропозициональных установок. Мы обсуждаем ряд ключевых онтологических допущений формальной семантики и показываем, как естественный язык вынуждает делать эти допущения. Мы обсуждаем вопрос о значении условных предложений, который является предметом интереса как философов, так и лингвистов. Мы даем экспозицию формально-семантических исследований так называемого «третьего прочтения» для сообщений о пропозициональных установках, которое на протяжении долгого времени не замечалось философами языка. Наконец, мы исследуем современный этап анализа так называемых сообщений о верованиях *de re*.

Третий раздел (гл. 9–10) посвящен классическим и современным философским дискуссиям вокруг имен собственных и индексных местоимений. Мы представляем распространенный среди лингвистов взгляд на имена собственные как скрытые определенные дескрипции и рассматриваем те доводы, которые делают данный взгляд более предпочтительным, чем популярный и восходящий к работам Дж. С. Милля взгляд на имена собственные как индивидуальные термины, являющиеся жесткими десигнаторами. Наконец, мы предлагаем читателю экспозицию современных исследований в области семантики индексных местоимений, которые тоже на протяжении долгого времени являются объектом внимания философов языка.

Мы полагаем, что именно эти темы являются наиболее репрезентативными относительно проекта формальной семантики, и надеемся, что эта книга получит должную критическую рецепцию.

Материал, представленный в данной книге, основывается на исследованиях, проведенных авторами в рамках научной работы сектора социальной эпистемологии Института философии РАН за последние 10 лет, а также лекционного курса, прочитанного в Высшей школе экономики в 2012 г. Многие из глав представляют собой переработанный вариант статей, опубликованных авторами в указанный период времени. Авторы дорабатывали и дополняли все главы этой книги совместно. Между тем авторство исходных текстов, которые легли в основу каждой из глав, распределено следующим образом: Е.В. Вострикова – гл. 3, 6, 9 и 10; П.С. Куслий – главы 1, 7, 8. Главы 2, 4 и 5 основаны на текстах, написанных авторами совместно.

Авторы выражают глубокую признательность членам сектора социальной эпистемологии, а именно И.Т. Касавину, А.Л. Никифорову, А.Ю. Антоновскому, Л.А. Марковой, О.Е. Столяровой, Т.Д. Соколовой, Л.А. Тухватулиной, за помощь в работе над этой книгой и ценные критические замечания. Авторы благодарят также всех участников семинара «Логика и философия языка», проходившего в ИФРАН в 2010–2013 гг.

РАЗДЕЛ I. ВВЕДЕНИЕ В ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Глава 1. Формальная семантика естественного языка и новый взгляд на теорию значения

1.1. Задачи формальной теории значения

Традиционно¹ семиотика, как обобщенная теория языкознания, связывается с тремя направлениями в изучении языка: синтаксисом, семантикой и прагматикой.

Философские аспекты исследования естественного языка исторически связывались с вопросом о том, как объяснить феномен осмысленности языковых выражений, их свойство обозначать те или иные объекты. Здесь подразумевались не только вопросы возможной соотнесенности единичных терминов с объектами внеязыковой реальности, но и вопросы обладания значением общими, абстрактными терминами, предложениями или наборами предложений. В этой связи обретали важность такие понятия, как референция (отношение обозначения между языковым знаком и его объектом), смысл и синонимия, композициональность значения (т. е. рассмотрение значения сложных выражений как производного от значения составляющих их простых выражений и способа их составления), функциональный анализ (методология, согласно которой языковые выражения сочетаются друг с другом подобно тому, как математическая функция применяется к своему аргументу), условия истинности (как то, что представляет смысл предложения и детерминирует его денотат), пресуппозициональность как свойство некоторых утверждений естественного языка и другие понятия. С исследованием этих аспектов связывается проект логи-

¹ По крайней мере, со времен известной работы Ч. Морриса [Моррис, (1938) 1982].

ческой семантики, развивавшейся такими классиками аналитической философии, как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, А. Тарский, У. Куайн и др.

Немаловажным и интересовавшим упомянутых философов было и присущее выражениям естественного языка (или наборам таких выражений) свойство, в случае их истинности, имплицировать (делать необходимой) истинность и некоторых других выражений. Однако разработка объясняющей это свойство теории обоснованного вывода обычно рассматривается отдельно от вопросов семантики. Теории обоснованного вывода наряду с исследованием метатеоретических свойств таких теорий являются стандартными составляющими корпуса логики как исследовательской дисциплины. Исследователи же осмысленности выражений в естественных языках, как правило, концентрируются на построении семантик для фрагментов (т. е. достаточно репрезентативных частей) того или иного естественного языка.

То общее, что есть (или может быть) у исследователей теорий вывода и семантистов (как мы будем называть исследователей в области формальной семантики), заключается в использовании ими строгих логико-математических методов для репрезентации своих результатов. Этот признак и отделяет формальных логиков и семантистов от тех, кто исследует правила вывода и вопросы осмысленности языковых выражений, не обращая по тем или иным причинам к строгим методам анализа и выражения результатов².

² Сам термин «логика» в большинстве случаев приписывается именно исследованиям в области теории вывода. Однако исследовательские программы, ориентированные на строгое изучение иных важных аспектов языка и использующие логические средства, также в той или иной мере могут быть отнесены к корпусу логического знания. Одним из таких примеров является так называемая абстрактная логика, обоснованность отнесения которой к корпусу логических дисциплин обсуждается, например, в: [Драгалина-Черная, 2012, с. 34]. По-видимому, на сходных основаниях с корпусом логических дисциплин может быть связана и формальная семантика, которая стремится строго объяснить то, как выражения естественного языка могут обладать значением.

1.2. Генеративная грамматика и лингвистический подход к анализу естественного языка

Важной отправной точкой для формального исследования естественного языка стала программа генеративной грамматики Н. Хомского и его последователей, в которой язык, в отличие от логико-философской традиции, рассматривался в качестве естественного феномена. Поэтому сторонники идей Хомского (как, впрочем, и подавляющее большинство лингвистов), в отличие от философов, никогда не стремились показать, каким язык должен быть в силу тех или иных теоретических причин, а исследовали его как независимый и самостоятельный эмпирический феномен. В связи с языком их преимущественно интересовали и интересовуют его синтаксис, фонология, фонетика, морфология и т. д.

Основной задачей всякой лингвистической теории, с точки зрения Хомского, должна была стать возможность систематического отграничения грамматически корректных предложений от грамматически некорректных. И этот проект должен был реализовываться с использованием строгих математических методов анализа, что с неизбежностью должно было исходить из идеи доступности естественных языков для такого анализа, т. е. принципиальной возможности строгого выражения наборов тех правил (грамматик), по которым структурированы языки и которые представляют критерий грамматичности.

Важной характерной чертой этого подхода (по крайней мере, на этапе его зарождения) стала установка Хомского на то, что отсылка к смыслу или значению предложений того или иного языка не может использоваться для характеристики их как грамматических или неграмматических (тезис об автономности грамматики). Иными словами, формальный метод отделения грамматических предложений от неграмматических совершенно индифферентен по отношению к тому, какие из них являются осмысленными, а какие – нет. Парадигмальным примером здесь является известное предложение «Бесцветные зеленые идеи неистово спят», которое сразу определяется носителем русского языка как грамматически правильное, хотя не имеет никакого смысла.

Еще одним ключевым аспектом предложенного Хомским подхода является взгляд на предложение **с того или иного естественного языка** как на результат определенных преобразований, осу-

шественных над некоторым базовым предложением, которое, в свою очередь, подразумевается тем, кто произносит *s*, но которое им при этом не озвучивается.

Такое базовое предложение Хомский в своей основополагающей работе «Синтаксические структуры» [Хомский, 1962] называл ядерным, а осуществляемые над ним преобразования – трансформациями. Базовое предложение делилось им на синтаксические конститuentы (непосредственные составляющие структуры предложения)³. Трансформации делились на обязательные и необязательные, что определяло порядок их применения. Каждому этапу трансформации ядерного предложения соответствовал определенный уровень репрезентации исходного предложения. Правила трансформации ядерного предложения дополнялись также правилами морфофонемного изменения предложения.

Поскольку речь шла об английском языке, то иллюстрация того, о чем идет речь, также берется из английского. Так, Хомский, помимо прочего, показывает, как, например, аффикс “*s*” сочетается с глаголом в третьем лице, единственном числе в терминах трансформаций, которые в английском языке претерпевает ядерное предложение: аффикс и глагол, будучи изначально (в ядерном предложении) разведенными так, что аффикс предшествует глаголу, сочетаются так, что аффикс перемещается к глаголу. Вследствие такого сочетания аффикса “*s*” и глагола “*have*” (и ряда других операций) порождается предложение “*The man has been reading the book*” [Хомский, 1962, с. 445–446].

В результате получалось, что тот естественный язык, с предложениями которого мы имеем дело, представляет собой не отправную точку для дальнейшего анализа, а конечную точку или результат взаимодействия процессов над некоторой базовой, но внешне не данной исследователю структурой; именно эти процессы, по мнению Хомского, наряду с самой базовой структурой и должны стать объектом лингвистического исследования. В своей упомянутой выше основополагающей работе Хомский пишет: «Чтобы понять предложение, необходимо (хотя, разумеется, не достаточно) воссоздать его представление [т. е. репрезентацию. – *Е.В., П.К.*]

³ Данный анализ распространялся и на предложения, состоящие из одного слова, поскольку допускал присутствие в синтаксической структуре предложения неартикулируемых конститuent.

на каждом из уровней, включая трансформационный уровень, где предложения ядра, лежащие в основе данного предложения, могут восприниматься в некотором смысле в качестве “элементарных элементов содержания”, из которых предложение построено» [Хомский, 1962, с. 520].

Итак, для обсуждаемого нами вопроса здесь важно то, что естественные языки были представлены Хомским как самостоятельные системы, функционирующие автономно от той семантики, которая если и могла с ними связываться, то весьма нестрогим образом. И если есть что-то, чем могут систематически характеризоваться отдельные естественные языки, то это именно их трансформационная структура, т. е. специфические именно для них способы преобразования базовой структуры предложения, которая, в свою очередь, является общей для всех языков.

Разумеется, генеративная грамматика представляет собой гораздо больше, чем то, о чем здесь было сообщено лишь посредством нескольких довольно общих описаний. Эта дисциплина продолжает развиваться и изменяться, порой вплоть до самых базовых постулатов, и по сей день. (В частности, описанное выше перемещение аффикса “s” к глаголу больше не считается даже синтаксическим преобразованием предложения.) Для наших же целей было важно то, что с генеративной грамматикой связан отличный от философского взгляд на язык, как естественный феномен, функционирующий по своим законам, которые доступны строгой экспликации.

Представители генеративного направления эксплицировали синтаксис естественного языка совсем не так, как это делалось в формализованных языках логики. Синтаксис естественного языка был существенно более сложным, его структуры выражались деревьями, которые, разумеется, в отличие от синтаксиса формализованных языков логики, выражали грамматическую структуру предложения, а не просто наглядным образом представляли его условия истинности. И в связи с этим то дерево, которое генерировалось в результате соответствующих трансформаций, могло содержать элементы, не оказывающие влияния на семантическую оценку предложения. (Таковые должны были отфильтровываться языковой системой при генерации того, что в генеративной грамматике называлось логической формой предложения (и что также

являлось уровнем репрезентации, наряду с другими уровнями), что зачастую могло происходить уже позже или независимо от того, как предложение произносилось.)

Возможность построения формального синтаксиса для естественного языка в рамках программы генеративной грамматики стала важным этапом в понимании того, что естественный язык не является сферой, недоступной для строгого изучения. Построение семантики для естественного языка последовало вскоре после начала развития генеративной грамматики: в конце 1960-х, начале 1970-х гг. Оно, как уже было сказано выше, главным образом связывается с именем американского логика и философа Ричарда Монтегю.

1.3. Формальная семантика Р. Монтегю

В своих основных работах по формальной семантике, наиболее влиятельной из которых считается статья “The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English” [Montague, 1973] (или сокращенно – PTQ), Монтегю представил не только проект теоретико-типовой семантики для естественного языка, но и основанный на категориальной грамматике проект формального синтаксиса для достаточно репрезентативного фрагмента естественного языка (английского). При этом семантическая интерпретация естественно-языковых выражений осуществлялась опосредованно: сначала выражения естественного языка переводились в выражения формализованного интенционального языка логики (IL), а затем уже эти последние интерпретировались.

Одним из стимулов для данного проекта, по его собственному признанию, являлось не прекращающееся противостояние в современной ему философии языка. Конкретно речь шла, с одной стороны, о философах, критически относившихся к естественному языку и исследовавших вопросы семантики через переформулировки выражений естественного языка в специальные формализованные языки логики, выражающие условия истинности естественно-языковых предложений, но не отображающих их грамматическую структуру. Это были продолжатели линии Фреге-Рассела. С другой стороны, это были сторонники концепции

значения как употребления, восходящей к работам Витгенштейна, Стросона и др., которые критиковали подход, основанный на анализе формализованных языков как нерелевантный для философских проблем семантики. В другой своей основополагающей работе по сути данной дискуссии Р. Монтегю со свойственной ему лаконичностью пишет: «По моему мнению, не существует никакого важного теоретического различия между естественными языками и искусственными языками логиков; более того, я считаю возможным представить (**comprehend**) синтаксис и семантику обоих видов языков в рамках одной естественной и математически точной теории» [Montague, 1974b, p. 222]. Также важным стимулом для него было и неприятие им трансформационной грамматики Хомского, помимо прочего, по причине не присущей ей установки на понятие референции и истины как играющих центральную роль при построении не только семантики, но и синтаксиса. По этому поводу Монтегю пишет: «Я считаю построение теории истины... в качестве основополагающей цели серьезного синтаксиса и семантики» [Montague, 1970, p. 189]. В данном отношении Монтегю остается на стандартной философской позиции по отношению к природе и функции языка, которая была описана выше.

Теория типов, положенная Монтегю в основу его концепции, будучи расширением второпорядковой логики предикатов, не является популярной теорией в современной логике, что связано с тем, что второпорядковая логика предикатов не является разрешимой, а также с тем, что цели, для которых изначально разрабатывалась теория типов (попытка Б. Рассела преодолеть парадоксы наивной теории множеств), были достигнуты другими, более совершенными средствами (построение аксиоматических теорий множеств, включающих в себя теорию типов). Однако, несмотря на эту непопулярность, считается, что для таких частных (с точки зрения формальной логики) целей, как моделирование естественного языка, теория типов оказывается вполне удовлетворительной и, вследствие этого, она востребована в формальной семантике. Интенциональный язык Π , в который Монтегю предлагал переводить выражения естественного языка, был именно теоретико-типовым.

Стандартно язык теории типов состоит из выражений базовых типов и выражений производных (на основе базовых) типов. Это делает словарь данной теории весьма богатым, что также удобно

для анализа выражений естественного языка. Выражения теории типов интерпретируются на областях значений, которые также представляют собой либо области значения для базовых типов, либо области значения, производные от областей значения базовых типов.

В традиции Монтегю используется богатая интенциональная теория типов, в которой выражения способны обозначать не только значения, но и смыслы других выражений, смыслы смыслов и т. д., и, что важно, обозначать сложные интенциональные типы, образованные на основе базовых. Это обусловило возможность в известной степени исключить из интенционального языка понятие смысла как нечто лишь выражаемое, но не обозначаемое (как это было, например, у Карнапа в теории экстенционала и интенционала): все выражения формального языка имеют свой денотат, а для обозначения смысла любого выражения также существует грамматически корректное выражение. Таким образом, смыслы любых грамматических выражений в системе Монтегю могут быть рассмотрены как денотаты других грамматических выражений: для каждого выражения α , выражение $\hat{\alpha}$ обозначает смысл α , понимаемый как функция от возможного мира w (для всякого возможного мира в рассматриваемой модели) к денотату α в этом мире.

Синхронность перевода естественно-языковых выражений в теоретико-типовой язык у Монтегю, как уже было сказано выше, обуславливалась его анализом выражений естественного языка посредством предложенного им варианта категориальной грамматики.

Используемый Монтегю категориально-грамматический анализ восходит к концепции К. Айдукевича. Идея категориальной грамматики заключается в разделении всех выражений языка на категории (в системе Монтегю такими категориями были, например, предложение (S), имя существительное (CN), непереходный глагол (IV), терм (T)), которые подобно типам в теоретико-типовом языке, состоят из базовых и производных категорий (так, если S, CN и IV – базовые категории, то T может быть представлена как составная (функциональная), которая сочетается с IV, чтобы в результате этого сочетания получилось S; таким образом $T = S/IV$). Эти выражения соединяются друг с другом посредством правил сцепления (concatenation).

Этот последний аспект категориальной грамматики делает синтаксис естественных языков удобным для его перевода в интенциональный теоретико-типовой язык, в котором выражения сочетаются друг с другом по очень похожему принципу применения функции к аргументу. У Монтегю такой перевод осуществляется посредством строгих правил. В РТQ, как было сказано выше, интерпретируются уже выражения интенционального языка (служащего языком-посредником), полученные в результате перевода выражений естественного языка. В своих работах Монтегю демонстрирует и способ прямой семантической интерпретации естественно-языковых выражений, проанализированных в терминах категориальной грамматики без их перевода в формализованный язык логики, чем показывает, что принципиального различия между прямой и опосредованной интерпретации естественно-языковых выражений нет.

Таким образом, грамматика Монтегю представляла собой способ более успешного формального выражения синтаксиса естественного языка, без искажения его грамматической структуры. Также она позволяла успешно интерпретировать получаемые выражения посредством приписывания синтаксическим категориям (при прямой интерпретации естественно-языковых выражений) и синтаксическим типам (при интерпретации, опосредованной переводом в теоретико-типовой язык) того или иного базового или производного семантического типа.

1.4. Семантика Монтегю и генеративный синтаксис

Возможность успеха в построении формальной теории значения выражений естественного языка зависит от успеха в построении теории формального синтаксиса естественного языка. С этим соглашался и Монтегю, который начинал своей проект именно с его синтаксической составляющей, и Хомский, который, в целом, относился и относится скептически к перспективам формально семантических проектов. Монтегю, в свою очередь, скептически относился к проекту Хомского, о чем открыто заявлял в своих статьях.

Однако, несмотря на то, что в своих основополагающих статьях Р. Монтегю, как было рассмотрено выше, предложил проект формального синтаксиса для весьма репрезентативного фрагмента

английского языка, его современные последователи, используя его теоретико-типовую семантику, не часто обращаются к его категориальному анализу английского языка. Более того, во многих современных работах по формальной семантике, равно как и в уже существующих учебниках⁴ по данной дисциплине, теоретико-типовой интерпретации подвергаются выражения, формально структурированные, согласно принципам хомскианской генеративной грамматики.

Само по себе данное обстоятельство выглядит примечательным, поскольку современная формальная семантика стремится совмещать две традиции, родоначальники которых высказывались отнюдь не в поддержку подобного симбиоза. Однако, как бы то ни было, исследование причин отказа многих современных формальных семантистов от развития естественно-языкового синтаксиса в духе Монтегю и их переориентация на генеративную грамматику Хомского лежит за рамками задач данного исследования.

Отметим здесь лишь то, что помимо *ad hoc* характера многих синтаксических правил, предложенных Монтегю, не устраивавших многих лингвистов, в начале 1960-х было показано, что категориальные грамматики, в своей исходной форме, имели выразительную силу, не превышающую выразительную силу так называемых контекстно-свободных грамматик [Gamut, 1991a, p. 227]. Это обстоятельство сделало их непопулярными среди лингвистов по той причине, что уже в «Синтаксических структурах» Хомский убедительно показал, что контекстно-свободные грамматики не имеют достаточных выразительных способностей для того, чтобы удовлетворительным образом анализировать естественный язык. Грамматика непосредственных составляющих, которая, как упоминалось выше, в силу своей ограниченности дополнялась в его исходной концепции трансформационными и морфофонетическими правилами, также была контекстно-свободной грамматикой.

К проблемам категориальных грамматик, в частности, относились трудности, с которыми они сталкивались при объяснении таких феноменов, как (1) разрывные составляющие (в предложении «Работа была быстро сделана» составляющая «была сделана» разрывается другой составляющей «быстро»), (2) эллипсис глаго-

⁴ Наиболее иллюстративным примером здесь является учебник [Heim I., Kratzer A., 1998].

ла (опускание одного из двух идентичных глаголов, как это имеет место в предложении «Одни читали что-то Сэму, а другие – Билли»)⁵, (3) задание грамматических отношений не порядком слов, а падежом⁶. Такие ограничения отвернули многих лингвистов от категориальных грамматик, и, несмотря на то, что дескриптивная адекватность категориальной грамматики, предложенной Монтегю, существенно отличалась от так называемых «чистых» категориальных грамматик, превалирующим подходом к анализу синтаксиса естественного языка сегодня, по крайней мере в США, остается генеративная грамматика.

Сочетаемость теоретико-типовой семантики в духе Монтегю и генеративного хомскианского синтаксиса была и остается открытой проблемой, которая продолжает обсуждаться и сегодня, как в свете эволюции генеративного синтаксиса, так и в свете обоснованности изначального допущения (в свете аргументации Хомского) о том, что грамматика естественного языка не является контекстно-свободной.

1.5. Новый взгляд на теорию значения

Несмотря на существующие проблемы совместимости генеративного синтаксиса и теоретико-типовой семантики, а также того, что многие теоретики, как среди синтаксистов, так и среди семантистов, работают и получают результаты автономно друг от друга, не веря в перспективу проекта построения удачной семантики для генеративной грамматики, этот проект, разрабатываемый в рамках дисциплины формальной семантики целым рядом лингвистов, философов и логиков, также, в свою очередь, дал результаты, позволяющие рассчитывать на его перспективность.

Для нас здесь важным представляется то, какие новые, отличные от специфических характеристик стандартной логической семантики несет в себе проект формальной семантики, будучи рассмотренным как формальная теория значения естественно-языковых выражений.

⁵ Об эллипсисе см., например, гл. 17.1. в: [Митренина, Романова, Слюсарь, 2011].

⁶ Подробнее об этих проблемах для категориальных грамматик см.: [Gamut, 1991b, p. 97–98].

К первостепенным аспектам такой семантики следует отнести ее богатый интенциональный характер. Как уже упоминалось выше, второпорядковая логика предикатов имеет ряд формальных и методологических недостатков, что делает ее менее предпочтительной по сравнению с другими теориями. Однако если мы отталкиваемся от наших интуиций относительно функционирования естественного языка, то существование примеров таких предложений, как «Этот цветок – красный» и «Красный является цветом» вынуждает нас, если мы стремимся быть последовательными, анализировать «красный» как термин, обозначающий свойство индивидуальных объектов (таких, например, как тот или иной конкретный цветок), а «цвет» уже, в свою очередь, как термин, обозначающий свойство свойств индивидуальных объектов. Это делает второпорядковую логику предикатов вполне естественным выбором в качестве аналитического аппарата.

Также важным фактором является то, что иногда называется «онтологической нагруженностью» интенциональной логики⁷, которая используется в формальной семантике. Здесь речь идет, в частности, о том, что разработанный Монтегю интенциональный язык предполагал, как уже было сказано, возможность обозначения его сложными выражениями не только индивидуальных объектов, но и смыслов (и смыслов смыслов), связываемых с теми или иными простыми или сложными выражениями. Квантификация в его интенциональной системе осуществлялась над индивидуальными концептами, а не индивидуальными объектами. Универсум такого рода для многих философов, в той или иной мере симпатизирующих номинализму, мог бы показаться чрезмерным, т. е. содержащим слишком большое количество сущностей, и поэтому подлежащим редукции.

В формальной семантике подобная номиналистская редукция не считается желательной на том основании, что естественный язык, наряду с такими предложениями, как «Он видит студента»,

⁷ В этих терминах, в частности, пишет о второпорядковой логике предикатов Драгалина-Черная (см. цит. соч.). Такая терминология может показаться не самой удачной, ибо даже первопорядковая логика предикатов, имея универсум референции, является онтологически «нагруженной» (отсюда и введенная У. Куайном терминология «онтологических обязательств» теории). Поэтому под «онтологической нагруженностью» скорее следует понимать неприемлемость того или иного универсума сущностей по тем или иным основаниям философского характера.

содержит такие предложения, как «Он ищет единорога». Считается, что первое предложение содержит экстенциональный глагол, а второе – интенциональный, вследствие чего допускает как экстенциональное, так и интенциональное прочтение. К тому же, как указывает Монтегю в РТQ со ссылкой на Б. Парти, из естественно-языковых предложений «Температура – 90 градусов» и «Температура поднимается» не следует предложение «90 градусов поднимаются». Иными словами, условия истинности многих предложений естественного языка вынуждают интерпретировать его выражения как способные обозначать интенциональные объекты. Из этого формальные семантисты часто делают вывод о том, что философскими рассуждениями об онтологии, точнее о том, какой она является и, соответственно, делаемыми на основании этих рассуждений выводами о том, каким должен быть анализ естественного языка, можно пренебречь на том основании, что онтология естественного языка вполне может отличаться от той онтологии, которая, в конечном счете, может быть признана философами более удовлетворительной по тем или иным причинам.

Проект формальной семантики, характеризуемый, в отличие от более традиционной логической семантики, ориентацией на формальный анализ естественных языков, а не семантический формализованных языков логики, несет в себе и ряд специфических особенностей, в том числе и философского характера. Польза или, скорее, амбициозность данного проекта заключается в том, что он стремится продемонстрировать то, как выражения именно естественного языка, т. е. того языка, на котором мы все говорим, реально обретают свое значение на основе значений составляющих их выражений и правил их сочетания. Интегрируемость формальной семантики с лингвистикой, позволяет осуществлять этот проект на межъязыковых данных, делая соответствующие обобщения.

Наконец, формальная семантика, как междисциплинарный проект, интегрирующий в одну теорию синтаксис и семантику естественного языка, обуславливает возможность более четкого проведения границы между синтактико-семантической и прагматической составляющими в языкознании. Построение формальной прагматики в современной лингвистике и философии языка является еще более амбициозным проектом, чем построение

формальной семантики, поскольку предполагает интеграцию, помимо общего корпуса лингвистических и философских дисциплин, также и ряда направлений в когнитивной науке, психологии, социологии и даже экономике. В рамках формально-прагматического проекта значение естественно-языковых выражений рассматривается, по словам современного финского философа А. Пиетаринена, уже как «форма интерактивных процессов, порождающая тотальную сумму всех действий, возможных и актуальных, которые осуществляются или могут осуществиться, или осуществляются или могли бы осуществиться в ходе игры в различных контекстах и в варьирующемся окружении» (цит. по: [Драгалина-Черная, 2012, с. 105]).

Но даже если абстрагироваться от роли формальной семантики в вопросе об ограничении сферы прагматики и строгом определении ее исследовательской сферы и задач, ценность формальной семантики как теории значения заключается, как минимум, в следующем: если нам важно получить строгое понимание того, как мы описываем мир и думаем о нем, то формальная семантика позволяет исследовать это не с точки зрения того, как мы могли бы это делать, будь мы существами, общающимися и мыслящими на лучшем из возможных в философском и логическом смысле языках, а с той точки зрения, как мы реально это делаем, используя наш естественный язык⁸.

Глава 2. Формально-семантический анализ естественного языка как философская проблема

2.1. Философско-языковой анализ и современная релятивистская парадигма

Стандартно считается, что аналитическая философия языка, подобно философии науки, на протяжении XX в. эволюционировала от строгой сциентистской риторики к релятивистско-когерен-

⁸ Данная идея интересным образом развивается сегодня в работах И.Б. Микиртумова, исследующего логико-семантический и прагматический анализ для анализа композициональности значения высказываний (см., например, [Микиртумов, 2016]).

тистской парадигме⁹. В чем заключается данная парадигма? Она заключается во взглядах на язык как понятийную систему, которой соответствует та или иная картина мира. Разные языки могут обладать разными картинами мира, разной постулированной онтологией. Эти онтологии несоизмеримы, ибо несоизмеримы сами языки. Поэтому мы никогда не можем говорить о предметах вообще или о смыслах вообще. Мы можем говорить о них лишь как о существующих в рамках той или иной языковой системы. Перевод из одной такой системы в другую является недоопределенным, а сама референция (т. е. то, что может быть названо внеязыковой реальностью) непостижимой¹⁰.

Развитие философских концепций Р. Карнапа и У. Куайна, как ключевых представителей аналитической философии языка на протяжении практически всего прошлого столетия, здесь может рассматриваться в качестве наиболее репрезентативных примеров.

Так, Карнап начинал свои исследования с попыток обосновать научный эмпиризм через строгую редукционистскую и антикогерентистскую программу [Карнап, 1967], однако в рамках развития этой программы им был осуществлен постепенный отказ от редукции высказываний науки к базовым утверждениям, формулируемым в том или ином языке, будь то язык физики (поначалу) или какой-либо другой конкретный язык. Результатом стала поздняя теория языковых каркасов и признанный самим Карнапом тренд к прагматистско-когерентистской методологии [Карнап, 1936; Карнап, (1947) 2000]¹¹.

У. Куайн, начинавший свои философско-языковые исследования с проблемы соотношения вопросов существования и вопросов квантификации [Quine, 1939], в итоге предложил критику концеп-

⁹ Подобный взгляд на развитие аналитической философии представлен во множестве отечественных и зарубежных исследований, среди которых хотелось бы отметить следующие работы отечественных исследователей: [Ладов, 2010a; Макеева, 2011; Аналитическая философия, 2004] и др.

¹⁰ Сходное описание развития данной парадигмы предлагает В.А. Лекторский: «Релятивизм в эпистемологии стал популярен относительно недавно. И это связано с одним важным обстоятельством: обнаружением роли языка и – более широко – концептуальных каркасов в конструировании опыта и при этом признании существования разных языков и концептуальных каркасов» (см.: [Лекторский, 2012b, с. 10]).

¹¹ См. также: [Швырев, 1966; Кюнг, 1999].

ции смыслов как объективных сущностей [Quine, 1951], за которой последовали тезисы о неопределенности перевода и непостижимости референции [Куайн, (1960) 2000], онтологической относительности [Quine, 1969b] и натурализованной эпистемологии, понимавшейся как подраздел эмпирической психологии [Quine, 1969a]. Тот или иной язык, с точки зрения Куайна, это всего лишь способ построения концептуальных мостов, позволяющих нам связывать бессвязный поток данных эмпирического опыта¹².

В результате более чем полувековой истории философско-логического анализа языка ранняя максима Витгенштейна «границы моего языка означают границы моего мира» (максима 5. 6 «Логико-философского трактата») была размножена указанием на возможность существования большого числа языков и, соответственно, картин мира, а вместе с ними и способов мышления. Конвенция становится одной из ключевых максим, регулирующих нормы существования языка. Результаты Куайна в области эпистемологии гармонично сочетались с гипотезой Сепира-Уорфа [Уорф, 1960ab], что породило сильнейший релятивистский тренд не только в области непосредственно языкового анализа, но и в области эпистемологии в целом. Это связано со значительным влиянием философско-языковой проблематики на эпистемологию. И.Т. Касавин в этой связи отмечает: «Тема “Познание и язык” грозит даже поглотить всю эпистемологическую проблематику» [Касавин, 2011, с. 5].

Это влияние было и остается весьма сильным и в отечественной среде, как в области философии языка ([Ледников, 1973, 2007; Никифоров, 2011, 2012; Черняк, 2011, 2014] и др.), так и в области эпистемологии (см., например, работы Л.А. Микешиной ([Микешина, 2004, 2012 и др.])). В этой связи В.А. Лекторский отмечает: «Релятивизм не только в современной философии, но и в культуре в целом кажется одержавшим победу... Сегодня многие философы – как в мире, так и в нашей стране – считают, что сегодня нельзя не быть релятивистом» [Лекторский, 2012а, с. 3–4].

¹² Для более подробного рассмотрения данной линии развития в работах Карнапа и Куайна см., например, [Куслий, 2007].

2.2. Критика естественного языка и лингвистический релятивизм

Исследования в рамках релятивистско-когерентистской парадигмы осуществлялись и осуществляются на фоне резкой критики возможности строго семантического исследования естественного языка. Начиная с работ классиков аналитической философии, естественный язык критиковался за присутствие в нем двусмысленных выражений ([Рассел, (1905) 2002]), псевдопредложений ([Карнап, 1988]), противоречивых предложений ([Kemeny, 1957]), за (возможно присущую ему) семантическую замкнутость ([Тарский, 1998]) и т. д. Вера в недоступность естественного языка для строгого и последовательного структурного анализа заставила классиков аналитической философии обратиться к построению и исследованию формализованных языков, которые рассматривались в лучшем случае как способы ясного, строгого и последовательного представления тех или иных выразительных особенностей, присутствующих в естественном языке в неясном, нестрогом и непоследовательном виде.

Примерами таких подходов могут служить и исчисление понятий Фреге, и теория логического синтаксиса Карнапа, а также его более поздний метод интенционала и экстенционала, и экспликация понятия истины Тарским. Общая установка в основании этих теорий может быть выражена примерно так: если мы хотим исследовать те или иные присущие нашему естественному языку свойства (в частности, те формальные принципы, по которым осуществляется (научное) мышление и которые, так или иначе, присутствуют в нем), но не можем однозначно фиксировать их из-за его неподатливости строгому и последовательному анализу, то мы можем, по крайней мере, строго представить то, как могли бы быть выражены те свойства, однозначно представив их в искусственном языке. Данная идеология связывается с традицией, известной как логическая семантика (см. об этом: [Смирнова, 1996]).

Искусственный язык не обладает всеми выразительными характеристиками естественного языка, и на нем невозможно общаться, однако при этом в нем четко проявлена логическая форма выражений, обозначающие фразы имеют фиксированное значение, а синтаксически корректные предложения не могут быть противоречивыми или псевдопредложениями.

Данная идеология построения формализованного языка была выражена уже Фреге, который в одной из своих известных цитат пишет:

Отношение моего языка формул – понятийной записи к [повседневному] языку, я думаю, лучше всего можно пояснить, если сравнить его с отношением микроскопа к глазу. Последний благодаря широте своей применимости, благодаря той гибкости, с которой он приспосабливается к самым разным условиям, обладает громадным преимуществом перед микроскопом. Как оптический прибор, он, конечно, обнаруживает много несовершенств, остающихся обычно незамеченными только вследствие тесной его связи с нашей умственной жизнью. Но как только задачи науки предъявляют более высокие требования к остроте различения, обнаруживается, что глаз им не удовлетворяет. Напротив, микроскоп наилучшим образом приспособлен как раз для этих целей, но именно поэтому непригоден для всех остальных.

Аналогично, и мой язык формул (Begriffsschrift) является вспомогательным средством, изобретенным для определенных научных целей, и его не следует осуждать за то, что для других он не пригоден [Фреге, 2000а, с. 66].

Соответственно, естественные языки в рамках такой программы рассматривались в лучшем случае в качестве отправной точки для философско-языкового исследования, как та область, из которой брались те или иные закономерности, выражавшиеся далее в рамках строгого интерпретированного исчисления. Ярким примером такого формального представления того, как выражения в естественном языке могут соотноситься со своими значениями, является семантическая концепция Р. Карнапа [Карнап (1947) 2000].

Характерно, что представители так называемой философии обыденного языка (Дж. Остин, П. Стросон, П. Грайс, Дж. Серл), противопоставлявшие себя формалистам, полностью соглашались с последними именно в этом вопросе. Как писал Б. Рассел в своей известной полемике с П. Стросоном о природе референции и семантике определенных дескрипций: «Я, однако, согласен с мистером Стросоном, что обыденный язык не имеет никакой логики» [Russell, 1957б, р. 389]. Дж. Остин и П. Грайс осуществляли построение своих теорий, исходя из изначальной недоступности естественного языка строгому логическому анализу¹³.

¹³ См.: [Грайс, 1985; Остин, 1999].

Релятивистская методология в области философии языка, однако, сама по себе сталкивается с целым рядом внутренних проблем. Начиная с известного с древних времен указания на безотносительность утверждения об относительности всех утверждений и заканчивая наиболее известными философско-языковыми аргументами против ключевых постулатов лингвистического релятивизма (критика теории референции У. Куайна в работах [Kripke, 1980] и его релятивистского холизма, например, в работе [Fodor, Lerge, 1992]). И если современная релятивистская парадигма, действительно, следует из описанной выше критики естественного языка как доступного для строгого анализа, то проблематичность самой этой методологии, как минимум, ставит под сомнение приемлемость отказа от строгого анализа естественного языка. Эти основания могут быть дополнены указаниями на ограниченную продуктивность данной позиции¹⁴.

Как бы то ни было, для нас главным основанием против лингвистического релятивизма и связанного с ним отказа от строгого формального анализа естественного языка является (1) факт существования универсалий в синтаксисе, семантике и прагматике естественных языков, а также (2) те успехи, которые были достигнуты в рамках двух направлений формального анализа естественного языка, исходящего из методологической установки, согласно которой естественный язык может и должен исследоваться формально: проекта универсальной грамматики Н. Хомского и проекта универсальной грамматики Р. Монтегю.

Однако прежде чем представить универсалистскую формально-семантическую альтернативу релятивистскому философско-языковому анализу, исследуем вопрос о том, что такое естественный язык и каковы основания для возможности его формального исследования как единого феномена.

¹⁴ См. об этом, например, [Лекторский, 2012b].

2.3. Что такое естественный язык

2.3.1. Естественные языки и общества: сложность идентификации

Вопрос о том, что такое естественный язык, каковы его определяющие характеристики и что вообще значит говорить на естественном языке, может иметь самые разные ответы, каждый из которых может быть по-своему правильным. Так, язык может быть одним из определяющих критериев того или иного общества людей. Однако при первой попытке более внимательного рассмотрения данного утверждения оказывается, что границы языков и обществ размыты и могут использоваться для идентификации друг друга крайне условно.

Если учесть, что в мире существуют достаточно стабильные общества людей, каждое из которых вполне корректно называется обществом, но при этом не в силу языкового признака, то эффективность критерия языковой идентификации для таких образований оказывается под вопросом. Еще совсем недавно существовало единое общество, называвшееся советским народом, говорившее при этом на многочисленных языках. С другой стороны, известны совершенно разные общества, использующие один и тот же язык. Примерами здесь будут Сербия и Хорватия, Индия и Пакистан.

Апелляция к общности языка как определяющему признаку общества зачастую оказывается чрезмерно ангажированной политическими, экономическими и культурными мотивами. Так, известно, что в 1995 г. на фоне споров о том, является ли македонский язык диалектом болгарского, а сама Македония, соответственно, в той или иной степени частью «болгарского мира», президент Македонии Глигоров, встречаясь со своим болгарским коллегой Желевым, утверждал, что не понимает его и для общения использовал переводчика, тогда как Желев утверждал, что прекрасно понимает своего собеседника и обходился без переводчика. В Нигерии экономически неблагополучные представители нигерийского общества Нембе утверждают, что говорят на одном языке с экономически преуспевающими Калабари, тогда как последние это отрицают. Наконец, сегодня в мире говорят о так называемых

«китайских диалектах» и «европейских языках», однако различий между отдельными «диалектами» китайского зачастую больше, чем между отдельными европейскими «языками».

Но даже если собеседники не ангажированы и утверждают, что понимают друг друга, из этого все равно не следует, что они являются носителями одного языка. Путешествуя из Берлина в Амстердам и покрывая в день по 10–15 километров, мы столкнемся с ситуацией, когда на протяжении всего нашего пути люди, у которых мы будем покупать завтрак, будут прекрасно понимать людей, у которых мы будем покупать ужин, однако, достигнув пункта назначения, мы убедимся, что те, кто нас будет окружать в Амстердаме, будут разительно отличаться от тех, кого мы оставили в Берлине: это будет совершенно другое общество, говорящее на совершенно другом языке.

Таким образом, при более детальном рассмотрении, признак языковой идентификации оказывается, как минимум, размытым.

2.3.2. Естественный язык – как естественный феномен

Естественный язык – это реально существующая (или некогда существовавшая) система знаков, имеющая такую внутреннюю структурную специфику, которая позволяет ей быть освоенной человеком в сравнительно раннем возрасте (в среднем от 2-х до 2,5 лет) и использоваться для коммуникации. Существует бесконечное множество возможных знаковых систем, однако лишь некоторые из них могут быть освоены ребенком и использоваться в качестве языка. Язык логики предикатов первого порядка, как система, гораздо проще такого естественного языка, как, например, русский, однако вряд ли его может освоить ребенок в качестве своего первого языка и начать использовать в коммуникации.

Более того, естественный язык – это не просто некоторая система, которую мы используем, подобно тому, как мы можем использовать телефон или калькулятор. Владение языком (или, как минимум, способность таковым овладеть в соответствующих условиях) является одной из определяющих особенностей людей как вида животных. Практически каждый взрослый человек освоил хотя бы один язык и использует его во взаимодействии с себе подобными.

Естественный язык чаще всего реализуется в устной речи. Письменность, основанная на алфавитах, правилах орфографии и т. д., является изобретением человека, позволяющей с помощью символов (а иногда и иконических знаков) выражать то, что изначально выражается при помощи тех или иных звуковых сочетаний, порождаемых речевым аппаратом человека. Однако естественный язык вовсе не обязательно должен реализовываться устной речью. Жестовые языки являются такими же самостоятельными естественными языковыми системами¹⁵.

Поскольку естественные языки являются естественными (природными) явлениями, то их изучение в современном языкознании осуществляется в рамках дескриптивной максимы: правильное использование языка то, которое осуществляет его носитель, а не то, как того требует та или иная общественная инстанция, существующая для задания языковой нормы в обществе. Особенность данной установки наглядно проиллюстрирована С. Пинкером в его книге «Язык как инстинкт»:

Представьте себе, что вы смотрите документальный фильм о дикой природе. Экран показывает обычные роскошные виды: животных в их естественных местах обитания. Но голос за кадром сообщает вызывающие беспокойство факты. Дельфины плавают не тем стилем. Белоголовые воробьиные овсянки безответственно понижают качество своего чириканья. Гнезда синиц не так сконструированы, панды держат бамбук не в той лапе, песня горбатого кита содержит несколько всем известных ошибок, а крики обезьян уже на протяжении нескольких сотен лет находятся в состоянии хаоса и деградации. Вы наверняка отреагируете на это так: “Что, черт возьми, это за ‘ошибки в песне горбатого кита’? Разве песня горбатого кита это не все что угодно, что захочется спеть горбату киту? И, как бы там ни было, кто этот комментатор?”¹⁶.

¹⁵ Жестовые языки, вопреки расхожему заблуждению, не суть знаковые конвенции, якобы отображающие устный язык той среды, в которой они используются. Американский жестовый язык, распространенный в США, имеет множество сходств с жестовым языком французской Канады, и их носители могут друг друга понять. Однако носители устного американского английского и канадского французского вряд ли друг друга поймут. Более того, носители американского жестового языка не понимают носителей британского жестового языка, хотя носители соответствующих устных языков не имеют каких-либо серьезных проблем во взаимопонимании.

¹⁶ Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004. Гл. 12.

Исходя из данной установки, можно вполне допустить (как это часто делается в генеративной лингвистике), что каждый индивид говорит на своем собственном языке. Принципы, по которым его язык оказывается тем, что называется диалектом русского или английского языка, важны, но имеют отдельную значимость. Чаше, чем индивидные диалекты, выделяются региональные диалекты того или иного естественного языка. В этом отношении существует много разных русских языков, так же как существуют и разные английские, французские и другие языки.

Однако наряду с множеством разных естественных языков в современном языкознании часто принято говорить и о едином языке, том языке, который, как предполагается, лежит в основе всех отдельных естественных языков и представляет собой правила и ограничения, соблюдаемые во всех конкретных естественных языках и, тем самым, отличающие их от других знаковых систем.

Именно поэтому допустимость обсуждения уникальности каждого отдельного естественного языка оказывается совместимой с обсуждением тех общих характеристических структурных черт, которые присущи всем естественным языкам. Установление данных универсалий часто рассматривается как подтверждение того, что способность к освоению и использованию языка является у людей врожденной.

Далее мы рассмотрим некоторые из естественно-языковых универсалий в синтаксисе и семантике. Мы это будем рассматривать не только для того, чтобы подтвердить идею о врожденности языковой способности у людей, но и для иллюстрации того, что когерентистско-релятивистская парадигма, с обсуждения которой мы начали эту главу, неверна.

2.4. Универсалии в естественных языках

Несмотря на все различия в языках, встречающихся в мире, в них есть и множество сходств, которые становятся особенно явными, если рассматривать язык как коммуникативную систему в более общем виде. Например, язык как коммуникативная система не зависит от внешних стимулов, т. е. мы можем говорить о вещах, которые не находятся в данный момент в поле нашего непосредственного восприятия.

Однако, помимо столь общих ограничений, существуют и более конкретные универсалии, фиксируемые непосредственно в речи: ее синтаксисе, семантике, прагматике.

2.4.1. Универсалии в синтаксисе

Формальный синтаксис естественного языка, согласно определению, данному в [Хомский, 1962, Chomsky, 1995], своей основной задачей рассматривает отыскание систематических способов отличать грамматические выражения в тех или иных языках от неграмматических. В рамках этих исследований были открыты некоторые закономерности, присущие практически всем естественным языкам и способные в полной мере считаться естественно-языковыми синтаксическими универсалиями.

- Конституентная структура предложений

В любом естественном языке предложения не представляют собой простую последовательность слов. Предложения имеют структуру, и носители языка интуитивно понимают эту структуру. В частности, в предложении (1) выражение «та девочка, которая играет на арфе» является конституентой и может быть заменено словом «она», а «та девочка, которая играет на арфе, хорошо» нет.

(1) Та девочка, которая играет на арфе, хорошо рисует.

(2) Она хорошо рисует.

Из этого делается вывод, что лишь некоторые (а не любые) наборы слов, входящих в предложение, могут являться конституентами, составляющими его синтаксическую структуру.

- Ограничения на передвижение элементов

Другим примером универсальных синтаксических принципов, обнаруживаемого во всех известных языках, могут служить ограничения на перемещение элементов. Сначала продемонстрируем, что элементы предложения могут передвигаться из своей первоначальной позиции.

(3) Ты решил эту проблему.

(4) Какую проблему ты решил ___?

В предложении (4) прямое дополнение находится вначале предложения, тогда как его обычное место после глагола, как в предложении (3).

Однако если мы сделаем структуру дополнения более сложной и превратим его в конъюнкцию (5), то передвижение части дополнения станет невозможно, как это показано в предложении (6) (звездочкой отмечены предложения, которые являются грамматически некорректными) [Росс, 1967]:

(5) Маша решила эту проблему и те вопросы.

(6) *Какую проблему Маша решила ___ и те вопросы?

В настоящее время не существует окончательного ответа на вопрос, почему существуют именно эти ограничения, а не другие, однако они наблюдаются в самых разных языках (русский, английский, японский).

- Кореференциальность и связывание

Еще одно потенциально универсальное ограничение, обнаруживаемое в синтаксисе естественных языков, представлено в предложении (7) [Chomsky, 1981].

(7) *Он₁ считает, что Саша₁ умен.

(8) Саша₁ считает, что он₁ умен.

В предложении (7) слова «он» и «Саша» стандартно не могут указывать на одного и того же человека, именно в таком прочтении данное предложение является грамматически некорректным. Однако если мы поменяем местами «он» и «Саша», как это показано в (8), то мы получим вполне естественное предложение русского языка.

2.4.2. Универсалии в семантике

Общие для всех языков принципы обнаруживаются также в семантике.

- Продуктивность естественных языков

Все естественные языки обладают так называемым свойством продуктивности – мы способны производить предложения, которые никогда не слышали. Другое интересное свойство всех есте-

ственных языков – способность к рекурсии. Мы можем производить бесконечное число новых предложений, постоянно усложняя структуру, как это показано в (9)–(11).

(9) Дом, который стоит на горе, не продается.

(10) Дом, который стоит за домом, который стоит на горе, не продается.

(11) Дом, который стоит за домом, который стоит за домом, который стоит на горе, не продается.

Более того, мы можем понимать такие предложения, даже если мы их никогда ранее не слышали.

Возможно, наш язык является продуктивным благодаря тому, что в нем соблюдается принцип композициональности, согласно которому значение целого выражения это функция от значения его частей и синтаксического способа сочетания этих частей друг с другом (этот аргумент был сформулирован Д. Дэвидсоном [Дэвидсон, 1986]).

- Деление лексикона

В каждом естественном языке присутствуют так называемые функциональные элементы, такие слова как «все», «некоторые», «необходимо», «возможно», «и», «или» и т. п. Лексические элементы указывают на предметы и свойства окружающего мира («Екатерина», «зеленый», «человек», «приходить»). Они называются открытым классом, поскольку в языке могут появляться новые выражения такого типа. Функциональные элементы служат для связи значений в предложении, они не указывают на объекты внешнего мира.

Некоторые исследователи в области семантики полагают, что именно эти элементы являются частью универсальной грамматики: «Ребенок должен выучить значение лексических элементов, но этого не требуется для значения логических терминов, поскольку они являются врожденными» [May, 1991, p. 353]

- Присутствие в естественных языках кванторных выражений

Во всех известных языках мира есть выражения, которые в семантике называются кванторами [von Stechow, Matthewson, 2008], хотя в разных языках могут отличаться стратегии квантификации.

Кванторы играют центральную роль в формально-семантических исследованиях естественного языка. В рамках данной дисциплины отстаивается тезис о том, что именно выражения естественного языка – английского или русского – являются кванторами и обладают всеми свойствами, которыми обладают кванторы в логике.

Существует ряд стандартных аргументов в пользу идеи о том, что некоторые выражения естественного языка являются кванторами. Например, в русском языке возможна такая именная группа, как «больше 10 человек». Как представить семантику выражения «больше 10 человек»? Предположим, это выражение указывает на группу людей. Однако несложно показать, что оно ведет себя иначе, чем другие референциальные выражения (выражения, которые, действительно, указывают на объекты) [Heim, Kratzer, 1998, p. 135]. Сравним предложения (12) и (13).

(12) Катя проголосовала за Ивана, и Катя проголосовала против Ивана.

(13) Больше 10 человек проголосовали за Ивана и больше 10 человек проголосовали против Ивана.

Очевидно, что (12) сообщает противоречивую информацию. Однако (13) не является противоречием.

Также кванторы естественного языка могут взаимодействовать с другими операторами (например, другими кванторами) в предложении: в зависимости от того, получает ли квантор широкую область действия или узкую, предложение может иметь разные прочтения. Таким образом, один из способов удостовериться, что в предложении присутствует квантор, состоит в том, чтобы добавить в это предложение другой квантор и посмотреть на получившиеся прочтения [Heim, Kratzer, 1998]. **Рассмотрим это свойство кванторов на конкретном примере:**

(14) Каждый мальчик поздравил какую-то девочку.

Наиболее естественное прочтение этого предложения таково: каждый мальчик поздравил кого-то (какую-то ту или иную девочку), и при этом для истинности (14) вовсе не обязательно, чтобы все мальчики поздравили одну и ту же девочку.

Однако если мы выдвинем вперед дополнение, таким образом сделав акцент на нем, то наиболее явным станет другое прочтение, согласно которому существует одна какая-то девочка, которую поздравил каждый мальчик:

(15) Какую-то девочку поздравил каждый мальчик.

Именно такое предсказание делает формально-семантический подход к естественному языку, в котором «каждый» интерпретируется через квантор всеобщности, а «какая-то» через квантор существования.

Интересно, что кванторы встречаются не только в номинальной сфере, т. е. они оперируют не только на индивидах, но и на интервалах или точках времени, возможных мирах или ситуациях, степенях.

Примером кванторов, оперирующих по возможным мирам, в русском языке могут быть такие выражения, как «должен» (квантор всеобщности), «может» (квантор существования). Мы можем убедиться, что эти выражения являются кванторами в русском языке, если посмотрим на взаимоотношение этих выражений с отрицанием. Если «должен» интерпретируется посредством квантора всеобщности, а «может» посредством квантора существования, то мы ожидаем, что в языке будут наблюдаться эквивалентности, представленные в (16) и (17) (см.: [Heim, von Fintel, 2011, p. 31]).

(16) Ты не должен делать это = Ты можешь не делать этого.

(17) Ты не можешь делать это = Ты должен не делать этого.

• Консервативность естественно-языковых кванторов

Помимо того, что кванторы присутствуют во всех естественных языках, обладают ли они еще какими-то универсальными свойствами? По всей видимости, таким универсальным свойством является консервативность [Barwise, Cooper, 1981]. Мы можем продемонстрировать его на примере такого квантора, как «каждый».

(18) Каждая кошка мурлычет.

Для того чтобы узнать, истинно (18) или ложно, нам не нужно ничего знать о тех индивидах, которые не являются кошками. Информация о том, мурлычат ли собаки и коровы, не имеет отношения к (18). Предложение (19) эквивалентно (20). Квантор «живет» на своем первом аргументе.

(19) Каждая кошка – это кошка, которая мурлычет.

Квантор является консервативным, если для любого множества A истинным является (20):

(20) Квантор $(A)(B) = \text{Квантор } (A)(A \cap B)$

Мы можем сформулировать искусственный пример неконсервативного квантора – «все-не»:

(21) Все-не студенты курят.

Очевидно, что (21) Все-не студенты являются студентами, которые курят. Для того чтобы узнать, истинно (21) или нет, нам нужно смотреть на тех индивидов, которые не являются студентами. Таких кванторов не существует в известных естественных языках.

2.5. Универсальная грамматика как альтернатива лингвистическому релятивизму

Исследовательские парадигмы Хомского и Монтегю, появившиеся в конце 1950-х и 1960-х гг. соответственно, получили мощное развитие в программах генеративной грамматики и формальной семантики и сегодня являются одними из наиболее распространенных подходов к формальному анализу естественного языка: его синтаксиса (генеративная грамматика Хомского и последователей) и его семантики (формальная семантика Монтегю и его последователей). Формальный синтаксис Хомского предлагает те структуры, которые, так или иначе, становятся доступными для строгой последовательной интерпретации. Мы говорим «так или иначе» поскольку ни Хомский, ни Монтегю не замыслили свои проекты как взаимодополняющие. Скорее наоборот: Хомский, как известно, критически относится к перспективам семантических штудий, тогда как Монтегю открыто заявлял о бесперспективности языкового анализа Хомского, основанного на тезисе об автономии синтаксиса. Однако, несмотря на это, в реальных современных исследованиях две эти парадигмы объединяются и дополняют друг друга не только на практике действующими исследователями, но и уже на образовательном уровне (два фундаментальных учебника в обла-

сти современной формальной семантики [Heim, Kratzer, 1998] и [Heim, von Stechow, 2011] эксплицитно используют такую единую методологию¹⁷⁾¹⁸⁾.

Важно, что результаты данных программ в области формального синтаксиса естественного языка и его формальной семантики оказываются крайне показательными относительно возможности универсального подхода к исследованию тех общих принципов, которые присущи единому феномену естественного языка, т. е. тех принципов, которые являются общими для всех естественных языков и тех параметров, по которым они могут различаться. Будучи дополненными методологией прагматической концепции П. Грайса, которая также считается универсальной [von Stechow, Mattewson, 2008], эти направления формируют три базовые столпа теоретического языкознания (семиотики), которые были обозначены в [Моррис, (1938) 1982]: синтаксис, как исследование законов сочетания языковых выражений друг с другом; семантика, как исследование отношения между языковыми выражениями и внеязыковой реальностью; прагматика, как исследование зависимости значения выражений от контекста их употребления.

Помимо рассмотренных выше примеров естественно-языковых универсалий, существует ряд стандартных аргументов, используемых в современном языкознании для того, чтобы обосновать тезис об универсальной природе естественного языка. Во-первых, дети осваивают родной язык за очень короткий срок – 2 года, уже в этом возрасте они способны понимать предложения, которые слышат впервые, и строить собственные сложные предложения. Во-вторых, мы как носители языка способны отличать грамматические конструкции от неграмматических, несмотря на то, что неграмматические не даны нам в опыте. В-третьих, мы можем производить бесконечное количество предложений, которые мы никогда ранее не слышали. В-четвертых, принципы, общие для всех языков, обнаруживаются в семантике, синтаксисе и прагматике.

¹⁷⁾ Хороший обзор используемых в современной семантике формализмов также представлен в: [Андреев, Митрофанова, Соколов, 2014].

¹⁸⁾ Для более подробного исследования вопросов исторического развития и сосуществования формальной семантики и генеративного синтаксиса см. [Partee, 2011] и цитируемую там литературу.

С точки зрения современной генеративной лингвистики способность к употреблению языка является врожденной когнитивной способностью всех людей. Из этого, однако, не следует, что для того чтобы говорить на том или ином языке, достаточно просто быть человеком (примеры детей-маугли это опровергают). Однако именно в силу упомянутой врожденной способности дети между двумя и тремя годами за сравнительно короткий срок осваивают грамматику того языка, который используется в среде, где они растут.

В пользу теории о врожденности способности к языку свидетельствует также то, что знание языка превосходит знание, которое может быть получено из непосредственного опыта, поскольку в опыте не даны негативные примеры. Тем не менее любой носитель языка способен отличить грамматически корректно построенные фразы от грамматически некорректных. Эту способность нельзя объяснить тем, что негативные примеры гораздо реже или совсем не встречаются в опыте. Мы можем рассмотреть два примера предложений (24) и (25), имеющих структуру, которая примерно с одинаковой частотой встречается нам в опыте (а именно, очень редко или никогда).

(24) Саша подумал, что Илья сказал, что Иван сообщил, что Женя заметил, что идет конференция.

(25) *С кем Саша говорил с Настей и?

Тем не менее для носителей языка не составляет труда понять, что предложение (24) является грамматически корректным, а предложение (25) нет.

В генеративной лингвистике проводится различие между универсальными фундаментальными принципами и параметрами, по которым грамматики языков могут отличаться друг от друга. Межъязыковая вариация, таким образом, сводится к разнице лексиконов (конкретного языка) и выбору определенных параметров из заранее данных вариантов. Например, в русском языке обычно прилагательное предшествует существительному («интересная книга»), а во французском – наоборот («un livre interessant»).

Таким образом, к стандартным аргументам в пользу универсальной природы естественного языка можно отнести следующие: дети осваивают родной язык за очень короткий срок 2 года; мы

отличаем грамматические конструкции от неграмматических, хотя неграмматические не даны в опыте; принципы, общие для всех языков, обнаруживаются в семантике, синтаксисе и прагматике; мы можем производить бесконечное количество предложений, которые мы никогда ранее не слышали.

2.6. Являются ли языковые системы несоизмеримыми?

Различия, которые мы обнаруживаем между языками мира, очень важны, но с точки зрения внешнего наблюдателя – например, биолога, изучающего коммуникативные системы живых организмов, – различия между ними не более существенны, чем различия между разными региональными диалектами одного языка.

В рамках данного подхода богатство словаря не считается существенным свойством языка и поэтому, вопреки расхожему предубеждению, естественные языки не делятся на «примитивные» и «непримитивные». Исследование параметров, характеризующих грамматику различных языков, выявляет всю субъективность нередко делающегося сегодня противопоставления языков, с одной стороны, и их диалектов, с другой.

Иллюстративным примером здесь является случай креольского языка Гаити, который сегодня многими считается «ломаным французским» и отношение к которому зачастую является уничтожительным не только на бытовательском уровне, но и на уровне государственных и межгосударственных инициатив. Между тем креольский язык Гаити, действительно сформировавшийся на основе французского языка, не является пиджином, а представляет собой полноценный язык, обладающий полным арсеналом функциональных терминов (считающихся составляющими универсальной грамматики), этот язык передается от родителей к детям и используется множеством людей в качестве их единственного языка [DeGraff, 2005].

2.7. Заключение

Опираясь на разработки современной лингвистики, мы подвергли критике распространенную в современной философии идею о том, что естественные языки отличаются друг от друга существенным образом, они формируют несоизмеримые картины мира, которая используется для обоснования релятивизма в области философии языка, а также эпистемологии и онтологии. Принципы, общие для всех естественных языков, обнаруживаются в синтаксисе, семантике и прагматике. В каждом языке предложения обладают структурой, все языки являются продуктивными, любой естественный язык обладает способностью к рекурсии.

Конечная цель, которую мы стремились достичь, заключается в демонстрации того, что междисциплинарная программа синтаксического, семантического и прагматического, изучающая язык как естественный феномен и отвечающая на вопросы о том, как возможны в нем грамматически правильные и осмысленные высказывания, а также коммуникативно значимые утверждения, выполняет одну важную функцию философского характера, которую не выполняет (или выполняет хуже) ее релятивистская альтернатива. Эта программа позволяет нам понять то, как мы реально говорим и думаем о мире, как наши реальные высказывания становятся осмысленными, и как мы можем и не можем их использовать в коммуникативной практике.

Глава 3. Различие между семантикой и прагматикой

3.1. Основные определения: семантика и прагматика

Как уже было сказано выше, в логико-философской и лингвистической традиции принято проводить различие между тремя основными направлениями исследований в области семиотики (теории знаков) – семантикой, синтаксисом и прагматикой. Данное различие восходит к работе Ч. Морриса «Основания теории знаков» (1938). В рамках этой традиции считается, что синтаксическая теория исследует такие свойства выражений, как грамматическая корректность, предметом изучения семантики являются отноше-

ния между выражениями и тем, что они обозначают, а прагматика занимается отношениями между выражениями и их употреблением в контексте конкретной ситуации.

Идея проекта формальной семантики для естественного языка впервые была сформулирована в работах Г. Фреге. В основе современной формальной семантики лежат работы Ричарда Монтегю.

Классический учебник по формальной семантике начинается словами: «Знать значение предложения – значит знать условия его истинности» [Heim Kræzer, 1998, p. 1]. Эта идея является центральной для современной формальной семантики. В ней также предполагается, что условия истинности предложений естественного языка могут быть представлены в виде логических формул.

Другой основополагающей идеей является композициональность – значение сложных выражений построено из значения простых выражений, входящих в их состав, на основе синтаксических правил. Дональд Дэвидсон [Дэвидсон, 1986] сформулировал аргумент в пользу композициональной семантики, согласно которому наша способность быстро освоить огромный массив языка и производить предложения, которых мы никогда не слышали, может объясняться тем, что естественный язык состоит из конечного набора правил, которые мы изучаем в процессе освоения языка.

Большинство (хотя и не все) формальных семантик являются теоретико-модельными, т. е. в них все лингвистические выражения соотносятся с заданным универсумом объектов посредством правил интерпретации (истинностным значением, референцией и возможными мирами).

Важной для формальной семантики для естественного языка является идея семантической компетенции. В соответствии с предложенной выше основной идеей формальной семантики это знание условий истинности: если нам дано предложение и ситуация, в которой оно произнесено, то мы как носители языка можем судить, какие условия должны быть выполнены, чтобы это предложение было истинным. Также компетентный носитель языка способен выносить суждения об отношениях следования между предложениями этого языка.

Для прагматики Ч. Моррис предлагал следующее определение: «прагматика» – дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам [Моррис, 1982]. Это определение не являет-

ся достаточно ясным. Существенным образом уточнил это понятие П. Грайс. В работе «Логика и речевое общение» он сформулировал различие между тем, что было сказано в предложении, и тем, что было имплицировано в его произнесении. Следующий пример проясняет, что конкретно имел в виду Грайс под различием сказанного и имплицированного (от термина «имплицатура», введенного Грайсом):

Предположим, А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у В на работе, и Б отвечает: «Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму». Тут А вполне может заинтересоваться, что Б имеет в виду, на что он намекает или даже что значат его слова о том, что В еще не попал в тюрьму <...>. В любом случае нам кажется очевидным следующее: то, что (в рассмотренном примере) Б подразумевал, имел в виду, на что он намекал и т. д., отличается от того, что он сказал – сказано было только то, что В еще не попал в тюрьму [Грайс, 1995, с. 220].

То, что было сказано, согласно Грайсу, определяется конвенциональным содержанием слов, которые были произнесены: «Если мы знаем английский язык, но не знаем ничего относительно ситуации произнесения этого высказывания, мы получим некоторое представление о том, что было сказано говорящим» [Грайс, 1995].

От Грайса берет начало традиция относить к области семантики исследование того, что было сказано в предложении, и к области прагматики того, что было имплицировано говорящим в произнесении данного предложения.

То, что было сказано, в отличие от того, что было имплицировано, доступно для любого компетентного носителя языка, независимо от того, что ему известно о конкретной ситуации; эта информация закодирована в самом предложении и передается слушающему независимо от интенций говорящего; чтобы передать эту информацию, говорящий просто следует лингвистическим правилам, а не использует какую-то сложную когнитивную стратегию.

Безусловно, это определение несколько упрощает реальную ситуацию, и мы увидим ниже, что не в каждом случае легко отличить то, что сказано, от того, что имплицировано. Существуют и другие определения прагматики, однако для целей данного обсуждения актуально именно это изначальное определение.

3.2. Зависимость от контекста и неопределенность значения как вызов для систематической семантики

В 1940–1960 гг. прошлого столетия большую популярность получила философия обыденного языка, ключевой идеей которой была невозможность исследования языка независимо от контекста его употребления. Многие философы данной школы, в частности Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Серл, выражали общий скептицизм относительно проекта систематического исследования языка. Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» сформулировал концепцию значения как употребления, в которой не оставалось места для различия между тем, что сказано в предложении, и тем, что имплицитруется в его произнесении: значение предложения целиком и полностью оказывалось зависимым от контекста его употребления. Идеи позднего Витгенштейна оказали большое влияние на философию языка, и многие исследователи, следуя за ним, считали, что проект формального систематического исследования языка, сформулированный в работах Г. Фреге, невозможно реализовать. Этот скептицизм во многом до сих пор сохраняет свое влияние на многих философов, интересующихся проблемами языка, как в отечественной, так и в зарубежной науке [Никифоров, 2011].

Однако в теоретической лингвистике формальные исследования успешно продолжали реализовываться: в области семантики развивались методы, предложенные Р. Монтегю, на работах Н. Хомского основывались исследования синтаксиса, и даже зависимость выражения от конкретной ситуации употребления и связываемой с ним имплицатуры Грайса стали объектом формальных исследований в рамках традиции неограйсианства. Зависимость от контекста и неопределенность естественного языка уже давно стали объектами формального исследования, и теперь нельзя построить аргумент, в котором просто из существования такого рода феноменов выводится невозможность их систематического анализа.

Почему же многие исследователи и сейчас полагают, что зависимость значения предложений языка от контекста является вызовом для проекта формальной семантики? Дело в том, что

они считают, что контекстуальная зависимость и неопределенность выражений не позволяют отделить проблемную область семантики от проблемной области прагматики. Иными словами, эти исследователи полагают, что не существует различия между тем, что сказано в предложении, и тем, что имплицитруется, предполагается говорящим при произнесении данного предложения. Они думают, что невозможно задать и описать условия истинности предложения вне зависимости от контекста их конкретного произнесения.

Возможность проведения четкого различия между прагматикой и семантикой важна для возможности систематического исследования значения. Понятие имплицатур Грайса предполагает возможность проведения различия между тем, что сообщает предложение, и тем, что имеет в виду (имплицитует) говорящий. Мы исходим из того, что сообщает предложение, для того, чтобы вычислить имплицатуру. Если же предложение ничего не может сообщать, независимо от имплицатур, то становится неясным, какую роль может играть семантическое содержание вообще, каким образом значение сложных выражений может быть функцией от значения простых выражений¹⁹.

Не все аспекты проблемы зависимости значения от контекста представляют собой сложность для формальной семантики. Монтегю относил к прагматике все формы зависимости выражений от контекста [Montague, 1974], однако есть основания пересмотреть данное представление о прагматике. Некоторые формы зависимости от контекста основываются на четкой лингвистической конвенции. Так, например, значение слова «я» зависит от контекста, однако нам известно, что это слово всегда указывает на автора высказывания. Существует ряд других выражений, значение которых хоть и не в полной, но в значительной мере задается лингвистическими конвенциями – таковы демонстративы («это»), местоимения («она»). Когда говорят о том, что зависимость от контекста

¹⁹ Данное допущение, однако, принимается не всеми исследователями, например, Кент Бах называет идею, согласно которой, «чтобы вычислить, что имплицитруется, сначала требуется определить, что говорится» одним из 10 наиболее популярных заблуждений относительно имплицатур (*Bach K. The Top 10 Misconceptions about Implicature*. URL: <http://userwww.sfsu.edu/~kbach/TopTen.pdf> 20059 (дата обращения: 22.01.2017).

является вызовом для проекта формальной семантики, то не эти выражения имеют в виду в первую очередь, хотя и их семантика вызвала ряд интересных дискуссий²⁰.

Рассмотрим, например, предложение «Идет дождь». Условия истинности данного предложения, интуитивно понимаемые при его произнесении в конкретной ситуации (приблизительно их можно выразить так: «Идет дождь» истинно, если дождь идет здесь и сейчас), не совпадают с теми условиями истинности, которое задает это предложение, если понимать его буквально, исходя только из элементов, которые в данном предложении присутствуют («Идет дождь» истинно, если и только если идет дождь (вообще)).

Другой пример, заимствованный из работы Б. Парти: «Я выключила духовку». Если принять во внимание, что человек скорее всего выключал духовку в прошлом более, чем один раз, то данное предложение сообщает тривиальную истину, однако это отличается от того, как мы интуитивно понимаем значение данного предложения в контексте [Partee, 1989].

Сходный с этим и обсуждаемый в литературе проблемный случай – это ограничение области действия квантора. Как и в случае с дождем, интуитивные условия истинности предложения «Все студенты сдали экзамен на “отлично”», произнесенного в контексте, будут состоять не в том, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично», а в том, что все студенты в конкретном классе сдали экзамен на «отлично».

Еще один сложный случай – это прилагательные и глаголы, значение которых варьируется в зависимости от того, к каким объектам они относятся. Например, значение выражения «большая мышь» нельзя представить как некоторый объект, который обладает одновременно свойством быть мышью и быть большим, поскольку большая мышь может быть достаточно маленьким существом.

С другой стороны, существуют прилагательные и глаголы, значение которых зависит от того, с каким существительным они сочетаются: значение слова «отрезать» будет варьироваться в зависимости от контекста – сравните выражения «отрезать волосы» и «отрезать торт».

²⁰ Интересное обсуждение сочетания конвенционального и неконвенционального элементов для такого рода выражений можно найти в работах: *Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan. Oxford, 1989; Bach K. Thought and Reference. Oxford, 1987. P. 49–85.*

Эти проблемные случаи достаточно давно известны и обсуждаются в литературе, но интерес к вопросу о зависимости языковых выражений от контекста по-прежнему является одной из ключевых тем философии языка: существует множество монографий, специально посвященных обсуждению этих проблем²¹. В целом сформировалось несколько подходов к решению вопроса об этой зависимости, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем.

3.3. Язык и контекст: основные подходы

Дискуссии в современной аналитической философии языка сконцентрированы вокруг контекстуализма – направления, в котором решение представленных выше проблем предлагается через кардинальный пересмотр традиционных представлений о семантике и прагматике, и его критики

Контекстуализм

Существует несколько разновидностей семантического контекстуализма, но их объединяет идея о том, что прагматические факторы присутствуют на всех этапах интерпретации значения предложения. Согласно контекстуализму, для адекватного анализа того, что сказано, не достаточно семантики; ни одно предложение не выражает пропозицию, не обладает условиями истинности (или условиями приемлемости), если мы рассматриваем его без контекста употребления и не принимаем во внимание прагматические по своей природе факторы.

К контекстуализму в семантике относят идеи Дж. Серла, Ч. Тревиса, Ф. Реканати, Д. Спербера и Д. Уилсона, Дж. Перри. Идеи контекстуализма также ассоциируют с понятием «неартикулированных конституент», призванным выразить функцию зави-

²¹ См. например: *Cappelen H., Lepore E. Content in Context. Selected Essays.* Oxford, 2012; *Context Sensitivity and Semantic Minimalism.* Oxford, 2007; *Contextualism in Philosophy.* Oxford, 2005; *Stanley J. Language in Context.* Oxford, 2007; *Borg E. Minimal Semantics.* Oxford, 2004; *Recanati F. Literal Meaning.* Cambridge, 2004; *Recanati F. Truth Conditional Pragmatics.* Oxford, 2010; *Cappelen H., Lepore E. Insensitive semantics.* Wiley-Blackwell, 2005; *Semantics vs Pragmatics.* Szabo Z. (ed.). Oxford, 2007.

симости значения предложения от контекста. Сам термин «неартикулированные конститuentы» был, по всей видимости, введен Дж. Перри [Perry, 1993], однако и Тревис и Серл утверждали, что предложение имеет условия истинности или приемлемости в более широком смысле слова, только когда мы принимаем во внимание контекстуальные факты, которые не являются артикулированными. Обсуждая проблему неопределенности выражения «отрезать» вне контекста, Серл приводит пример предложения «Отрежь солнца». Поскольку (возможно пока) не существует контекста, в котором произнесение данного предложения было бы осмысленным, мы не можем представить, какие конкретно действия ожидалось бы от индивида в данном случае, основываясь лишь на конвенциональном смысле слов.

Дж. Перри вводит неартикулированные конститuentы для анализа таких предложений, как «идет дождь». Он полагает, что для того, чтобы понять смысл данного предложения в контексте, требуется признать, что помимо произнесенных слов в нем присутствует скрытый индекс, который указывает на место, где идет дождь, и условия истинности данного предложения не могут быть поняты, пока мы не знаем, на что указывает этот индекс. Перри утверждает, что неартикулированные конститuentы вводятся на постсемантическом уровне. Его аргумент основывается на контрасте между предложениями «Здесь идет дождь» и «Идет дождь». В первом случае язык (буквальное значение слов) дает достаточно четкое указание на то, что следует рассматривать в качестве индекса. Во втором случае индекс не присутствует в грамматической структуре предложения [Perry, 1998]. В зависимости от контекста второе предложение будет сообщать о том, что идет дождь здесь или в каком-то другом месте.

Одним из наиболее известных сторонников контекстуализма является современный французский философ Франсуа Реканати, сформулировавший проект прагматики в терминах условий истинности. В более ранних работах он формулировал свою основную идею также через понятие неартикулированных конститuent [Recanati, 2000], однако в более поздних работах [Recanati, 2010] эту функцию выполняет понятие модуляции (ниже связь между этими двумя понятиями будет пояснена).

В основе прагматики в терминах условий истинности лежит идея о том, что предметом интереса и исследования философа языка и лингвиста должны быть условия истинности высказывания, интуитивно понимаемые людьми, использующими язык. Когда мы произносим предложение «Все студенты получили «отлично» на экзамене», то интуитивно мы понимаем, что условия истинности этого предложения не состоят в том, что все студенты всего мира получили «отлично». В грамматической структуре данного предложения отсутствует ограничение области действия квантора «все». Согласно Реканати, эта информация привносится в предложение с помощью прагматического процесса наполнения предложения неартикулированными конституентами. Дело не только в том, что значение такого рода предложений варьируется, но также в том, что оно изменяется не в зависимости от каких-то объективных свойств контекста, а в зависимости от интенций говорящего.

В отличие от Перри, Реканати подчеркивает, что процесс наполнения смысла предложения с помощью такого рода конституент не является обязательным. Для Реканати это значит, что нельзя утверждать, что в структуре данного предложения постоянно наличествует скрытое индексное выражение или переменная, задающая именно тот универсум, который требуется контекстом. Если мы рассмотрим тот же пример с прогнозом погоды «Идет дождь», то в большинстве случаев то, что сказано в данном предложении, невозможно понять, не зная места и времени, о котором идет речь, однако можно сконструировать случай произнесения данного предложения в ситуации, когда дождь стал огромной редкостью на Земле и каждый случай выпадения дождя фиксируется специальными датчиками. Для понимания условий истинности высказывания в последнем случае, с точки зрения Реканати, не требуется введения дополнительных конституент²².

Подобные примеры, с позиции Реканати, демонстрируют, что традиционная семантика не способна адекватно отразить условия истинности высказываний и вместо пропозиций и условий истинности на выходе она способна дать только неполные схемы

²² Нам представляется, что данный пример не достаточно иллюстративен, т. к. сторонник идеи о том, что в структуре этого предложения постоянно наличествует скрытый индекс, мог бы ответить, что во втором случае индекс указывает на планету Земля.

предложений, пропозициональные функции (термин Б. Рассела; пропозициональная функция образуется путем замены одного или нескольких элементов предложения на переменные).

Такого рода процессы, при которых зависимость от контекста не предполагается значением какой-то конкретной лексической единицы в предложении (например, если в предложении отсутствуют индексы или местоимения), но тем не менее влияет на условия истинности предложения, он называет свободными прагматическими процессами; в литературе также встречается название «сильные прагматические эффекты» [Stanley, 2007]. Модуляция является свободным прагматическим процессом. Модуляция – это функция, аргументами которой являются выражение и контекст, а значением – релевантный для данного контекста смысл данного выражения. Понятия модуляции и неартикулированных конституент близки, но отличаются тем, что модуляция – это преобразование конкретной лексической единицы, и смыслы, которые появляются в результате модуляции, нельзя назвать неартикулированными конституентами, поскольку они соотнесены с некоторыми конституентами в предложении. Однако если мы осуществляем модуляцию целого предложения, то это будет соответствовать введению неартикулированных конституент.

Реканати приводит следующие примеры модуляции отдельных лексических единиц: в предложении «Город спит» слово «город» претерпевает модуляцию и приобретает значение «люди, проживающие в городе», другой пример: «В центре торгового комплекса сидит лев». Здесь «лев» указывает не на настоящего льва, а на статую льва.

Можно выделить три основных возражения, сформулированных против данной концепции. Во-первых, считается, что данная концепция несовместима с проектом систематической семантики. Выражение, по Реканати, может вносить свой конвенциональный смысл в состав более сложного выражения, но оно также может вносить бесконечное количество других смыслов. Во-вторых, прагматика условий истинности ставит значение практически всех выражений в зависимость от интенций говорящего, сводя к минимуму объективный элемент (семантику) в коммуникации, что существенно затрудняет коммуникацию. В-третьих, этот подход имеет недостаток чрезмерного обобщения, а именно дает ложные

представления о том, что возможны любые модуляции предложений. Например, предложение «Всем нравится Салли», согласно данной концепции, должно быть способно означать «Всем нравится Салли и ее мама», что, конечно же, является ложным. Язык имеет достаточно четкие правила, что не находит отражения в рамках данной концепции.

В своей книге «Прагматика условий истинности» (2010) Реканати отвечает на данные аргументы. Мы не ставим своей задачей ответить на вопрос, насколько адекватны ответы Реканати. Однако важно заметить, что подход прагматики условий истинности в любом случае бросает вызов современному пониманию формальной семантики и требует серьезного пересмотра ее оснований. Таким образом, нам следует принимать данную концепцию только в том случае, если в рамках классической семантики невозможно дать ответ на те проблемные случаи, которые приводит Реканати. Кроме того, не совсем оправданной представляется предпосылка о том, что все указанные проблемы имеют одну и ту же природу и должны решаться одинаковым образом (например, на наш взгляд, ситуацию с метафорическим употреблением выражений следует рассматривать в ином ключе, чем проблему ограничения области действия квантора). Ниже будут рассмотрены подходы, не требующие такого серьезного пересмотра классического отношения между тем, что было сказано и тем, что было имплицировано, которые не допускают сильных прагматических эффектов. Мы увидим, что у классического подхода есть соответствующие ресурсы для решения сформулированных проблем.

Буквализм

Контекстуалистам в современной философии языка противостоят так называемые буквалисты. Это название объединяет достаточно сильно отличающиеся между собой теории, общим элементом которых является идея о том, что сильные прагматические факторы не могут оказывать влияние на семантическое содержание выражений, и которые, однако, существенно расходятся по вопросу о том, насколько значительна роль семантического содержания в реальной коммуникации. Буквализм (“literalism” – от слова “literal” – буквальный) в настоящее время, пожалуй, являет-

ся доминирующей позицией в обсуждении проблемы дистинкции между семантикой и прагматикой в философии языка. Название «буквализм» связано, по всей видимости, с тем, что сторонники такого рода концепций к семантическому содержанию предложений относят только то, что буквально выражено элементами данного предложения.

Буквалистов объединяет вера в то, что мы можем приписывать содержание в терминах условий истинности предложениям естественного языка, независимо от того, что имеет в виду говорящий, который произносит эти предложения. Таким образом, буквализм – это концепция, согласно которой семантическое содержание предложения, произнесенного в контексте, можно и следует отделить от прагматического содержания.

Среди буквалистов можно выделить минималистов и индексикалистов, хотя эти термины не всегда используются одинаково всеми участниками дискуссии (например, в рецензии на книгу «Буквальное значение» известный критик позиции Реканати Дж. Стэнли отделяет свою позицию от буквализма [Stanley, 2007, p. 237], хотя его концепцию принято относить к данному направлению [Korta, 2011]). **Общей чертой всех минималистских концепций** является то, что в них признается лишь минимальный набор выражений, значение которых зависит от контекста, т. е. только те выражения, контекстуальная природа которых является очевидной («я», «сегодня», «она», «это» и т. п.). Минимализм в существенной мере следует идеям П. Грайса, который видел прагматику как дополнение, а не альтернативу семантике.

Индексикалисты, ведущими представителями которых являются Дж. Стэнли и З. Сабо, постулируют наличие контекстуально зависимых выражений, присутствующих в предложении в неявном виде, практически для каждого случая, когда интуитивные условия истинности высказывания зависят от контекста.

Минимализм

Минимализм представляет собой прямой ответ на сложности для проекта формальной семантики, которые возникают из-за неполноты или недостаточной определенности предложений естественного языка. Вернемся к примеру предложения, в котором об-

ласть действия квантора не ограничена и интуитивно должна быть считана с контекста: «Все студенты сдали экзамен на “отлично”». Для того чтобы избежать введения неартикулируемых конституент средствами прагматики в семантическое содержание данного предложения, минималисты утверждают, что его семантическое содержание, понятое буквально, даже если мы рассматриваем его относительно конкретного контекста, состоит именно в том, что вообще все студенты мира сдали экзамен на отлично. Предложение «Идет дождь», если его понимать буквально, истинно, если идет дождь (вообще в принципе). В семантическом минимализме принимается идея о том, что семантическое содержание предложения может достаточно серьезно отличаться от того, что сообщает говорящий в конкретном акте высказывания. К минимализму в современной философии языка относятся Н. Сэлмон, С. Соумс, Э. Борг, К. Бах, Э. Лепор, Г. Каппелен и др.

Как было сказано выше, мотивация, которая стоит за такого рода концепциями, заключается в том, чтобы сохранить область семантики совершенно автономной от любых сильных прагматических воздействий. Таким образом, сторонники данной концепции стремятся развести нашу лингвистическую компетенцию, связанную со знанием семантики (нашу способность понимать и считывать условия истинности типов предложений вне зависимости от их употребления в контексте), и нашу более общую способность объяснять поведение, приписывая другим людям интенции [Borg, 2004]. Сохранение семантического содержания свободным от прагматики позволяет сохранить все те важные преимущества, которыми обладает формальная семантика – объяснение композициональности языка, объяснение его продуктивности, объяснение нашей способности быстро осваивать большие объемы языкового знания, объяснение способности понимать условия истинности предложений, которых мы никогда до этого не слышали.

Минимализм предлагает достаточно простые ответы на вызов контекстуализма. Двумя основными аргументами в пользу последней позиции, как было сказано выше, являются тезис о том, что во многих случаях предложения обыденного языка не способны задать какие-либо условия истинности без конкретного контекста, и тезис о том, что условия истинности, которые они задают, являются нерелевантными к интуитивно понимаемым условиям ис-

тинности высказывания в контексте. В ответ на второе замечание минималист скажет, что понятия релевантности, адекватности не являются по своей природе семантическими, это чисто прагматические понятия, они важны для определения того, что говорящий мог бы иметь в виду в данном контексте, но не имеют отношения к вопросу о том, каково буквальное значение данного предложения [Borg, 2004].

В ответ на первое соображение минималисты могут предложить различные ответы, в зависимости от конкретного примера. Например, Ф. Реканати использует пример цвета для демонстрации неопределенности значения. С его точки зрения, значение слова «красный» не будет одним и тем же для всех случаев употребления данного предиката: сравним, например, выражения «красное лицо» и «красная ручка». Ручка может быть красной не только, если ее поверхность является красной, но и если чернила, которыми она пишет, являются красными. Что значит для какого-то предмета просто быть красным? В ответ на это минималист также скажет, что разрешение данного вопроса не входит в задачу исследователя семантики, это скорее задача для метафизики [Cappelen & Lepore, 2004]. Семантика может только сказать, что предложение «А красное» является истинным, если А является красным.

Далее, сторонник минимализма мог бы справедливо ответить контекстуалисту, что для любого уточненного значения можно сформулировать аналогичные вопросы. Например, если мы полагаем, что для анализа значения предиката «красный» необходимо провести различие между «иметь красную поверхность» и «быть красным изнутри», то далее можно потребовать уточнить понятие «иметь красную поверхность» и так до бесконечности. Контекстуализм, с точки зрения Лепора и Каппелена, не имеет умеренного измерения, он может быть только радикальным. Радикальный же контекстуализм не объясняет наши интуиции относительно истинности предложений типа «А красное», если и только если А красное», т. к. согласно этой точке зрения они должны быть ложными или не имеющими истинностного значения [Cappelen & Lepore, 2004].

Однако не все минималисты сходятся во мнении относительно того, что является семантическим значением предложений, которые, по крайней мере на первый взгляд, являются неопреде-

ленными. Так, например, Каппелен и Лепор будут рассматривать предложение «Эрни готов» как выражающее полную пропозицию. К. Бах, соглашаясь с ними в том, что семантическое значение предложения должно быть буквальным и минимальным, считает, что данное предложение не выражает полной пропозиции (не обладает условиями истинности). Для Баха семантическое значение предложения может представлять собой нечто вроде пропозициональной функции [Bach, 2005], и почти все предложения языка не выражают полной пропозиции. В ответ на это Каппелен и Лепор справедливо отмечают, что Бах не сформулировал никакого критерия для возможного отличия предложений, выражающих полную пропозицию, от предложений, не выражающих полную пропозицию.

Также может возникнуть вопрос в отношении концепции К. Баха: если семантическое значение предложения редко бывает пропозициональным, то это означает, что мы должны отбросить идею о том, что задачей семантики является формулировка условий истинности; будет ли в данном случае позиция Баха отличаться существенным образом от позиции контекстуализма? Бах считает, что его понятие семантического содержания играет важную теоретическую роль. Во-первых, любое предложение может быть дополнено таким образом, что оно будет выражать пропозицию. Во-вторых, в отличие от контекстуализма, семантическое значение в концепции Баха подчиняется принципу композициональности в самом строгом смысле²³.

Э. Борг предлагает другой ответ на возражение о неполноте некоторых предложений: она считает, что в некоторых случаях мы можем восстановить пропозицию, выраженную неполным предложением, исходя из синтаксических свойств выражений в данном предложении [Borg, 2004]. Итак, если рассмотреть пример предложения «Джон ест», то, зная, что «ест» является переходным глаголом и требует объекта, на синтаксическом уровне описания будет добавлено второе место для аргумента с переменной, связанной оператором существования. Если этот анализ корректен, то «Джон ест» будет выражать пропозицию, а именно «Джон ест что-то». Соответствующие рассуждения можно применить к примеру, об-

²³ См.: *Bach K. Conversational Implicature // Mind & Language. 1994. Vol. 9. Iss. 2. P. 124–162; Bach K. Semantic Slack // Foundations of Speech Act Theory, S.L. Tsohatzidis (ed.). Routledge, 1994.*

суждаемому Бахом, Лепором и Каппеленом. Таким образом, можно было бы сказать, что «Он готов» выражает минимальную позицию «Он готов к чему-то».

Можно выделить два основных возражения минималистскому представлению о семантике.

Во-первых, это замечание о том, что минималистское содержание не играет никакой роли в коммуникации, оно слишком сильно отличается от того, что имеет в виду говорящий, его не обязательно считывать, чтобы понять то, что сообщается говорящим [Stanley, 2007]. К. Бах предлагает следующий ответ на данное возражение. Мы проводим различие между семантическим значением предложения как типа и тем, что сказано в конкретной ситуации, используя данное предложение, потому что это различие фактически существует. Бах проводит аналогию между семантическим содержанием предложения (тем, что сказано) и его локутивным содержанием, с одной стороны, и содержанием предложения при конкретном произнесении и иллокутивным содержанием речевого акта – с другой. Это различие важно, потому что человек может сказать что-то, но ничего не иметь в виду; он может не сказать то, что он имеет в виду; он может иметь в виду то, что он сказал плюс нечто еще (имплицатуры); он может сказать нечто и иметь в виду что-то другое. Другой аргумент, который также приводит К. Бах, опирается на экспериментальную работу психологов, которые установили, что даже в случае с предложением, которое используется в явно метафорическом смысле (например, «Усердие – это лестница к успеху»), слушающему не нужно сначала считывать то предложение, которое было сказано буквально, чтобы перейти к метафорическому смыслу. Было бы ошибкой, однако, сделать из этого вывод, что буквальное и метафорическое содержания в данном случае совпадают [Bach, 2005].

Второе возражение касается проблемы определения семантического содержания с точки зрения минимализма. Согласно Лепору и Каппелену, семантическое содержание – это то общее для любого высказывания, что сообщается во всех его произнесениях вне зависимости от контекста. Сходной точки зрения придерживается С. Соумс. Он называет семантическое содержание «наименьшим общим знаменателем» всех произнесений данного предложения –

тем, что утверждалось бы в любом контексте (при условии, что значение индексных элементов предложения остается фиксированным [Soames, 2005]).

Проблема с этим ответом состоит в том, что, возможно, никакой общей пропозиции не высказывается во всех произнесениях данного предложения во всех контекстах. В любом случае, вряд ли буквальное значение предложения «Все студенты сдали экзамен на "отлично"» (где речь идет обо всех студентах всего мира) утверждается хотя бы в одном из произнесений данного предложения [Stanley, 2007].

Пожалуй, наиболее провокационный и интересный проект по интеграции роли контекста в формальный анализ семантического содержания был предложен в работах Дж. Стэнли, некоторые из них написаны в соавторстве с З. Сабо и Дж. Кингом. По признанию Стэнли, каждый из тезисов, который он отстаивает, подвергается суровой критике в современной философии языка.

Согласно этому проекту, любая зависимость предложения от контекста сводится к наличию определенного элемента в логической форме предложения, который отвечает за контекстуальность. В общем виде, логическая форма предложения – это формальная репрезентация его логической структуры, т. е. структуры, которая объясняет его логическую роль и свойства [May, 1985]. Понятие логической формы предполагает, что существует различие между грамматической ролью предложения и его логической формой. Основными объектами критики Стэнли являются контекстуализм и минимализм в семантике. В отличие от минимализма, Стэнли считает, что объектом исследования семантики являются выражения, рассматриваемые в контексте.

Несмотря на то, что выше мы отнесли Стэнли (следуя терминологии Реканати) к индексикалистам, этот термин не вполне адекватно описывает его концепцию, поскольку элементы, которые он постулирует в логической форме предложения, отвечающие за контекстуальность, не являются индексами. Стэнли отделяет свою позицию от упоминавшейся выше концепции неартикулированных конститuent. Неартикулированные конститuentы в определении Дж. Перри – это индексы. Индексы – это примитивные лексические единицы, они не могут быть связанными никакими операторами. Интерпретация индексных выражений меняется от контекста к

контексту. Примером индексного выражения в естественном языке является слово «я». Несложно показать, что «я» в отличие от местоимений, таких как «он», не может быть связано каким-либо выражением. Сравним два предложения: «Каждый₁ человек₁, кто произносит данное высказывание, считает, что он₁ гений» и «Каждый₁, кто₁ произносит данное высказывание, считает, что я_{*i/k} гений»²⁴. Во втором предложении выражение «Каждый, кто произносит данное высказывание» не может связывать «я», это выражение всегда указывает на говорящего, хотя дескриптивно значение «я» можно выразить как «тот, кто произносит данное высказывание».

Неприятие Стэнли скрытых индексов связано с тем, что он, как и минималисты, считает, что в семантической интерпретации нельзя постулировать скрытые структуры, которые не совместимы с правильной синтаксической структурой предложения.

Элементы в логической форме предложения, которые, по Стэнли, отвечают за зависимость от контекста, являются не индексами, а переменными. Эти переменные не во всех случаях являются явными, однако ключевой момент состоит в том, что они могут быть выявлены, если в предложении появится квантор. Кванторы в предложении могут взаимодействовать только с переменными в предложении, которые лежат в пределах их области действия.

Рассмотрим классический пример с дождем. Согласно Стэнли, предложение «Идет дождь» содержит переменную, которая указывает на место, где идет дождь. Эту переменную можно выявить, если поставить в первую часть предложения выражение, содержащее квантор: «Каждый раз, когда Джон зажигает сигарету, идет дождь». Это предложение имеет такое прочтение, согласно которому каждый раз, когда Джон зажигает сигарету, дождь идет в том месте, где Джон зажигает сигарету.

Сходным образом, Стэнли объясняет любую зависимость от контекста в условиях истинности предложения (ограничение области действия квантора²⁵, решение проблемы прилагательных,

²⁴ Знаком * принято отмечать примеры грамматически некорректных предложений.

²⁵ В рамках данной концепции в логической форме предложения, содержащего квантор, такого как «Все пожарные отважны» наличествуют две переменные, которые детерминируют область действия квантора «все»: одна переменная места и вторая переменная – функция от места к свойству «находиться в данном месте». Данная интерпретация ограничения области действия кванто-

предполагающих класс сравнения): она возникает, поскольку в реальной структуре предложений естественного языка находятся скрытые переменные, значение которых фиксируется в определенном контексте [Stanley, 2007].

Наиболее сильным аргументом в литературе против проекта Стэнли является тезис о том, что подобного рода связывание происходит и в случаях, когда сложно допустить существование переменной в логической форме предложения. Например, «Так или иначе, полицейский остановил машину». Должны ли мы допустить, что слово «останавливать» должно сопровождаться переменной, указывающей на способ остановки? [Recanati, 2000] Другой пример – «Каждый раз, когда отец готовит грибы, Вася ест» – должны ли мы заключить, что непереходный глагол «есть» предполагает наличие объекта? Стэнли предлагает ответ на подобного рода примеры.

Проект, предложенный Стэнли, лишен недостатков минимализма, связанных с неясной природой и ролью минимальных позиций. С точки зрения формальной семантики данный подход, если бы он был успешно реализован, был бы наиболее привлекательным. Насколько он является правильным и адекватным анализом выражений естественного языка может показать только дальнейшее эмпирическое исследование.

3.4. Заключение

Разумеется, этими темами и аргументами не исчерпываются современные дискуссии по проблеме различия семантики и прагматики. За пределами данного рассмотрения осталась, например, теория релевантности Спербера и Уилсона, другие подходы к формальному анализу языка, помимо классической формальной семантики, такие как теория игр, формальная прагматика и многие другие темы. Мы не ставили также задачей проанализировать все возможные или существующие определения прагматики.

ра восходит к работам K. von Stechow, в частности его диссертации 1994 года “Restriction on Quantifier Domain”. Подробнее об этом см. в главе «Семантика кванторных выражений».

В лингвистике известен целый ряд феноменов, о которых не представляется возможным однозначно заключить, являются ли они семантическими или имеют прагматическую природу (например, анафора, полисемия, имплицитные аргументы, фактивные глаголы, отрицательная полярность, модификаторы речевых актов и т. д.). За пределами данного обзора осталась также важная тема контекстуализма в эпистемологии, которая имеет непосредственное отношение к контекстуализму в семантике (фактически является его прямым применением для решения эпистемологических проблем). Суть этой концепции состоит в том, что значение слова «знать» может меняться в зависимости от контекста [Антоновский, 2010].

Проблема различия между прагматикой и семантикой может рассматриваться исходя из различных перспектив; предметом рассмотрения данной главы были современные дискуссии вокруг проблемы недостаточной определенности предложений естественного языка и зависимости их значения от контекстуальных факторов. Вопрос о том, возможен ли адекватный ответ с позиций классической формальной семантики на вызов контекстуализма, является открытым, это предмет текущих и будущих эмпирических исследований. Однако мы увидели, что в рамках направления буквализма (литерализма) был сформулирован целый ряд важных аргументов, демонстрирующих, что семантику и прагматику можно исследовать как два независимых аспекта значения предложений и высказываний.

РАЗДЕЛ II. КВАНТОРЫ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Глава 4. Семантика кванторных выражений

Мы начинаем рассмотрение конкретных проблем, над которыми работает и которые решает формальная семантика естественного языка, а также их философской релевантности, с принципов семантического анализа кванторных выражений. Причины этого заключаются в следующем: во-первых, исторически именно возможность формально представить значение кванторных выражений в естественном языке стала основным импульсом для развития программы формальной семантики²⁶, во-вторых, именно эта проблема стала отправной для Б. Рассела, который начал с ее обсуждения свою статью «Об обозначении», в-третьих, семантический анализ кванторов будет иметь ключевое значение для большинства тем, обсуждаемых в данной монографии, без которого их понимание будет крайне затруднено.

4.1. Об отличии семантики кванторов от семантики предикатов и обозначающих выражений

Кванторные выражения, такие как «все люди», «каждый охотник», «некоторые профессора», «ни один студент», «все», «никто» имеют особую семантику, отличающую их от таких выражений, как «Андрей», «этот человек», которые считаются обозначающими выражениями потому, что всегда обозначают того или иного

²⁶ См., например, [Partee, 2011].

конкретного индивида [Mill, 1874, Book I]. Кванторы, в отличие от обозначающих выражений, не могут рассматриваться как обозначающие конкретные объекты.

Уже на уровне интуиции мы понимаем, что выражения «каждый охотник» и «этот охотник» не могут обозначать что-то схожее. Однако интуиция нас часто подводит или, как минимум, оказывается недостаточно точной. Во-первых, она может нам сказать, что поскольку кванторные выражения отвечают на вопрос «кто?» или «что?», должны рассматриваться либо обозначающие, либо предикатные выражения. Во-вторых, интуиция может нам подсказать, что каждый охотник обозначает все множество охотников. Из этого должно следовать то, что квантор «каждый охотник» следует анализировать как предикат, обозначающий множество охотников, т. е. подобно тому, как мы анализируем слово «охотник», когда оно употреблено в качестве предиката. Интуиция, однако, в данном случае подсказывает неверно.

Предложение «Андрей – охотник» сообщает нам, что индивид, обозначаемый термином «Андрей», относится к множеству объектов, обозначаемых термином «охотник». Но мы при этом не можем сказать «Андрей – каждый охотник». Такое утверждение грамматически некорректно. А если так, то синтаксические свойства кванторных выражений отличаются от синтаксических свойств предикатов, а сами эти выражения не могут обозначать просто множества тех или иных объектов.

Не обозначают кванторные выражения и каких-либо индивидуальных объектов, подобно именам.

Именно по этим причинам такие предложения, как «Каждый участник конкурса хорошо подготовлен», рассматриваются как «Для всех индивидов истинно то, что если они участники конкурса, то они хорошо подготовлены», и не имеют субъектно-предикатной структуры. Будучи проанализированным в таком виде, данное предложение оказывается в описанной ситуации истинным в силу того, что для любого объекта x предложение « x – участник конкурса» ложно, а следовательно, вся импликация будет истинной в силу ложности консеквента.

В результате получается, что кванторы не только синтаксически, но и семантически отличаются от обозначающих выражений. Таким образом, когда речь идет о значении кванторных выражений наши исходные интуиции всегда требуют уточнения.

4.2. О сложностях семантической экспликации кванторов

Проведенное выше рассмотрение показывает не только то, что семантика кванторов отличается от семантики обозначающих выражений и предикатов, но также и то, что ее сложно выразить однозначным и простым образом. Ведь если предложение «Андрей хорошо подготовлен» имеет простую субъектно-предикатную форму, то помещение в это предложение на место термина «Андрей» кванторного выражения радикально изменяет структуру всего предложения. Как мы видели выше, это предложение становится импликацией, которая должна выполняться для каждого объекта из всего универсума объектов, релевантных при том или ином употреблении данного предложения.

Бертран Рассел [Russell, 1905] говорил о невозможности придать кванторным выражениям собственное значение. С его точки зрения, их содержание могло быть задано лишь в контексте значения всего предложения, в котором они употребляются. Поэтому значение такого кванторного выражения, как «всё», расположенного в естественном языке в субъектной позиции субъектно-предикатного предложения «Всё есть С», где С – обозначение для некоторого предиката, не выражалось вовсе. Вместо этого, согласно Расселу, можно было задать значение для всего этого предложения, т. е. выразить условия его истинности²⁷. Так, «Всё есть С» означало, что $C(x)$ всегда истинно, где x – переменная, способная обозначать тот или иной объект. В современной форме это расселовское определение эквивалентно утверждению «Для всех x : x есть С».

Такое контекстное определение, которое Рассел дал кванторным выражениям, называется синкатегорематическим и противопоставляется категорематическому определению, при котором значение термина задается безотносительно того контекста, в котором он используется²⁸. Оно восходит к тому пониманию кванторов, которое им давал их первооткрыватель Готтлоб Фреге [Фреге, 2000а]. Данную специфику семантики кванторных выражений,

²⁷ Об условиях истинности как значении (смысле) предложения см., например, [Витгенштейн, 1994; Бах, 2010].

²⁸ О различии категорематических и синкатегорематических определений см., например, [Кюннг, 1999].

наряду с их возможностью вхождения на месте субъекта в выражении с субъектно-предикатной структурой, Рассел считал следствием нелогичности естественного языка.

Подобный взгляд на кванторные выражения в естественном языке интуитивно понятен. Ведь если значением естественно-языкового предложения «Каждый студент курит» является формальное выражение «Для каждого x : если x является студентом, то x курит», то значение входящего в него кванторного выражения «каждый студент» оказывается распределенным по всему этому предложению за исключением его последнего слова (предиката «курит»). В более сложных предложениях это распределение оказывается еще более и сложным.

В результате провозглашенная Расселом нелогичность естественного языка стала отправной точкой для целой традиции логико-семантического анализа, ориентированного на исследование семантических проблем исключительно формализованных языков. Ведущими представителями этой традиции, помимо Рассела, стали такие логики и философы, как ранний Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У. Куайн, Д. Дэвидсон и др. Вместе с тем параллельно логико-семантическому направлению в философии языка в середине прошлого века стала развиваться и альтернативная исследовательская парадигма, получившая название философии обыденного языка. Представители этой традиции (поздний Л. Витгенштейн, Дж. Остин, П. Стросон, П. Грайс и др.) соглашались с исходной идеей Рассела о нелогичности естественного языка, но делали из этого обстоятельства иные выводы. Если значение выражений естественного языка нельзя изучать логическими средствами, то, значит, следует выработать иные, более адекватные средства для его изучения. Подобные соображения ознаменовали становление и новой философской концепции значения языковых выражений как их употребления. В результате возникли две параллельные традиции философско-языкового анализа, находившиеся в оппозиции друг к другу²⁹.

²⁹ Подробнее об этом см., например, [Partee, 2011].

4.3. Категорематическая семантика для кванторных выражений

Как уже было сказано выше, специфику кванторов и условий истинности содержащих их утверждений еще раньше Рассела обсуждал Готтлоб Фреге. Фреге описывал математические функции как выражения, являющиеся незавершенными или ненасыщенными в своем значении, и становящиеся завершенными или насыщенными только после их применения к тому или иному аргументу, который, в свою очередь, представляет собой нечто завершенное (например, обозначает некоторое число). Незавершенность функции, согласно Фреге, может быть проиллюстрирована пробелом в выражении, ее обозначающем: например, $()+1$. Данная функция, будучи примененной, скажем, к числу 1, превращается в функциональное выражение $(1)+1$, которое теперь обозначает число и является таким же завершенным, как и тот аргумент, к которому была применена функция. Пробел в выражении функции в математике стандартно заменяется переменной.

Однако, как указывал Фреге, помимо таких простых функций (или их более комплексных версий, содержащих более одного пробела и более, чем одну переменную), которые Фреге называл функциями первой ступени, есть и другие функции, которые могли применяться не к насыщенным аргументам, а к функциям (т. е. брать в качестве своих аргументов ненасыщенные функции). Такие функции Фреге называл функциями второй ступени. Кванторные выражения Фреге объяснял именно как такие функции второй ступени. Относительно таких выражений, как «Все а являются такими, что $f(a)$ », где $f(a)$ обозначало некоторое функциональное выражение первой ступени с аргументом a , Фреге писал: «Аналогично тому, как x^2 понимается как функция, аргумент которой указан с помощью “ x ”, так и [приведенное выше выражение. – П.К., Е.В.³⁰] я понимаю как выражение функции, аргумент которой указан посредством “ f » [Фреге, 2000d, с. 227]. Таким образом, выражения, содержащие кванторы, Фреге понимал как функциональные выражения, состоящие из функции второй ступени, примененной к другой функции как к аргументу.

³⁰ Здесь мы не приводим ту формальную запись, которую Фреге разработал для кванторных выражений, поскольку в современных работах она практически никогда не применяется.

Данная идея Фреге о специфической структуре предложений, содержащих кванторные выражения, легла в основу построения категорематической семантики для этих выражений, предложенной в работах американского логика и философа Ричарда Монтегю [Montague, 1973, 1974ab]. В нашем изложении основополагающей идеи Монтегю, а также далее в книге мы будем использовать формальную систему, отличающуюся от той, которую использовал он сам в своих работах. Данная формальная система была разработана в учебнике [Heim & Kratzer, 1998]. Именно данная система наиболее часто используется в современных работах по формальной семантике.

Чтобы наглядно различать насыщенные выражения (в том числе и функциональные выражения, где функция применена к аргументу) и ненасыщенные выражения функции, Монтегю ввел так называемые лямбда операторы. В предложенной им системе выражение $x+1$ обозначает не функцию, а предложение, где x имеет конкретное значение, приписываемое ему той или иной функцией означивания переменных g . Неопределенность значения переменной x при интерпретации выражения $x+1$ детерминировалась, таким образом, неопределенностью используемой функции означивания переменных. Ненасыщенное же выражение функции обозначалось в системе Монтегю как $\lambda x. x + 1$. Данное выражение читалось как функция f от (в данном случае) натуральных чисел к натуральным числам, такая что $f(x) = x + 1$ для любого натурального числа x .

Аналогичным образом можно выразить значения выражений естественного языка, обозначающих предикаты, таких как «бежит». Значение данного предиката представлено в (1). Двойные скобки обозначают интерпретирующую функцию, которая применяется к выражению естественного языка и выдает значение этого выражения.

(1) $\|\text{бежит}\| = [\lambda x. \text{истинно, если и только если } x \text{ бежит}]$

Таким образом, в семантике Монтегю λ -выражения обозначают функции от аргументов к значениям. При этом, в зависимости от функций, могут различаться количество аргументов и их типы, с одной стороны, а также типы значений каждой отдельной функции, в которые данные аргументы отображаются, с другой. Семантиче-

ский тип выражения – это тот тип объектов, которые могут этим выражением обозначаться. Так, индивидуальные переменные обозначают индивидуальные объекты, и их семантический тип обозначается как e (от слова *entity*), а семантический тип предложений, обозначающих, как было сказано, истинностные значения, в системе Монтегю представлен как t (от термина *truth value*). Типы e и t в системе Монтегю считаются базовыми. λ -выражения, соответствующие одноместным предикатам, как уже было сказано, суть функции от переменных к истинностным значениям. Иначе говоря, выражение функции, представленной в (1), применяется к аргументам с семантическим типом e и отображает их в значения с семантическим типом t . Само это выражение также обладает собственным семантическим типом, который уже не базовый, а составной и выражается в виде упорядоченной пары $\langle e, t \rangle$ ³¹. Предикаты, таким образом, являются выражениями с составным семантическим типом. Сложность типа, которым может обладать выражение в системе Монтегю, не ограничена: если α и β – семантический тип, то $\langle \alpha, \beta \rangle$ – тоже семантический тип.

Функция, примененная к аргументу, может быть поставлена в квадратные скобки, а аргумент – в круглые. Получающееся в результате выражение для функции и аргумента (например, индивидуальной константы) выглядит так: (2). Данная запись (в случае если P не содержит интенциональных операторов) эквивалентна записи (3).

(2) [λx . истинно, если и только если x бежит] (Аня)

(3) Истинно, если и только если Аня бежит.

Данная эквивалентность обуславливается процедурой лямбда-конверсии, в результате которой аргумент a подставляется на место переменной x в формуле (2), а исходный элемент λx в итоговой записи удаляется. Таким образом, (2) \leftrightarrow (3). Для синтаксической корректности такого функционального выражения, как (2), важным является требование тождества семантического типа того аргумента, к которому функция применяется, и того аргумента, к которому данная функция может, в принципе, применяться (переменной x). В данном случае и переменная, и константа («Аня») являются индивидуальным выражением (тип e), и поэтому выражение корректно. Если бы их типы не были тождественны, выражение не было бы корректным.

³¹ Для адаптированного введения в семантику Монтегю см.: [Gamut, 1991].

Разработанный Монтегю формальный аппарат позволяет ему представить значение кванторных выражений категорематическим образом в соответствии с исходным их описанием, предложенным Фреге. Кванторные выражения применяются к предикатным знакам, чтобы сформировать предложение. Обозначают же они функции, которые берут в качестве аргумента функции от индивидуальных объектов к истинностным значениям (т. е. денотаты предикатов) и дают в качестве значения истинностное значение.

В свете сказанного предложение «Все молодцы» может быть представлено как результат применения функции, обозначаемой квантором «все»³², к предикату «молодец». Если в подразумеваемой ситуации все действительно молодцы, то данная функция отобразит множество молодцов в истину, если нет, то в ложь.

В формальной λ -записи кванторное выражение «все» будет представлено как (4).

$$(4) [\lambda P. \text{истинно, если и только если } \forall x. P(x)=\text{Истина}]$$

Если значением слова «молодец» является функция типа $\langle e, t \rangle$, представленная в (5), то предложение «Все молодцы» можно будет выразить как (6), что после проведения λ -конверсии будет выглядеть как (7). Здесь и далее будем опускать слова «истинно, если и только если» при описании функций, но это всегда имеется в виду. При описании условий истинности мы будем сокращать «если и только если» как «ете». Вместо «истина» в дальнейшем мы будем писать 1.

$$(5) [\lambda u. \text{у молодец}]$$

$$(6) [\lambda P. \forall x. P(x)=1] ([\lambda u. \text{у молодец}])$$

$$(7) 1 \text{ ете } \forall u. \text{у молодец}$$

Аналогичным образом формулируется и семантика для кванторного выражения «каждый студент». Значение данного выражения может быть представлено в виде формулы, приведенной в (8).

$$(8) [\lambda Q. \forall x. x \text{ является студентом} \rightarrow Q(x)=1]$$

Значение же выражения «каждый» можно представить как функцию, которая в качестве аргументов берет два выражения типа $\langle e, t \rangle$. Первый аргумент, который обычно задается существи-

³² Имплицитно здесь, конечно же, подразумевается, что речь идет обо всех людях, или всех объектах из какого-то контекстно подразумеваемого множества.

тельным (или существительным с определительным придаточным предложением или прилагательным), называется ограничителем квантора. Второй аргумент называется его областью действия.

$$(9) \text{||каждый||} = [\lambda Q. \lambda P \forall x. P(x)=1 \rightarrow Q(x)=1]$$

Таким образом, представляя категорематическую семантику для кванторных выражений, Монтегю разрешает одну из центральных причин, по которой естественный язык почти три четверти века считался непригодным для логико-семантического анализа и которая породила столь много разногласий в современной философии языка.

4.4. Почему важна категорематическая интерпретация кванторных выражений?

Возможность интерпретировать кванторные выражения естественного языка категорематически важна не просто потому, что демонстрирует, каким образом значение кванторного выражения не оказывается распределенным практически по всему предложению, выполняя тем самым некую локальную техническую задачу, а потому, что этот результат имеет серьезные философско-методологические следствия для всей программы формального анализа выражений естественного языка. Категорематическая интерпретация стала серьезным шагом по направлению построения композициональной семантики для естественно-языковых выражений.

Композициональность значения – зависимость значения сложных выражений от выражений, которые их составляют, и способа их составленности. Простым примером композициональной зависимости предложения от составляющих его элементов и того, как они составлены, является приведенное выше предложение «Андрей – охотник». Значение этого предложения (его условия истинности) сводится к значениям соответствующих двух терминов и его субъектно-предикатной структуре, которая обуславливает интерпретацию, согласно которой Андрею приписывается свойство быть элементом множества охотников. Проведенное Монтегю перенесение восходящей к Фреге логико-математической интерпре-

тации кванторов на естественно-языковые выражения позволило композиционально интерпретировать и такие предложения, как «Каждый участник хорошо подготовлен».

Со времен Фреге композициональность считалась одной из ключевых особенностей мышления людей и языка, способного это мышление выразить. О композициональности значения Фреге писал: «Если взглянуть таким образом на мысли, считая их состоящими из составляющих частей – простых компонентов, и допустить, что им в свою очередь соответствуют простые части предложений, то становится понятно, почему из немногих частей предложений может быть образовано большое многообразие предложений, которым в свою очередь соответствует большое многообразие мыслей» [Фреге, 2000с, с. 356]. Иными словами, композициональность значения оказывается залогом того, что при наличии конечного числа значений и конечного числа рекурсивных правил их сочетания можно формулировать бесконечное множество высказываний. Более того, композициональность помогает нам понимать выражения, которые мы ранее никогда не слышали, но в которых мы знаем значения составляющих элементов и правила их сочетания.

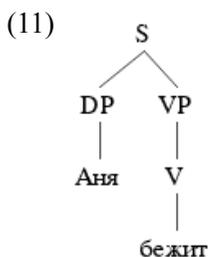
Языком, способным отражать структуру мысли, согласно Фреге, был разработанный им формальный язык логики. Благодаря предложенному анализу кванторных выражений естественного языка Монтегю на анализе рассмотренного им «репрезентативного фрагмента» английского языка показал, как таким композициональным языком может быть и естественный язык, тем самым сняв оппозицию между естественными и формализованными языками, которая в столь категоричной форме была распространена в философии языка со времен Рассела.

4.5. Передвижение и связывание

В рамках формально-семантического подхода реализуется идея Г. Фреге о композициональности естественного языка. В частности, интерпретация сложных выражений складывается из интерпретации их составных частей и определенных правил сочетания между ними, главным из которых является правило применения функции к аргументу (10).

(10) Правило применения функции к аргументу: Если γ это материнский узел, а его дочерними узлами являются α и β и значением α является функция, область действия которой включает значение β , то $\|\alpha\| (\|\beta\|)$.

Предметом интерпретации является синтаксическая структура предложения. В частности, структура простого предложения «Аня бежит», показана в (11). Для узлов, которые не подразделяются на 2 узла (для неветвящихся узлов) мы будем использовать следующее правило: если α это неветвящийся узел, а β его единственный дочерний узел, то $\|\alpha\| = \|\beta\|$.

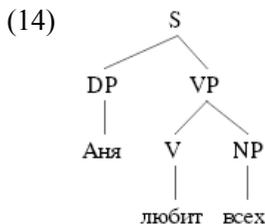
Поскольку бежит – это, как мы сказали, функция типа $\langle e, t \rangle$, а «Аня» – это выражение, обозначающее индивид, т. е. тип $\langle e \rangle$, правило применения функции к аргументу применимо в данном случае.

$$(12) \|S\| = \|DP\| (\|VP\|) = \|бежит\| (\|Аня\|)$$

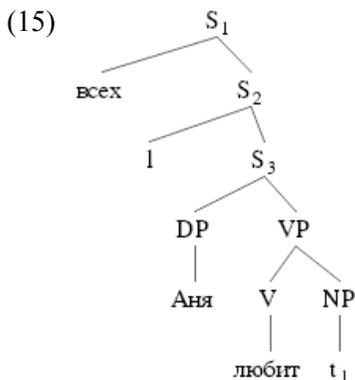
Переходные глаголы, т. е. глаголы, которые требуют прямого дополнения, имеют другой семантический тип, а именно $\langle e \langle e, t \rangle \rangle$. Данный тип отражает тот факт, что глагол сочетается с двумя индивидными объектами, в таких случаях как (13).

(13) Аня любит Петю

Однако, ситуация несколько усложняется, если в предложении (13) мы заменим «Петю» на кванторное выражение, такое как всех. Сложность, с которой мы сталкиваемся, состоит в том, что «всех», как мы указали выше, обозначает функцию типа $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$, а глагол функцию типа $\langle e \langle e, t \rangle \rangle$. Таким образом, правило применения функции к аргументу в данном случае не применимо.

Heim&Kratzer, 1998 предлагают правило передвижения в данном случае³³: квантор в объектной позиции движется, оставляя след семантического типа $\langle e \rangle$. Под квантором вставляется индекс 1 (показано в (15))

Важно отметить, что на следе в (15) также имеется индекс 1.

Данная структура интерпретируется благодаря специальному правилу предикатной абстракции.

(16) Правило предикатной абстракции: Если γ это материнский узел, а его дочерними узлами являются α и β , такими что α – это числовой индекс, тогда $\|\gamma\| = \lambda x \|\beta\|^{s[1 \rightarrow x]}$

Ключевым элементом этого правила является суперскрипт на интерпретирующей функции. Например, в (17) над двойными скобками появляется буква g. Она обозначает функцию приписывания.

³³ Монтегю использовал другое правило, которое позволяло достичь того же результата.

Это функция от индексов к сущностям. В (17) показано действие возможной приписывающей функции. Эта функция приписывает индексу 1 значение «Аня». Эта функция нужна для того, чтобы интерпретировать переменные. Мы будем подразумевать, что любые переменные (в естественном языке в качестве переменных рассматриваются местоимения и следы) несут индекс и приписывающая функция приписывает значение этому индексу. Теперь мы всегда будем подразумевать, что интерпретирующая функция идет в комплекте с приписывающей функцией (т. е. всегда будет иметь такой суперскрипт).

$$(17) \|t_1\|^g = g(1) = \text{Аня}$$

В правиле, данном в (16), используется функция $g[1 \rightarrow x]$, что означает функцию, которая как g (где g это любая произвольная функция приписывания), но которая приписывает индексу 1 значение x . Благодаря этому правилу, след оказывается связанным лямбда-абстрактормом.

В результате узел S_2 в (15) получает интерпретацию, данную в (18). Поскольку получившаяся функция в (18) имеет правильный тип $\langle e, t \rangle$, именно такой, с которым может сочетаться «всех», данное правило решает проблему несовпадения типов.

$$(18) \|S_2\|^g = (\text{по правилу предикатной абстракции}) \\ \lambda x \|S_3\|^g[1 \rightarrow x] = [\lambda x. \text{Аня любит } x]$$

Узел S_1 интерпретируется просто по правилу применения функции к аргументу.

$$(19) \|S_1\|^g = \|\text{всех}\|^g (\|S_2\|^g) = [\lambda P. \forall y. P(y)] ([\lambda x. \text{Аня любит } x]) = \\ \forall y. \text{Аня любит } y.$$

4.6. Проблема зависимости кванторов от контекста

Одно из возможных возражений философского характера против рассмотрения таких выражений естественного языка, как «каждый», как кванторов состоит в том, что эта концепция не принимает во внимание тот факт, что значение таких выражений зависит от контекста их произнесения.

Как уже было отмечено в главе о семантике и прагматике, в естественном языке ограничить область действия квантора «каждый» только классом студентов, например в предложении «Каждый студент сдал экзамен на “отлично”», недостаточно. Если бы область действия квантора всеобщности была ограничена только студентами, то это предложение могло бы утверждать только, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично». Однако мы вполне можем использовать его для того, чтобы сообщить лишь о некоторой группе студентов нашего класса или нашего университета. Каким образом можно объяснить этот факт в рамках проекта формальной семантики?

Один из предложенных в литературе ответов на данный вопрос состоит в том, что нам нужно обратиться к прагматике для того, чтобы дать адекватное объяснение для этого феномена. Такой ответ предлагается сторонниками минимализма в семантике. Кент Бах, например, полагает, что это предложение действительно означает, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично». Согласно минимализму, семантически предложение сообщает только то, что в буквальном смысле сообщают произносимые слова, из которых оно состоит. Таким образом, когда мы произносим «Каждый студент сдал экзамен на “отлично”», то мы произносим предложение, которое в буквальном смысле является ложным. Слушатель пытается понять, что говорящий имел в виду, произнося очевидно ложное предложение, он пытается интерпретировать его руководствуясь тем, что кооперативный собеседник руководствовался максимой информативности и хотел сообщить что-то интересное и содержательное.

Однако это объяснение не является достаточно хорошим. Слишком большое количество предложений, которые мы произносим, является ложным с этой точки зрения. Одно из преимуществ формальной семантики состоит в том, что она позволяет объяснить, как мы можем понимать значение новых предложений, зная значение составляющих их выражений и способ их сочетания друг с другом. Однако в данном случае роль семантики остается минимальной. Мы должны задействовать более общие принципы рациональности каждый раз, когда произносим предложение, содержащие квантор.

Согласно другой концепции, когда мы произносим предложение, мы имплицитно интерпретируем его как относящееся к определенной группе людей или конкретной ситуации. Мы как бы сужаем наш универсум сущностей до определенного класса. Однако иногда в одном и том же предложении мы хотим говорить о более широком универсуме и менее широком. Рассмотрим следующий дискурс. «Швеция забавное место. Каждый теннисист хочет быть как Моника Шелес, но все ненавидят иностранных теннисистов». Если мы сузим наш универсум до шведских теннисистов в этом предложении, то каким образом нам интерпретировать остаток предложения, где речь идет об иностранных теннисистах?

К. фон Финтель предложил теорию, которая лишена недостатков как первого, так и второго подхода. Согласно этой теории, в логической форме предложения содержатся элементы, которые отсутствуют в произносимой (фонологической) форме предложения. То есть в предложении содержится больше элементов, чем произносится. Эти произносимые элементы – переменные, которые приобретают свое значение из контекста предложения. Однако мы не должны постулировать невидимые переменные, только потому что того требует наша теория. Если эта теория является истинной, то должен существовать способ выявить эти переменные. Мы знаем, что переменные могут получать свое значение из контекста предложения. Но мы также знаем, что переменные могут быть связанными соответствующими кванторами. Действительно, естественно-языковые кванторы могут быть зависимыми от других кванторов, получать связанное прочтение, как показывает пример, данный в (20).

(20) В большинстве стран, которые я посетил, каждый теннисист старается быть как Моника Селеш [von Fintel, 1994]

Данное предложение не просто означает, что «каждый теннисист пытается быть как Моника Селеш». «Каждый теннисист» выбирает различные классы людей, в зависимости от страны («каждый теннисист в этой стране»). Здесь мы обнаруживаем пример так называемого связанного прочтения квантифицированной DP.

К. фон Финтель [von Fintel, 1994] предложил, что мы можем объяснить это прочтение, если мы предположим, что каждый определитель сопровождается индексом. Этот индекс состоит из двух переменных: одна типа $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle f_n$, а другая типа $e v_m : f_n(v_m)$ (m и

п обозначают числовые индексы). Получившаяся комплексная переменная имеет такой же тип, как и тип сущностей, обозначаемых существительными, т. е. одноместный предикат $\langle e, t \rangle$. Мы, следуя за фон Финтелем, будем называть ее «ресурсной переменной».

Существительное типа $\langle e, t \rangle$ и ресурсная переменная такого же типа $\langle e, t \rangle$ сочетаются по следующему правилу (21).

(21) Если γ имеет тип $\langle e, t \rangle$ и сопровождается ресурсной переменной f_n типа $\langle e, t \rangle$ (где n – это числовой индекс), то $\|\gamma\|^g = [\lambda y. \|\gamma\|^g(y) = 1 \text{ и } g(n)(y) = 1]$

В результате применения этого правила два свойства объединяются в одно через конъюнкцию. Если мы рассматриваем контекст, где ресурсная переменная означает функцию от мест, к индивидам, которые проживают в этих местах, а ее индивидуальная переменная означает «Лондон», то получившийся результат дан в (22).

(22) $\|\text{теннисист } f_2(y_3)\|^g = [\lambda y. \|\text{теннисист}\|^g(y) \text{ и } \|f_2(y_3)\|^g(y)] =$
 $[\lambda y. y \text{ – это теннисист и } g(2)(g(3))(y)] =$
 $[\lambda y. y \text{ – это теннисист и } y \text{ проживает в Лондоне}]$

Таким образом, мы будем говорить не просто обо всех теннистах, а обо всех теннистах, проживающих в Лондоне.

Это правило сходно по своему смыслу с правилом предикатной модификации, которое используется для сочетания прилагательных (таких как «синий», тип $\langle e, t \rangle$) и существительных (таких как «диван», тип $\langle e, t \rangle$).

(23) Правило предикатной модификации: Если γ это материнский узел, а его дочерними узлами являются α и β , такие что они оба имеют тип $\langle e, t \rangle$, то $\|\gamma\|^g = [\lambda y. \|\alpha\|^g(y) = 1 \text{ и } \|\beta\|^g(y) = 1]$

(24) $\|\text{синий диван}\|^g = [\lambda y. \|\text{синий}\|^g(y) \text{ и } \|\text{диван}\|^g(y)] = [\lambda y. y \text{ является синим и } y \text{ является диваном}]$

Переменная, занимающая позицию аргумента v в $f_n(v_m)$, может быть связана вышестоящим оператором. В случае с рассматриваемым предложением значение « $f_n(v_m)$ » приблизительно «в v_m », а его аргумент (v_m) связан квантором «в большинстве стран». В целом это дает нам прочтение близкое к «в большинстве стран, которые я посещаю, каждый теннисист в этой стране...». Согласно

концепции, предложенной К. фон Финтелем, данная переменная синтаксически присоединяется к любому квантору: «каждый $f_n(v_m)$ студент сдал экзамен».

Такая структура оспаривалась в работах философов Дж. Стенли и З. Сабо [Stanley & Szabó, 2000]. Эти философы предложили концепцию номинального (от слова “nominal” – связанный с именем, именной) ограничения, согласно которой скрытая переменная-ограничитель прикрепляется к существительному, а не к самому определителю: «каждый студент $f_n(v_m)$ сдал экзамен».

Один из аргументов против концепции номинального ограничения был предложен в работах лингвиста П. Элбурна [Elbourne, 2008]. Его аргумент основывается на нижеследующих примерах из английского языка. Достаточно хорошо известен тот факт, что местоимения, как в русском, так и в английском языке могут получать так называемое связанное прочтение. Например, в (25), как в русском, так и в английском варианте, местоимение «ее» не указывает на какую-то одну конкретную кошку.

(25) John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed it₁.

Джон не покормил [ни одной Машиной кошки]₁, пока он не искупал ее₁

Таким же свойством обладают так называемые определенные дескрипции. В примере (2) выражение «эта Машина кошка» также не указывает ни на одну конкретную кошку.

(26) John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed [the/that cat of Mary's]₁.

Джон не покормил [ни одной Машиной кошки]₁, пока он не искупал [эту Машину кошку]₁

Аргумент, сформулированный в работе Элбурна, основывается на контрасте между английскими предложениями (26) и (27).

(27)* John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed [Mary's cat]₁.

*Джон не покормил [ни одной Машиной кошки]₁, пока он не искупал [Машину кошку]₁

Элбурн показывает, что связанное прочтение определенной дескрипции возможно в (26), но невозможно в (27). Несложно объяснить, каким образом связывание возможно в (25). Мы интерпрети-

тируем «ее» как переменную, таким образом, она может быть связан (28). В случае с определенной дескрипцией мы предполагаем, что определитель «the» сопровождается переменной типа двухместного предиката $\langle e \langle e, t \rangle \rangle$, сопровождающейся индивидуальной переменной, которая в данном контексте будет связана, благодаря тому, что она будет ко-индексирована с индексом, который остается в результате передвижения квантора «ни одна кошка» (28).

(28) [no cat of Mary's] [1 [John fed x_1 before he bathed x_1]]
ни одну кошку Маши [λx_1 [Джон не покормил x_1 прежде чем он искупал x_1]]

(29) [no cat of Mary's] [1 [John fed x_1 before he bathed [[the _{$f(x_1)$} cat of Mary's]]
ни одну кошку Маши [1 [Джон не покормил x_1 прежде чем он искупал эту _{$f(x_1)$} Машину кошку]]

Контраст между предложениями (26) и (27) сложно объяснить, опираясь только на семантику притяжательной конструкции, поскольку кажется, что семантика «Mary's cat» (преноминальная конструкция, т. е. притяжательная фраза стоит до имени существительного) и «the cat of Mary's» (постноминальная конструкция, т. е. притяжательная фраза стоит после имени существительного) в точности одинаковы.

П. Элбурн [Elbourne, 2008] предложил теорию, согласно которой контраст между (26) и (27) можно объяснить тем, что определитель «the» присутствует в одном случае и отсутствует в другом, и именно определитель отвечает за связывание определенных дескрипций. В случае с «Mary's cat», «Mary's» занимает позицию определителя, и поскольку определитель отсутствует, связывание невозможно. В структуре «Mary's cat» отсутствуют переменные, доступные для связывания, и поэтому данная дескрипция может указывать только на одну конкретную кошку.

Таким образом, в рамках подхода формальной семантики были сформулированы эмпирические аргументы в пользу семантического решения проблемы контекстуальной зависимости значения кванторов. Мы рассмотрели идею о том, что данная проблема решается через допущение существования в логической форме предложения произносимых элементов – переменных. Тот факт, что связанное прочтение исчезает в отсутствии определителя (здесь –

артикля), в английском языке может быть свидетельством в пользу того, что данная переменная прикрепляется к определителю, а не к существительному.

Интерпретация кванторных выражений естественного языка как функций от множеств объектов к истинностным значениям была лишь одной из частей системы Монтегю, состоящей из разработанного им формализованного теоретико-типového языка логики, категориального анализа синтаксиса естественного языка, правил перевода (интерпретации) выражений естественного языка в формализованный язык. Помимо анализа кванторных выражений данная система содержала и много других важных результатов, позволяющих формально интерпретировать естественный язык и ставших основой междисциплинарного исследовательского направления, известного сегодня как формальная семантика³⁴.

Глава 5. Кванторы: вопросы онтологии и эпистемологии

Если рассмотренная в предыдущей главе семантика кванторных выражений предполагала квантификацию над индивидуальными объектами, то при дальнейшем развитии логической семантики и формальной семантики естественного языка в качестве кванторных стали рассматриваться и другие выражения естественного языка (в дополнение к тем, которые исследовал Рассел). Это, в свою очередь, ввело в онтологию естественного языка объекты нового вида: от возможных миров до степеней сравнения. Ниже мы проиллюстрируем основное содержание этих разработок и покажем, над какими сущностями, помимо индивидуальных объектов, осуществляется квантификация в естественном языке. Хотя исследование естественного языка не может пролить свет на вопрос о том, что существует в мире, оно позволяет нам понять, какая онтология предполагается нашим языковым аппаратом.

Сходным образом, анализ предложений, описывающих верования, знание, убеждения, не может ничего сообщить нам о структуре самих верований, однако позволяет пролить свет на вопрос о том, какова природа ментального содержания или знания, которая

³⁴ Подробнее об этом см., например, [Бах 2010], [Partee 2011].

предполагается в нашем языке. Именно с этим во многом связан философский интерес к данной проблеме. Наибольшую актуальность для вопросов эпистемологии имеют такие темы в философии языка, как семантика утверждений о верованиях («Вася считает, что...»), значение модальных глаголов («Он может пойти», «Книга может быть в ванной»). Данная проблематика разрабатывалась как в рамках философии языка, так и в рамках современной лингвистики, где значительное внимание уделялось исследованию структуры данных выражений на материале разных языков. В отечественной философии языка достаточно активно обсуждалась проблема значения предложений о верованиях, в частности, проблема интерпретации единичных терминов в таких предложениях. Тем не менее данной темой не исчерпываются философские проблемы и вопросы, связанные с модальными выражениями, сообщающими о знаниях и верованиях, в естественном языке. В данной главе мы рассмотрим некоторые релевантные исследования, представляющие интерес для философии с точки зрения онтологии и эпистемологии.

5.1. Кванторы в семантике сообщений о верованиях

5.1.1. Понятие экстенционала и интенционала в аналитической философии

Понятия экстенционала и интенционала ассоциируются с предметным и со смысловым значением языкового выражения соответственно и были введены Р. Карнапом ([Карнап, (1947) 2000]), развивавшим идеи Г. Фреге и Б. Рассела. Экстенциональным контекстом считается любое предложение или часть предложения, в котором замена одного входящего в этот контекст выражения на другое выражение с тем же самым предметным значением (т. е. обозначающее тот же самый предмет или множество предметов) не приводит к изменению истинностного значения исходного предложения: предложение, получившееся в результате подстановки, эквивалентно исходному.

Предложениями, содержащими интенциональные контексты, считаются предложения, которые содержат так называемые интенциональные глаголы. К интенциональным глаголам относятся

такие, как «считать», «думать», «верить», «хотеть», «искать» и др. Интенциональный контекст – это часть предложения, следующая после интенционального глагола.

В классической аналитической философии проблема интенциональных контекстов изначально связывалась с недопустимостью взаимозаменяемости в них коэкстенциональных выражений, т. е. выражений, имеющих одно и то же предметное значение (обозначающих одни и те же предметы или множества предметов). Так, исходя из известного примера, приведенного Б. Расселом ([Рассел, (1905) 2002]), считалось, что в таких предложениях, как «Георг IV хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором “Веверлея”», выражение «Вальтер Скотт» нельзя заменить на выражение «автор Веверлея», даже несмотря на то, что оба они обозначают одного и того же индивида, ибо в случае истинности исходного предложения, предложение, получающееся в результате указанной подстановки, не будет считаться истинным, ведь, как пишет сам Рассел, «едва ли интерес к закону тождества может быть приписан первому джентльмену Европы».

Фреге объяснял данное различие так: «В таких случаях в придаточном предложении нельзя заменять некоторое выражение другим, имеющим то же обычное значение, а можно заменять только таким, которое имеет то же косвенное значение, то есть тот же обычный смысл» ([Фреге, (1892) 2000, с. 237]). Иными словами, считалось, что семантика выражений внутри интенционального контекста отличается от их семантики в экстенциональном контексте, что подтверждалось примерами описанной выше недопустимости взаимозамены коэкстенциональных выражений.

Проблема семантики выражений в интенциональных контекстах, много обсуждавшаяся в текстах классиков аналитической философии, может быть представлена и несколько шире в терминах недопустимости стандартных умозаключений в тех случаях, когда мы имеем дело с предложениями, содержащими такие контексты. Так, для экстенционального предложения из (1) и (2) вполне допустимо заключить (3).

- (1) Ольга купила платье от Версаче
- (2) Платье от Версаче – это дорогие платье.
- (3) Ольга купила дорогое платье.

Здесь, как мы видим, имеет место не замена одного выражения коэкстенциональным ему выражением, а умозаключение, в силу которого одно выражение замещается другим выражением, экстенционал которого не тождествен экстенционалу первого.

Осуществляемая на тех же основаниях замена выражения «платье от Версаче» выражением «дорогое платье» в рамках подходов, представленных классиками аналитической философии, рассматривалась как недопустимая, если она осуществлялась внутри интенционального контекста. Так, полагалось, что если мы рассмотрим предложение (4), то мы уже не сможем обоснованно сделать заключение, данное в (5).

(4) Ольга хочет купить платье от Версаче.

(5) Ольга хочет купить дорогое платье.

Причина необоснованности такого вывода, с точки зрения классической аналитической философии, схожа с рассмотренной выше причиной недопустимости замены термина «автор “Веверлея”» термином «Вальтер Скотт». В том примере Георг IV, хоть и хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Веверлея» (и предложение, описывающее это его желание, было истинным), то совсем не хотел узнать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом (поэтому предложение, получившееся после подстановки, было ложным). В примере с Ольгой мы, следуя рассуждениям Фреге, Рассела и других классиков, должны заключить, что Ольга, желая купить себе платье от Версаче, может при этом совсем не хотеть покупать себе какое-либо дорогое платье. Эти две установки могут быть для нее вполне совместимы, если она не знает, что платья от Версаче – это дорогие платья³⁵.

Фактор (возможного) незнания Ольгой того, что все платья от Версаче суть дорогие платья, и вытекающего из этого незнания (возможного) отсутствия у нее желания купить дорогое платье считался в классической традиции аналитической философии достаточным основанием для того, чтобы не считать приведенное выше умозаключение от (4) к (5) обоснованным, не приписывая при этом Ольге противоречивости в верованиях (подробнее см. [Куайн, (1956) 2012]).

³⁵ Мы здесь оставляем за скобками вопрос о том, что само по себе понятие дороговизны может рассматриваться как относительное, и для наглядности допускаем, что термин «дорогое платье» все интерпретируют одинаково.

5.1.2. Семантика возможных миров для предложений с интенциональными глаголами

Как следует из приведенной выше цитаты из Фреге, согласно его взглядам, выражение, находящееся внутри интенционального контекста, обозначает не свое предметное значение (т. е. денотат или экстенционал), а свой смысл. Более современная альтернатива фрегевскому анализу семантики интенциональных контекстов восходит к Карнапу [Карнап, (1947) 2000], где смысл заменен на понятие интенционала, а понятие пропозиции (выступающей в качестве интенционала предложения) представляется как функция, отображающая тот или иной возможный мир в то истинностное значение, которым обладает в этом мире соответствующее предложение.

Понятие возможного мира – это теоретическое понятие, использующееся при построении моделей для семантической интерпретации выражений формализованных языков, содержащих модальные операторы (наиболее известными из которых являются оператор необходимости и оператор возможности). Введение этого понятия обусловлено не только его признанной эффективностью в решении тех задач, ради которых оно вводится. Применительно к семантическому анализу естественного языка возможные миры представляются интуитивно обоснованным теоретическим понятием в силу нашей способности обсуждать истинность тех или иных предложений в случае, если наш мир, в котором мы находимся и относительно которого можем оценивать на истинность те или иные предложения, был бы иным, т. е. не таким, каков он есть или каким мы его знаем. Д. Льюис [Lewis, 1986] описывает понятие возможного мира так:

Мир, в котором мы живем, крайне вместителен. Каждая палка, каждый камень, который вы когда-либо видели, является частью нашего мира. Вы и я также суть его части. Его частями являются также и планета Земля, и Солнечная система, весь Млечный путь, далекие галактики, которые мы видим с помощью телескопов, и все частицы пустого пространства (если таковые вообще существуют) между звездами и галактиками. Нет ничего, что было бы слишком далеко от нас, чтобы являться частью нашего мира. ...Сходным образом, мир, в котором мы живем, вместителен и относительно времени. Никакие давно ушедшие

древние римляне, никакие исчезнувшие птеродактили, никакие первичные облака плазмы не находятся слишком далеко в прошлом, и никакие мертвые темные звезды не находятся слишком далеко в будущем, чтобы быть частями одного мира. <...>

То, как обстоят дела, ...означает то, каким является этот мир. Но дела могли бы обстоять и иначе и таким большим числом способов. Эта моя книга могла бы быть закончена вовремя. ...Или меня вообще могло бы не существовать. ...Или могли бы существовать совсем иные законы природы... Существует так много способов, каким может быть тот или иной мир, и лишь один из этих способов – этот тот, каким этот мир является³⁶.

Одно и то же предложение, скажем «Снег бел», может быть истинным в одних возможных мирах и ложным в других. В каждом из таких миров денотатом предложения будет то или иное истинностное значение («истина» – в тех мирах, где дела обстоят так, что снег является белым, и «ложь» – в тех, где дела обстоят иначе). Соответственно, функцией, которая соотносит каждый из имеющихся возможных миров с истинностным значением предложения «Снег бел» в этом мире, Карнап и называет пропозицией (интенционалом) этого предложения.

Карнаповский анализ пропозиций в терминах возможных миров со временем превратился в стандартный подход к анализу большинства вопросов, связанных с интенциональностью: смыслы (или интенционалы) любых выражений стали пониматься как функции от возможных миров к экстенционалам.

В современной литературе по проблематике при обсуждении специфики указанных контекстов за основу чаще всего берется семантика, разработанная Яакко Хинтиккой в [Hintikka, 1969] и опирающаяся на квантификацию по возможным мирам или ситуациям. Эта семантика позволяет выявить ту специфику этих контекстов, о которой писал Фреге в связи с предложением «Из того, что Земля шарообразна, Колумб, заключил, что отправившись на запад, он сможет достичь Индии». Конкретно: «Здесь... важно только то, что Колумб был уверен как в одной, так и в другой мысли и что одно убеждение было причиной другого. Действительно ли Земля шарообразна и действительно ли Колумб, отправившись

³⁶ Цит. по: [Heim and Kratzer, 1998, p. 302–303].

на запад, мог, как он думал, достичь Индии, – это для истинности нашего предложения безразлично» [Фреге, 2000b, с. 238]. Иными словами, она позволяет продемонстрировать, что определенное положение дел могло иметь место, с точки зрения Колумба, но не обязательно, с точки зрения того, кто делает сообщение о том, что думал Колумб.

Исходная идея здесь в том, что определенное предложение оказывается истинным в мире обладателя соответствующей психической установки, но не в том мире, относительно которого оценивается содержание всего предложения в целом. Что такое мир? Это теоретическое понятие модальной логики. Коротко говоря, возможный способ, по которому все могло бы существовать: какие предметы были, какие бы не были, и какими бы свойствами они, если бы были, то обладали. И с точки зрения одного человека, мир существует по-одному, с точки зрения другого – по-другому, мир, относительно которого оценивается на истинность высказывание, вполне может существовать по-третьему, хоть в чем-то, но отличаться от представлений какого угодно индивида.

Данная идея, однако, требует некоторых дальнейших уточнений. Во-первых, считается, что представлениям любого человека о том, как все есть на самом деле, соответствует не один возможный мир, а некоторый их набор (множество). Дело в том, что, обладая конечным сознанием, люди не представляют себе картину мира во всех ее мелочах. Определенные вариации всегда допускаются. Так, например, никто не знает, сколько точно на Земле живет людей в отдельно взятый момент времени³⁷. Это, может быть, 6,5, или 7, или 7,5 миллиардов. Во всякий конкретный момент времени оно фиксировано и является одним и тем же, но никто его не знает. Поэтому представлению кого бы то ни было о нашем мире даже в отдельный момент времени будет соответствовать целый набор миров, в каждом из которых число населяющих его людей будет одним из тех, которые этот индивид считает возможным. И каждый из таких миров будет совместимым с представлениями соответствующего индивида о том, каков есть мир. В свете сказанного, принято говорить не о конкретном мире, согласно представлениям того или иного индивида, а о множестве миров, совместимых с его

³⁷ Определять такой момент времени придется довольно точно, т. к. число людей постоянно изменяется.

представлениями о мире. То же самое происходит и с представлениями индивида о том, что может быть вообще. Если кто-то во что-то верит, то мы говорим о мирах, совместимых с верованиями этого человека.

Во-вторых, необходимо оговаривать не только личность обладателя пропозициональной установки, но и то, в каком мире он ею обладает, ведь в разных возможных мирах у любого индивида могут быть разные представления о реальности, разные желания и т. п. Как правило, в случае с простыми сообщениями о верованиях речь идет о его представлениях в мире оценки всего сообщения. Этот мир еще можно назвать нашим миром, т. к. это тот мир, в котором мы, слушающие, оцениваем все сообщение о веровании целиком.

Вот как эта идея выражена в работе Хинтикки:

Мое основное допущение (в несколько упрощенном виде) состоит в том, что приписывание пропозициональной установки кому-либо предполагает разделение всех возможных миров на два класса: те возможные миры, которые согласуются с данной установкой, и те миры, которые несовместимы с ней. Значение данного разделения в случаях с такими установками, как знание, верование, память, восприятие, надежда, желание, стремление, желание достаточно понятно. Например, если то, о чем мы говорим, это воспоминания некоего человека, тогда эти возможные миры – это все те миры, которые совместимы со всем, что он помнит [Hintikka, 1969].

Семантика такого высказывания, как, например, «Андрей считает, что он – хороший охотник», задается следующим образом: во всех мирах, совместимых с представлениями Андрея о том, что имеет место, которыми он обладает в нашем мире, он является хорошим охотником. Формально данное выражение можно записать так, как показано в (6), где $R_A(w')(w)$ означает, что мир w' совместим с представлениями Андрея в w о том, что имеет место (где w – это мир, в котором оценивается предложение).

(6) $\forall w' [R_A ww' \rightarrow \text{Андрей хороший охотник в } w']$

Чтобы получить такую интерпретацию для указанного предложения композиционально, следует принять целый ряд допущений. В частности, выражение «считает» должно сочетаться с тем,

что является интенционалом, а не экстенционалом предложения «Андрей хороший охотник» [Карнап, (1947) 2000]. Это достигается благодаря специальному правилу интенционального применения функции и аргумента.

(7) Правило интенционального применения функции к аргументу: Если γ это материнский узел, а его дочерними узлами являются α и β и значением α является функция, область действия которой включает интенционал β , то $\|\alpha\|(\lambda w\|\beta\|^{\text{g},w})$.

В данном случае всю работу для нас делает суперскрипт возможного мира над интерпретирующей функцией. Теперь наша интерпретирующая функция интерпретирует любое выражение в отношении возможного мира. Обычно суперскрипт над интерпретирующей функцией обозначает реальный актуальный мир. Пример интерпретации такого выражения, как «бежит», относительно суперскрипта w показан в (8).

$$(8) \|\text{бежит}\|^{\text{g},w} = [\lambda x. x \text{ бежит в } w]$$

Правило интенционального применения функции к аргументу позволяет связывать возможный мир и дает нам интенционал (функцию от возможного мира к экстенционалу выражения).

Таким образом, значение слова «считает» можно представить следующим образом (9).

$$(9) \|\text{считает}\|^{\text{g},w} = [\lambda p_{\langle s,t \rangle}. \lambda x_{\langle e \rangle}. \forall w. (R_A(w')(w) \rightarrow p(w)=1)]$$

Это функция, которая сочетается с пропозицией (функцией от мира к истинностному значению, объектом типа $\langle s,t \rangle$), а также с индивидом (тем, о веровании кого идет речь в предложении).

Пропозиция – это, выражаясь языком Фреге [Фреге, 2000 с], мысль, выраженная в придаточном предложении сообщения о веровании. Мысль, по Фреге, есть способ задания денотата предложения, а придаточные предложения обозначают мысли. В современной интерпретации мысль, т. е. интенционал предложения, это функция от возможных миров к истинностным значениям, т. е. функция, которая отображает любой возможный мир, который она берет в качестве своего аргумента в истинностное значение, которым обладает соответствующее предложение в этом возможном мире. И если интенционал предложения, его пропозиция, является

функцией от миров к истинностным значениям, то пропозиция может быть рассмотрена как функция, характеризующая определенное множество возможных миров (тех миров, в которых соответствующее предложение является истинным).

Интенционал вложенного предложения «Андрей хороший охотник» высчитывается по правилу, данному в (7). Результат показан в (10). Соответственно, мы получили объект правильного типа $\langle s, t \rangle$, который может сочетаться с функцией, данной в (8).

(10) $\lambda w \|\text{Андрей хороший охотник}\|^{gw} = [\lambda w. \text{Андрей хороший охотник в } w]$

5.2. Кванторы в семантике грамматического времени

Влияние грамматического времени на семантику предложения является очевидным: предложения «Андрей был хорошим охотником» и «Андрей будет хорошим охотником» имеют заметное различие в условиях истинности, но отличаются при этом только временем глагола, иначе говоря, временной морфемой глагола. Исходя из этого можно заключить, что различие в значении этого предложения диктуется исключительно различием значения морфем прошедшего времени л и будущего – д. Требование композициональности вынуждает нас рассматривать их как самостоятельные элементы, обладающие собственной семантикой. Морфемы, разумеется, не самостоятельные термины и не могут иметь самостоятельного вхождения в предложение. Как синтаксические единицы эти морфемы составляют внутреннюю структуру глагола в том виде, в котором он произносится. Однако их синтаксическая зависимость от того глагола, к которому они прикрепляются, еще не означает, что их значение не является самостоятельным и отличным от лексического значения глагола (глагольной основы). А это, в свою очередь, значит, что в логической форме предложения (т. е. той структуре, которая выражает значение этого предложения) эти морфемы могут рассматриваться как самостоятельная конституента, участвующая в конструировании условий истинности соответствующего предложения.

В современной композициональной семантике грамматического времени временные морфемы принято рассматривать именно как кванторы над единицами времени, т. е. языковыми выра-

жениями, обозначающими множества множеств единиц времени. Однако прежде чем рассмотреть, как именно такая интерпретация оказывается возможной, следует оговорить несколько моментов, ключевых для понимания всей этой проблематики.

Квантификация над единицами времени, принятая в современной семантике грамматического времени, однозначно не определяет то, чем именно являются эти единицы. Они могут рассматриваться как точки или как интервалы. Со времен «Исповеди» Августина природа времени является одной из центральных проблем метафизики. Понимание того, что такое время, сопряжено с множеством сложностей, ведь даже само наше сознание времени является временным [Гуссерль, 1994]. Поэтому рассмотрение единиц как точек, по-видимому, всегда может быть редуцировано к их рассмотрению как интервалов. Важным же здесь является то, что в случае с анализом временных морфем и исследованием квантификации над моментами времени, которая присутствует в естественном языке, мы можем оставить за скобками все эти вопросы. Природа единиц времени, равно как и индивидуальных объектов или возможных миров, является проблемой метафизики, но не семантики. Исследуя формальные аспекты значения естественно-языковых выражений, семантика может исходить из той метафизики, которая стихийно существует в естественном языке, т. е. той онтологии, которая необходима для придания его выражениям их значений.

Согласно стандартному анализу времени, сформулированному Артуром Прайором [Prior, 1967], логическая форма предложений прошедшего и будущего времени рассматривается как содержащая сентенциальные операторы, т. е. операторы, сочетающиеся с формулой: $G(\varphi)$: всегда будет так, что φ ; $H(\varphi)$: всегда было так, что φ ; $F(\varphi)$: когда-то будет так, что φ ; $P(\varphi)$: когда-то было так, что φ . Данный анализ может быть сформулирован и посредством кванторов, которые связывали бы временные переменные, имеющие вхождение в любое предложение φ , по определению. И тогда, например, формула $G(\varphi)$ понималась бы: Во все моменты времени t , такие что t в будущем (следует за настоящим), φ выполняется в t . А такая формула, как $F(\varphi)$, анализировалась бы в терминах экзистенциальной квантификации над единицами времени: Существует момент времени t , такой что t в будущем и φ выполняется в t .

От сказанного остается один шаг до наглядной демонстрации того, что временные морфемы могут интерпретироваться как кванторные выражения. Для этого нам потребуются некоторые новые допущения о структуре предложения. Мы будем по-прежнему считать, что целое предложение обладает типом t (истинностное значение). Однако мы сделаем допущение, что предложение до того, как оно сочетается с временной морфемой, обладает типом $\langle i, t \rangle$, т. е. предикатом единиц времени. Так, предложение «Андрей хороший охотник» до того, как к нему добавлена морфема времени, будет интерпретировано как (11).

(11) [λt. Андрей хороший охотник в t]

Если временная морфема прошедшего времени русского языка в предложении (12) могла бы интерпретироваться как переменная, обозначающая тот или иной момент прошлого, то, как любая другая переменная, она должна была бы нести нумерический индекс, который бы интерпретировался с помощью приписывающей функции g (показано в (13)). Эта функция приписывает индексу l определенный конкретный момент или промежуток времени. Таким образом, результатом (13) будет объект типа i (момент времени).

(12) [ПРОШЛОЕ₁ Андрей хороший охотник]

(13) [ПРОШЛОЕ₁]^g=g(1)

Теперь мы можем представить условия истинности предложения «Андрей был хорошим охотником» как результат следующего применения функции к аргументу (14).

(14) [λt. Андрей хороший охотник в t] (g(1))

Однако референциальный подход является не единственным возможным подходом к анализу временных морфем. Квантификационный анализ может быть представлен следующим образом. Морфема прошлого времени в русском языке может интерпретироваться как квантор. Для этого мы должны добавить новый параметр на интерпретирующую функцию – параметр времени оценки t . Тогда «прошлое» будет интерпретироваться как функция, которая сочетается с предикатом времени и выдает истину, если и только если существует такой момент времени, находящийся в прошлом по отношению к времени оценки (настоящему) и пре-

дикат времени, примененный к этому моменту, выдает значение «истинно». В нашем случае предикат времени, с которым будет сочетаться прошлое, дан в (11). Итак, семантический тип временного квантора – $\langle\langle i, t \rangle, t \rangle$, подобно тому, как семантический типа квантора над объектами – это $\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$.

$$(15) \|\text{ПРОШЛОЕ}_1\|^{\text{gwt}} = [\lambda p_{\langle\langle i, t \rangle, t \rangle}. \exists t'. t' < t. p(t')=1]$$

Соответственно, предложение (12) («Андрей был хорошим охотником») получит интерпретацию, представленную в (16).

$$(16) \text{Истинно ете } \exists t'. t' < t. \text{ Андрей хороший охотник в } t'$$

Сходным образом, если будущее является квантором, то предложение «Андрей будет хорошим охотником», получит интерпретацию, данную в (17), где говорится, что существует такой момент времени, который находится в будущем по отношению к времени оценки и в который Андрей является хорошим охотником.

$$(17) \text{Истинно ете } \exists t'. t' > t. \text{ Андрей хороший охотник в } t'$$

В литературе высказывалась позиция о том, что временные морфемы прошедшего времени, подобные русскому *л*, должны интерпретироваться именно как переменные, а не как кванторы в духе анализа, предложенного Прайором. Барбара Парти в [Partee, 1973] приводит пример предложения «Я не выключила плиту», произносимое ею после выхода из дома. Условия истинности этого предложения не могут быть выражены ни как (18), ни как (19).

$$(18) \exists t'. t' > t. \text{ неверно, что я выключила плиту в } t'$$

$$(19) \text{ неверно, что } \exists t'. t' > t. \text{ я выключила плиту в } t'$$

Первый вариант (18) не подходит, потому что в нем говорится, что существует такой момент времени в прошлом, когда я не выключала плиту. Не составляет труда найти такую ситуацию, в частности, если я вышла из дома и иду, то одну секунду назад и был такой момент времени, когда я не выключала плиту, а шла пешком. Второй вариант (19) также не подходит, потому что в нем утверждается, что в прошлом не было ни одного момента, когда я выключала плиту. Если я готовлю сравнительно часто, то в прошлом было множество моментов, когда я выключала плиту.

Однако, как, например, показано в основательном обзоре по проблемам семантики времени Арнима фон Штехова [von Stechow, 1995], нетривиальное прочтение для подобного предложения можно получить и при квантификационной интерпретации прошедшего времени в духе Прайора, введя ограничение на сферу действия соответствующего квантора времени. Это показано в (19). В частности, правильное значение для данного предложения получается, если интерпретировать отрицание выше, чем квантор времени и ограничить рассматриваемые моменты времени временем, которое прошло с момента начала готовки до выхода из дома. (19) говорит, что среди таких моментов не существует момента, когда я выключала плиту.

(20) неверно, что $\exists t'. t' > t. t'$ – это время, прошедшее со времени начала готовки и до того момента, как я вышла из дому, и я выключила плиту в t'

Вопрос о том, какая из рассмотренных семантик – квантификационная или референциальная – является верной для семантики времени, остается открытым. Возможно, что в разных языках для временных морфем подходит разная семантика.

Современные исследователи полагают, что прошлое может интерпретироваться и как квантор, и как референциальное выражение в зависимости от языка. Однако, по всей видимости, будущее должно анализироваться именно как квантор. Одним из аргументов в пользу этого тезиса является наблюдение за тем, как могут взаимодействовать времена в главной и вложенной клаузах. В частности, во многих языках прошлое, находящееся в сфере действия другого прошлого, как в (21), может получать одновременную интерпретацию. (21) можно понять следующим образом: на момент произнесения Машей этого предложения Настя была беременной.

Одним из способов получения такой одновременной интерпретации, как это было продемонстрировано в работе Абуш [Abusch 1997], является *de re* конструкция. *De re* интерпретация времени находится за пределами данного рассмотрения³⁸. Однако, согласно Абуш, такая конструкция возможна только для референциальной интерпретации вложенного времени.

³⁸ *De re* интерпретация единичных терминов будет рассмотрена ниже.

Однако будущее время во вложенной клаузе никогда не получает одновременного прочтения с будущим временем в главном предложении. В частности, (22) не может быть понято, как на будущий момент произнесения Машей этого предложения Настя будет беременной. Беременность в данном случае должна, по мнению Маши, находиться в будущем относительно момента произнесения предложения Машей.

(21) Маша сказала, что Настя была беременна

(22) Маша будет говорить, что Настя будет беременна.

Если бы референциальная интерпретация была доступна для будущего времени, то в (22) будущее время могло бы интерпретироваться *de re*, и, соответственно, одновременное прочтение было бы доступно. Поскольку такое прочтение не доступно, будущее время не имеет референциального прочтения, а имеет квантификационное прочтение. Сходным образом, в тех языках, где (21) не может получать одновременное прочтение, можно говорить о том, что прошлое время интерпретируется как квантор, а не как переменная.

5.3. Квантификация над событиями в семантике глагольного вида

Помимо выражений, в значения которых входят множества возможных миров или множества временных интервалов, в традиции формального анализа естественного языка также принято обсуждать и онтологию событий, к которым могут отсылать те или иные выражения. Впервые семантика событий была предложена философом Д. Дэвидсоном (см.: [Дэвидсон, 1967]) и являлась более адекватным способом репрезентации семантики глаголов.

Стандартно глаголы, как предикаты первого порядка, рассматривались как выражения, обозначающие множества объектов, подобно прилагательным или существительным. Так, например, «бежит» в традиционной логической семантике обозначает множество бегущих индивидов, точно так же как «белый» – множество белых объектов, а охотник – множество охотников. Однако сложности с подобным подходом возникают при рассмотрении

более сложных выражений. Если «белый и легкий» обозначает пересечение множеств белых и легких объектов, то подобное уже нельзя сказать о выражении «бежит медленно»: его значением не является пересечение медленных и бегущих объектов (подробнее о семантике событий см.: [Татевосов, 2013]).

Выходом из затруднения становится рассмотрение глаголов как предикатов событий. Предложение «Коля бежит» рассматривается как утверждение о том, что существует некоторое событие e такое, что e – событие бега и Коля является субъектом этого события. При таком рассмотрении семантика глагола «бежит» может быть представлена как $\lambda x . \lambda e . \text{бежит}(e)$ ³⁹. Однако если глагол – это предикат событий, то возникает вопрос: откуда берется квантор существования, представленный в семантике предложения и выраженный в его сформулированных выше условиях истинности через подчеркнутое выражение? В современной семантической теории считается, что этот квантор возникает в результате взаимодействия глагольной основы с видом.

В русском языке вид глагола, как известно, может быть совершенным и несовершенным. Отличие совершенного вида (если говорить в общем⁴⁰) заключается в том, что глагол, употребленный в совершенном виде, связывается с законченным действием, тогда как несовершенный вид глагола связывается с незавершенным действием: «Коля выполнил работу» (совершенный вид, если предложение истинно, то работа выполнена на момент произнесения данного предложения) и «Коля выполнял работу» (несовершенный вид, работа вполне может так и остаться не выполненной даже при истинности этого предложения).

Если глагол – это просто предикат тех или иных событий, а вид способствует более точной конкретизации того, о какого рода событии идет речь, то нет ничего удивительного в том, что именно с семантическим вкладом глагольного вида связывается введение квантора существования над событиями в логическую

³⁹ Здесь (для простоты) непереходный глагол «бежит» представлен как обозначающий множество пар индивид-событие, хотя в более точных семантических теориях индивидный аргумент (для субъекта) исключен из семантики глагола и добавляется в структуру предложения позднее за счет других ресурсов (см.: [Kratzer, 1996]).

⁴⁰ Но см. важные исключения в: [Падучева, 2010].

форму предложения. При этом в качестве носителя видового значения может выступать конкретная морфема (например, с- в глаголе совершенного вида «сделал» или -(ы)ва- в глаголе несовершенного вида «всплывать») или же вид может вводиться в структуру предложения без явной репрезентации (например, в глаголе «всплыть»). Считается, что именно денотат вида взаимодействует с денотатом глагола, применяясь к нему по правилу применения функции к аргументу. Семантика для несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) вида может быть формально представлена как⁴¹:

$$(23) \|\text{НСВ}\|^{g,t,w} = [\lambda P_{\langle e,t \rangle} \cdot \lambda t \cdot \exists e[t \subset \tau(e) \wedge P(e)=1]]$$

$$(24) \|\text{СВ}\|^{g,t,w} = [\lambda P_{\langle e,t \rangle} \cdot \lambda t \cdot \exists e[\tau(e) \subseteq t \wedge P(e)=1]]$$

Данная запись означает, что при НСВ речь идет о временном интервале, находящемся внутри времени соответствующего события, а при СВ речь идет о том, что самое время события оказывается внутри интервала, о котором идет речь в предложении. Однако важно еще и то, что именно благодаря виду в формальную структуру предложения вводится само событие, как элемент, над которым осуществляется экзистенциальная квантификация. Именно в силу присутствия в формальной структуре предложения ссылки на событие можно построить его условия истинности с учетом особенностей семантики глагола и его вида.

5.4. Онтология степеней сравнения в семантике прилагательных

Последний онтологический вид сущностей, введение которого оказывается необходимым для корректного выражения условий истинности естественно-языковых предложений и который будет коротко рассмотрен нами в данной главе, это степени. Степени понимаются как самостоятельные онтологические сущности с собственным семантическим типом *d*. Онтология степеней используется в формальной семантике прилагательных для экспликации

⁴¹ Здесь речь идет о представлении значения в традиции, восходящей к концепции Г. Рейхенбаха [Reichenbach, 1947] и получившей свое развитие в работах: [Hornstein, 1990; Klein, 1994; Paslawska & von Stechow 2003] и др.

степеней сравнения прилагательных. Для простоты мы рассмотрим лишь случаи сравнительной степени имен прилагательных, т. е. такое предложение, как «Рост Андрея выше, чем 1 м 70 см».

Для этого в семантику градуируемых прилагательных (т. е. тех, что предполагают степени сравнения: ср. высокая vs. беременная) вводится дополнительный аргумент степени. Такие прилагательные теперь обозначают не множества индивидных объектов, а множества пар <степень, объект>. Семантика такого прилагательного, как высокий, выражается как (25).

$$(25) [\lambda d. \lambda x. x \text{ высокий до степени } d]$$

При обычном употреблении прилагательного степень d задается контекстуально, исходя из индивидуального понимания того, что значит быть высоким для каждого, кто использует это прилагательное (подробнее см. [Kennedy, 1999; Heim, 2000]).

Введение квантора над уровнями осуществляется при анализе предложения, содержащего прилагательное в сравнительной степени. Выражение, которое мы можем обозначить как «-ше, чем 1 м 70 см», которое сочетается с прилагательным «высокий», в результате чего получается выражение «выше, чем 1 м 70 см», считается обладающим собственным квантификационным значением. Согласно подходу И. Хайм [Heim, 2000], его значение может быть выражено следующим образом:

$$(26) \|\text{-ше, чем 1 м. 70 см.}\|^{g,t,w} = [\lambda P_{\langle d,t \rangle} . \max(P) > 1 \text{ м. } 70 \text{ см}]$$

Это означает, что прилагательное, к которому применяется данный квантор, в своей максимальной степени (т. е. в той наибольшей степени, которая может считаться ростом Андрея) является больше, чем 1 м 70 см (что, в свою очередь, обозначает конкретную степень на воображаемой шкале – 1 м 70 см). Поскольку выражение, данное в (26), имеет тип $\langle\langle d,t \rangle, t \rangle$, то оно является квантором (по аналогии с такими кванторами, как «каждый студент», которые имеют тип $\langle\langle e,t \rangle, t \rangle$).

Оператор \max сочетается с предикатом степени и возвращает максимальную степень этого предиката. Выражается это через определенную дескрипцию: $\max(P): = \text{id. } P(d) = 1 \wedge \forall d'[P(d') = 1 \rightarrow d \geq d']$, т. е. максимальная степень соответствующего прилагательного – это та, которая на шкале превосходит любую другую степень, также присущую этому прилагательному.

Существуют теории, в которых семантика прилагательных в сравнительной и превосходных степенях задается через квантор существования [Schwarzschild, 2008], однако суть дела не меняет: квантификация по степеням, понимаемым как отдельные онтологические сущности, имеет место в естественном языке.

5.5. Что все это значит для онтологии естественного языка?

Данные результаты и связанные с ними перспективы поставили вопрос о той онтологии, которую следует приписывать естественному языку.

Согласно известному лозунгу У. Куайна [Quine, 1939], существовать значит быть значением связанной переменной. Суть этого лозунга сводилась к тому, что универсум интерпретации формальной системы состоит из тех сущностей, над которыми пробегают переменные этой системы. Иными словами, если в языке есть переменные или имена собственные для индивидуальных объектов, то значит, этот язык исходит из онтологии индивидуальных объектов. Если его переменные пробегают по абстрактным объектам, значит, в языке и абстрактные объекты рассматриваются в качестве существующих объектов. Согласно проповедовавшемуся Куайном и Н. Гудменом принципу номинализма, сущности не следует множить без надобности. Применительно к задачам формальной философии языка первой половины XX в. это означало необходимость разрабатывать переформулировки в терминах первопорядкового исчисления тех выражений языка науки, которые формулировались в языках с более обширной онтологией (см.: [Кюннг, 1999]). Введение сущности считалось, таким образом, обоснованным, если без него нельзя было бы корректно сформулировать условия истинности того или иного предложения, которые со времен работ Л. Витгенштейна рассматривались в качестве формального эквивалента семантического содержания предложения.

Из всего этого следует, что формально-семантические исследования квантификации в естественном языке связаны с допущением и того, что элементами универсума сущностей естественно-

го языка (т. е. объектами мира, на который мы ссылаемся, когда разговариваем) должны быть совершенно «непривычные» для нас сущности: возможные миры, события, степени. Философская озабоченность такой онтологической свободой довольно часто озвучивается многими философами языка⁴². На одном из своих московских выступлений известный философ языка Джон Серл, отвечая на вопрос, сказал: “Possible worlds make me sick!”.

5.6. Выражения эпистемической модальности в естественном языке

В данном подразделе будут рассмотрены наиболее интересные современные дискуссии в области эпистемической модальности.

Прежде чем перейти к обсуждению этих дискуссий, рассмотрим современные подходы к значению «может» и «должен».

В классической статье «Что “может” и “должен” могут и должны значить?» А. Кратцер [Kratzer, 1977] исследовала значение выражений «может» и «должен».

Рассмотрим примеры (27)–(29)

(27) Все дети Маори должны выучить имена всех предков.

(28) Предки Маори, должно быть, пришли из Таити.

(29) Именно ты должен стать нашим мэром.

В данных примерах слово «должен» не употребляется в одном и том же смысле.

В примере (27) речь идет об обязанности, деонтическом долженствовании; в примере (28) идет об эпистемическом долженствовании – здесь говорится о знании или информации; в примере (29) речь идет о предпочтениях. Задача семантики описать все те черты значения выражений, которые не меняются в разных контекстах, в которых может быть использовано выражение. Есть ли такое общее значение у «должен» в примерах (27)–(29)?

Кратцер предлагает посмотреть на употребление (27)–(29) с такими выражениями, как «в свете...», «принимая во внимание», «что касается» (“in the view of”).

⁴² См., например, [Schiffer, 2013].

(30) В свете правил племени Маори, все дети Маори должны выучить имена предков.

(31) В свете имеющихся у нас данных, предки Маори должно быть пришли из Таити.

(32) В свете общественного мнения жителей нашего города, именно ты должен стать нашим мэром.

Когда мы эксплицитно прописываем, в каком аспекте мы рассматриваем слово «должен», мы видим, что во всех этих случаях «должен» имеет одно и то же значение.

Это показывает, что слово «должен» имеет индексикальный элемент, его значение зависит от контекста употребления. Тем не менее это слово имеет также постоянное значение, которое сохраняется во всех контекстах (30)–(32).

Кратцер предлагает в предложении (30) рассматривать значение компонента «должен» как функцию, которая берет два аргумента «в свете правил племени Маори» и «выучить имена предков». Теперь мы можем представить значение «должен» в терминах уже знакомой нам семантики возможных миров.

Модальный глагол интерпретируется как квантор. Например, глагол «должен» интерпретируется через квантор всеобщности, а глагол «может» через квантор существования. Модальный глагол берет два предиката возможных миров в качестве аргументов, т. е. два аргумента типа $\langle s, t \rangle$. Один из этих аргументов выступает в качестве ограничителя области действия квантора, второй является его областью действия.

Таким образом, согласно идее, высказанной Кратцер, значение модального глагола «должен» сходно со значением выражения «каждый». «Каждый» также берет в качестве аргументов два предиката (только в данном случае это индивидуальные предикаты).

$$(33) \llcorner \text{Каждый} \llcorner^{w,g} = [\lambda P. \lambda Q. \forall x [P(x)=1 \rightarrow Q(x)=1]]$$

В качестве первого аргумента может быть, например, миры, где все подчиняются правилам Маори (как в примере (30)), миры, которые совместимы со всем, что нам известно (как в примере (31)); миры, которые удовлетворяют предпочтениям жителей города (как в примере (32)).

Что же делать с предложениями (27)–(29), где отсутствует один из аргументов для «должен», а именно ограничитель для его значения? В таких случаях мы восстанавливаем этот элемент из контекста употребления выражения. Именно этот элемент и будет скрытым индексным элементом, именно он отвечает за вариативность значения модального глагола «должен».

Таким образом, физическая модальность квантифицирует по возможным мирам, совместимым с законами физики, деонтическая модальность по возможностям, совместимым с моральными нормами нашего мира, эпистемическая модальность – в особенности – квантифицируют по возможным мирам, совместимым с тем, что мы знаем.

Такие выражения естественного языка (в частности, русского), как «может быть», «можешь», «возможно» являются кванторами существования, а такие выражения, как «должно быть», «должен», «необходимо» являются кванторами всеобщности.

Одним из аргументов в пользу этой идеи является тот факт, что данная теория делает правильные предсказания относительно взаимодействия этих выражений и отрицания. Так, например, значение предложения (34) эквивалентно значению предложения (35). Этот принцип известен нам из логики предикатов первого порядка (36).

(34) Ты не должен ходить на лекции.

(35) Ты можешь не ходить на лекции.

(36) $\neg \forall x Px = \exists x \neg Px$ (где P – это некая константа)

В рамках данного обсуждения основное внимание будет уделено предложениям, выражающим эпистемическую модальность, таким как (37).

(37) Насколько я знаю, ключи могут быть в почтовом ящике.

В данном случае отношение достижимости определяется фразой «насколько я знаю». Таким образом, данное предложение означает следующее (38).

(38) В некоторых мирах, из тех, которые согласуются со всем, что мне известно в актуальном мире, ключи являются в почтовом ящике.

Мы сказали, что в отсутствии эксплицитного ограничителя (такого как «насколько я знаю») контекст задает релевантное отношение достижимости. Однако возникает вопрос, кто является релевантным носителем знания в случаях, когда отсутствует эксплицитный ограничитель, как, например, в предложении «Ключи могут быть в почтовом ящике»? Очевидно, что это также должно задаваться контекстом. Однако вопрос о том, как конкретно это должно задаваться контекстом, породил ряд интересных дискуссий в современной лингвистике и философии.

Например, мы могли бы предположить, что релевантно знание говорящего, что речь идет о том, что в некоторых возможных мирах, совместимых с тем, что известно говорящему, ключи находятся в почтовом ящике.

Формально мы можем представить значение выражения «может быть» и «должно быть» следующим образом (39).

(39)

a. $\| \text{может быть (B)} \|^{c,t} = [\lambda p_{\langle s,t \rangle}. \exists w' \in \|B\|^{c,t}. p(w') = 1]$

b. $\| \text{должно быть (B)} \|^{c,t} = [\lambda p_{\langle s,t \rangle}. \forall w' \in \|B\|^{c,t}. p(w') = 1]$

В (39) В – это отношение достижимости, ограничитель, который выбирает миры, совместимые с доступным свидетельством или информацией, имеющейся в данном контексте. В получает свое значение в контексте с во время произнесения t. Для того чтобы отразить зависимость интерпретации В от контекста, мы добавим новый параметр (суперскрипт) на интерпретирующую функцию – параметр контекста с.

(40) $\|B\|^{c,t} = \{v: v \text{ совместимо с информацией, которая релевантна в контексте с во время t}\}$

Информация в контексте произнесения будет соответствовать тому, что известно говорящему **на момент произнесения**. Данная идея и семантика для «должен быть» и «может быть», основанная на ней, была подвергнута критике в ряде философских работ. В частности, МакФарлэйн [MacFarlane, 2004] приводит следующий пример (41).

(41) А: Настя может быть в Бостоне

Б: Она не может быть в Бостоне. Я видел ее в коридоре пять минут назад.

Данный диалог вполне может быть продолжен таким образом (42).

(42) А: Значит я был неправ.

Однако данный диалог не может быть продолжен таким образом (43).

(43) А: Ну хорошо. Она не может быть в Бостоне. Тем не менее, когда я сказал «Настя может быть в Бостоне», то, что я сказал, было истинным.

Однако если в действительности высказывание говорящего А в (41), содержащее модальный глагол, должно оцениваться в отношении информации, известной говорящему на момент произнесения, то на каком основании этот говорящий А в (42) говорит, что он был не прав? Ведь о том, что Б видел Настю в коридоре, А узнал уже после того, как сказал, что Настя может быть в Бостоне. В свете всего, что было известно А на момент произнесения этого предложения, в действительности «Настя может быть в Бостоне» являлось истинным.

Возможный ответ на этот аргумент состоит в том, что, когда А произносит предложение (42), он не отрицает все предложение, которое он произнес в (41) целиком. Он отрицает ту пропозицию, которая является аргументом для модального глагола, а именно пропозицию, обозначаемую предложением «Настя в Бостоне».

Иногда мы отрицаем вложенное предложение, как, например, в (44).

(44) А: Я думаю, идет дождь.

Б: Нет.

В данном диалоге участник Б отрицает не все предложение целиком, а только вложенное предложение «идет дождь», т. е. индивид Б не отрицает того, что А считает, что идет дождь.

Тем не менее остается непонятным, почему дискурс, представленный в предложении (43), является неуместным, почему А не может настаивать на истинности своего первого утверждения на тот момент времени, когда это предложение было произнесено.

Сходный аргумент был приведен в работе Эгана [Egan, 2007]. Представим себе Джеймса Бонда и Лайтера в Лондоне. Они подслушивают разговор Блофельда с подчиненным с помощью

жучка, который Бонд установил в комнате переговоров где-то в Швейцарии. Бонд оставил ложные улики, указывающие на то, что он находится в Цюрихе. Блофельд обнаруживает их и произносит (45).

(45) Бонд может быть в Цюрихе.

Бонд, слушая это из Лондона, произносит (46).

(46) Прекрасно, Блофельд опять ошибся!

Реплика Бонда звучит вполне естественно в этой ситуации. Однако неясно, каким образом этот факт можно объяснить с точки зрения стандартной теории, рассмотренной нами. Ведь если речь идет о знании того, кто произносит данное высказывание (45), то это предложение истинно, поскольку именно на это указывают ложные улики, оставленные Бондом, и соответственно, то, что Бонд может быть в Цюрихе, согласуется со всем, что известно говорящему – Блофельду. Более того, также как и в предыдущем случае, Бонд не может сказать (47), услышав «Бонд может быть в Цюрихе».

(47) Да, совершенно верно.

Если бы значение предложения в (45) целиком зависело бы от знания того, кто произносит предложение на момент произнесения, то самым естественным ответом Бонда было бы именно предложение (47).

Таким образом, данные примеры показывают, что стандартный анализ эпистемической модальности является не вполне корректным. Возникает вопрос: чье знание наш язык считает релевантным для оценки предложений, содержащих «может быть», «должно быть».

Аргументы подобного типа использовались такими философами, как К. ДеРоз [DeRose, 1991], Э. Эган [Egan, 2007], для обоснования концепции эпистемической модальности, которая получила название «релятивистский подход». Согласно подходам такого рода, выражения эпистемической модальности оцениваются не относительно знания того, кто произносит предложение, а относительно того, кто интерпретирует это предложение.

Мы снова добавим новый параметр: параметр момента оценки a . Он определяет интерпретатора j_a , мир оценки w_a , и время оценки t_a . Этот параметр не влияет на интерпретацию никаких элементов предложения, кроме B – отношения достижимости. Время оценки t_a может отличаться от времени произнесения t_i .

(48) $\|B\|^{c,t,a} = \{v : v \text{ совместимо с тем, что } j_a \text{ знает во время } t_a \text{ в мире } w_a\}$

В рамках этого подхода рассмотренные нами выше примеры находят следующее объяснение. Когда Блофельд произносит (49), то это предложение является истинным для него.

(49) Бонд может быть в Цюрихе.

Однако, когда Бонд реагирует на него, произнося (50), его высказывание также является истинным.

(50) Прекрасно, Блофельд опять ошибся!

В действительности, с точки зрения Бонда (49) является ложным. Таким образом, поскольку согласно данному релятивистскому подходу, предложения с эпистемической модальностью зависят от контекста оценки, а не контекста произнесения, оба персонажа Бонд и Блофель могут быть правы, при этом не соглашаясь друг с другом.

Здесь возникает интересный с точки зрения философии вопрос: в действительности ли наш язык предполагает такого рода релятивизм?

Ряд интересных аргументов против релятивистского подхода были сформулированы в работе К. фон Финтеля и А. Джиллиса [von Fintel & Gillies, 2008].

Первый аргумент направлен на критику сценариев, приводимых в работах по релятивизму. В частности, авторы показывают, что не обязательно в свете новой информации носители языка склонны пересматривать свою оценку предложения с модальным глаголом. Они приводят следующий сценарий (51).

(51) Алекс: Ключи могут быть в ящике стола.

Билл (заглядывает в ящик): Их здесь нет. С чего ты это взял?

Алекс: Слушай, я не говорил, что они в ящике. Я сказал, что они могут быть там – и они могли бы оказаться там. Что ты пристал?

Первое предложение, произнесенное Алексом, было истинным на момент произнесения, но после проверки ящика оно должно рассматриваться им как ложное, поскольку то, что ключи в ящике, уже несовместимо с тем, что известно Алексу. Тем не менее он не отказывается от истинности своего первого утверждения.

Эти авторы указывают на то, что иногда, отрицая истинность утверждения, содержащего модальный глагол, мы в действительности указываем на то, что говорящий опирается на свидетельства или аргументы, которые не являются достаточно надежными. Именно так может объясняться случай с Бондом.

Интересен следующий аргумент против релятивистской интерпретации эпистемической модальности.

(52) София ищет мороженое и проверяет холодильник. В нем нет мороженого.

А: Зачем ты открыла холодильник?

Б: Там могло бы быть мороженое.

Согласно релятивистской концепции эпистемической модальности, предложение оценивается на истинность или ложность всегда относительно времени оценки. Это время не может быть смещено в прошлое. Таким образом, данная теория предсказывает, что поскольку на момент оценки предложения у нас есть уже прямое свидетельство отсутствия в холодильнике мороженого, то последнее предложение, высказанное Б, будет обязательно оцениваться как ложное. Однако, как мы видим из приведенного примера (52), это не так.

Мы видели, что стандартный анализ эпистемической модальности, согласно которому данные выражения оцениваются в соответствии с тем, что известно говорящему на момент произнесения выражения, является не вполне корректным. Однако и альтернативный релятивистский подход, согласно которому для оценки предложений, содержащих эпистемическую модальность, релевантно знание того, кто оценивает предложение на момент оценки, не является вполне адекватным для анализа значения данных выражений.

Так чье знание наш язык считает релевантным для оценки предложений, содержащих «может быть», «должно быть»?

Ответ, который напрашивается после рассмотрения всех предложенных аргументов, состоит в том, что иногда релевантно знание слушающего, а иногда знание говорящего, а иногда это знание, включающее и слушающего и говорящего, т. е. знание группы индивидов.

Фон Финтель и Джиллис [von Fintel & Gillies, 2011] предлагают следующую концепцию значения модальных эпистемических высказываний. Модальный базис эпистемических высказываний всегда вычисляется в отношении группы индивидов, т. е. любое модальное утверждение сообщает о том, какое знание доступно для группы индивидов. Эта группа может состоять из одного индивида (например, говорящего или слушающего). Как мы узнаем, относительно какой группы нам следует интерпретировать то или иное утверждение? Фон Финтель и Джиллис полагают, что каждое предложение, содержащее выражение эпистемической модальности, обладает целым рядом значений. То есть для одного и того же предложения одновременно существует целый ряд значений, они различаются тем, что сообщают о знании, доступном разным группам. Когда человек произносит такое предложение, он не обязан знать все эти возможные значения и интерпретации. Достаточно иметь в виду одну из них. Однако самим фактом произнесения предложения говорящий открывает возможность других возможных интерпретаций (которые опять же зависят только от того, чье знание имеется в виду). Так, второй собеседник может откликнуться на любую из этих интерпретаций, когда он вступает в диалог. По этой причине, согласно рассматриваемым авторам, иногда модальное высказывание интерпретируется в отношении только говорящего, иногда в отношении только слушающего, иногда в отношении знания, доступного им двоим.

Глава 6. Значение условных выражений

6.1. Материальная импликация и ее сложности

Одной из тем, которая представляла интерес, как для философов, так и для лингвистов является проблема значения условных предложений. В русском языке антецедент условного предложения маркируется словом «если», а консеквент может (но не обязательно) маркироваться словом «то» (1) или «тогда» (2), а также «то» и «тогда» могут использоваться вместе (3).

- (1) Если Настя сдаст английский, то поступит в институт.
- (2) Если Настя сдаст английский, тогда поступит в институт.
- (3) Если Настя сдаст английский, то тогда поступит в институт.

В классической логике условные выражения анализируются через материальную импликацию. Так, предложение (1) анализируется как (4).

- (4) Настя сдаст английский \rightarrow поступит в институт

Согласно данному анализу, (4) эквивалентно (5). Это предложение ложно только в одном случае: Настя сдает английский и не поступает в институт. Во всех остальных случаях это предложение должно быть истинным.

- (5) Настя не сдаст английский \rightarrow поступит в институт.

Хотя данный анализ достаточно хорошо работает для этого конкретного предложения (1), он сталкивается с хорошо известными в литературе проблемами (так называемые парадоксы материальной импликации). Так, если предложение в антецеденте является ложным, то вне зависимости от того, каков консеквент, все предложение целиком будет считаться истинным. Однако (6), несмотря на то, что два плюс два не равно три, не кажется истинным. Интуитивно предложение кажется ложным, потому что не существует никакой связи между математической истиной и местоположением Лондона.

- (6) Если два плюс два равно три, то Лондон находится в России.

Сходным образом, предложение (7), согласно данному анализу, должно быть истинным. Это так, поскольку консеквент представляет собой математическую истину. Материальная импликация может быть ложной, только если при истинном antecedенте консеквент является ложным. Таким образом, истинность консеквента гарантирует истинность всего предложения. Опять же интуитивно это предложение является ложным, поскольку не существует никакой связи между цветом травы и математикой.

(7) Если трава зеленая, то два плюс два равно четыре.

Также условное предложение может интуитивно казаться истинным, даже если antecedент является ложным. Так, предложение (8) вполне может являться истинным, если произносится в ситуации, когда Ваня опоздал на самолет.

(8) Если бы Ваня не опоздал на самолет, то сейчас он был бы в Испании.

6.2. Преодоление сложностей материальной импликации через прагматику

Одно из решений для данной проблемы было предложено в работах П. Грайса. В частности, он отмечал, что прагматические факторы могут влиять на то, как интерпретируются логические связки. Например, в (9) и (10) используется одна и та же связка «и», однако в ситуации, когда Настя сначала вышла замуж, а уже потом родила ребенка, предложение (9) может казаться истинным, а (10) ложным. На самом деле, эти два предложения семантически являются эквивалентными. Тот факт, что (10) как бы предполагает противоположный порядок этих событий, является результатом действия импликатуры. Импликатура – это вывод, который носитель языка делает, основываясь на презумции, что его собеседник не нарушал правил ведения диалога. Одним из таких правил является правило – сообщай вещи в правильном порядке. Поскольку слушающий исходит из того, что говорящий следует этому правилу, он делает вывод о том, что Настя сначала родила ребенка, а потом вышла замуж. Тот факт, что данный вывод не является неотъемлемой частью значения данного предложения, может быть

продемонстрирован в примере (11), где эксплицитно говорится о том, что порядок конъюнктов не отражает реальную последовательность событий. В таких случаях говорят, что импликатура была отменена.

(9) Настя вышла замуж и родила ребенка.

(10) Настя родила ребенка и вышла замуж.

(11) Настя родила ребенка и вышла замуж, но не в этом порядке.

Грайс предложил, что нечто подобное происходит и в случае с условными предложениями. Строго говоря, значением предложений (6) и (7) является материальная импликация. Однако использование условного предложения может имплицировать, что существует некая связь между двумя предложениями. Предложение (6), согласно этому подходу, является истинным, поскольку ложным является антецедент. Однако, если это все, что хотел сказать говорящий, он должен был бы выбрать (12), которое является более коротким способом выразить желаемое. Использование (6) вместо (7) нарушает максиму «Будь краток». Поскольку слушающий исходит из того, что никакая максима не была нарушена говорящим, он заключает, что (6) использовалось для того, чтобы выразить мысль о существовании связи между математической истиной и географическим фактом.

(12) Два плюс два не равно три.

Сходным образом, если говорящий произносит (7), чтобы высказать мысль о том, что оба предложения являются истинными, ему следует использовать конъюнкцию (13). Использование (7) вместо (13) нарушает максиму количества: «будь максимально информативным».

(13) Трава зеленая и два плюс два равно четыре.

Более серьезная проблема традиционного подхода к анализу условных предложений была сформулирована в работе философа Д. Льюиса (Lewis 1975).

6.3. Условные предложения ограничивают область действия модальных операторов

Льюис исследовал взаимодействие между условными предложениями и квантификационными наречиями, такими как «всегда» (которое можно понимать, как «во всех случаях»), «иногда» (которое можно понимать как «в некоторых случаях») и «в большинстве случаев».

(14) Всегда, если у фермера есть осел, то он его бьет.

(15) Иногда, если у фермера есть осел, то он его бьет.

(16) В большинстве случаев, если у фермера есть осел, то он его бьет.

В случае с «всегда» материальная импликация даст нам вполне удовлетворительный результат. Предположим, что «всегда» является квантором, оперирующим на событиях/ситуациях. Тогда «всегда» в сочетании с материальной импликацией даст нам (17), что является вполне адекватным для данного предложения. (17) говорит, что для каждого события верно, что если это ситуация, когда у фермера есть осел, то это ситуация, когда он его бьет.

(17) $\forall e$ [у фермера есть осел в $e \rightarrow$ он его бьет в e]

Однако несложно увидеть, что материальная импликация не дает нам правильного прочтения для предложения (15), которое содержит «иногда». Формула, данная в (18), не отражает значение данного предложения. Эта формула будет истинной, если мы найдем одну ситуацию, в которой у фермера нет осла. Материальная импликация является истинной, если антецедент является ложным. Поскольку в данной формуле значение «иногда» представлено в виде квантора существования, то нам достаточно найти только одну такую ситуацию. Однако данные условия истинности являются слишком слабыми. Для того чтобы предложение (15) было истинным, требуется, чтобы хотя бы в некоторых случаях фермер, владеющий ослом, бил его. Это не отражено в (18).

(18) $\exists e$ [у фермера есть осел в $e \rightarrow$ он его бьет в e]

Сходным образом, традиционный анализ в терминах материальной импликации делает неверное предсказание относительно значения предложения (16). Такой анализ, как это видно

из (19), предсказывает, что предложение должно быть истинным, если для большинства случаев выполняется материальная импликация. Опять-таки, формула в квадратных скобках является истинной, если антецедент является ложным. Если (19) является адекватным анализом для (16), то это предложение должно быть истинным, если большинство ситуаций – это ситуации, когда у фермера нет осла. Интуитивно это не отражает смысл предложения (16).

(19) Большинство ситуаций e таковы, что [у фермера есть осел в $e \rightarrow$ он его бьет в e]

Льюис предположил, что единственным действующим оператором в предложении (15) является «иногда». В рамках его подхода «если» в таких случаях рассматривается как выражение, которое вводит ограничитель для другого оператора, в данном случае это квантор существования, оперирующий на событиях.

(20) $\exists e$ [у фермера есть осел в e & он его бьет в e]

Таким образом, Льюис предложил, что « \rightarrow » вообще не является частью значения «если, то». Причина, по которой « \rightarrow » используется в (17), состоит в том, что это часть значения универсального квантора, вводимого «всегда». Поскольку « \rightarrow » не является частью значения квантора существования, эта связка отсутствует в (20).

А. Кратцер в своей классической статье «Условные предложения» [Kratzer, 1986] приводит схожий аргумент, в котором вместо кванторных наречий используются выражения вероятности. Рассмотрим сценарий данный в (21).

(21) Йог и Зог играют в шахматы. Они сговорились, что Йог играет белыми 9 из 10 раз. На сегодняшний день, они сыграли 100 игр. Когда Йог играл белыми, он выиграл 80 из 90 игр. Когда он играл черными, он проиграл 10 из 10 игр. Вчера они играли одну из ста игр. Мы еще не знаем результат.

Кратцер утверждает, что в такой ситуации можно сказать (22) и (23), и эти предложения интуитивно являются истинными.

(22) Если Йог играл белыми, то он выиграл с вероятностью 8/9.

(23) Если Йог проиграл, то он играл черными с вероятностью 1/2.

Анализ в терминах материальной импликации предлагает нам две возможности для взаимодействия оператора вероятности и условного предложения, данные в (24) и (25).

(24) Йог играл белыми \rightarrow с вероятностью $8/9$ он выиграл]

(25) с вероятностью $8/9$ [Йог играл белыми \rightarrow он выиграл]

Опция, данная в (24), не является адекватной для значения предложения (22). Если бы это было значением данного предложения, то оно было бы истинным, если бы Йог играл вчера черными.

Вариант, данный в (25), также не является адекватным. Если бы (25) адекватно отражало значение (22), то (26) было бы выражением значения (23). По закону котрапозиции (26) эквивалентно (27). Поскольку в шахматах, если ты не играешь черными, ты играешь белыми, и если ты не выигрываешь, ты проигрываешь, то (27) равно (28).

(26) с вероятностью $1/2$ [Йог проиграл \rightarrow Йог играл черными]

(27) с вероятностью $1/2$ [Йог не играл черными \rightarrow Йог не проиграл]

(28) с вероятностью $1/2$ [Йог играл белыми \rightarrow Йог выиграл]

Но, в таком случае, выражения в квадратных скобках в (25) и в (28) оказываются одинаковыми. Таким образом, мы приписываем разную вероятность одному и тому же!

Ответ, предлагаемый Кратцер на данную проблему, является теория Льюиса. Единственным оператором в этом предложении является оператор вероятности. Материальная импликация не является частью значения данного предложения. «Если» вводит ограничитель на значение квантора вероятности. Предложение в (29) будет истинным, если и только если пропорция случаев выигрышей к случаям, удовлетворяющих описанию «Йог играл белыми», является $8/9$.

(29) [с вероятностью $8/9$: в игре x Йог играл белыми] Йог выиграл x

(30) [с вероятностью $1/2$: в игре x Йог проиграл] Йог играл черными в x

Кратцер предлагает более радикальную версию теории Льюиса. Согласно ее подходу, «если» никогда не выступает в качестве бинарной связки в естественном языке, но всегда вводит ограничитель для области действия другого оператора.

Другие операторы, область действия которых, согласно Кратцер, условные предложения могут ограничивать, являются модальные глаголы, такие как «может быть», «должен», как в примерах (31) и (342). В (31) говорится, что существует такой возможный мир (совместимый с тем, что нам известно на данный момент), где Вани нет в комнате и он находится в ванной. В (32) говорится, что во всех возможных мирах, совместимых с правилами нашего университета в реальном мире и где ты проваливаешь экзамен, ты пересдаешь всю сессию.

(31) Если Вани нет в его комнате, он может быть в ванной.

(32) Если ты провалишь экзамен, ты должен будешь пересдать всю сессию.

Что же делать в случаях, когда никакого другого оператора нет в предложении, как в нашем примере (33)?

(33) Если Настя сдаст английский, то поступит в институт.

А. Кратцер предполагает, что даже в таком случае «если» ограничивает область действия некоторого квантора, который не произносится, но присутствует в логической форме предложения.

Это означает, что многие условные предложения имеют в своей структуре произносимый элемент, значение которого определяется в контексте произнесения, и этот элемент является модальным оператором. Например, в случае (33) это может быть квантор эпистемической модальности. Значение этого предложения можно выразить как (34).

(34) Во всех возможных мирах, совместимых с тем, что мне известно в реальном мире и в которых Настя сдаст английский, Настя поступает в институт.

Другим возможным произносимым квантором является квантор регулярности. (35) может быть перефразировано как (36).

(35) Если я дома, то горит свет.

(36) Во всех обычных ситуациях, когда я дома, горит свет.

Интересно отметить, что оба кандидата на то, чтобы быть произносимыми кванторами, область действия которых может ограничивать условное предложение, являются универсальными

кванторами. Как мы видели ранее, согласно Льюис и Кратцер, условные предложения могут ограничивать область действия произносимых кванторов существования. Однако в случаях, когда произносимый квантор отсутствует по какой-то причине, непроизносимый квантор должен быть универсальным: например, (35) не может быть истинным, если свет горит только в некоторых из стандартных случаев, когда я дома.

6.4. Область действия каких кванторов могут ограничивать условные предложения?

На данном этапе рассуждения возникает естественный вопрос: в случаях, когда в предложении присутствует квантор, откуда мы знаем, ограничивает ли условное предложение область действия этого присутствующего квантора или оно ограничивает область действия непроизносимого квантора?

В работах [Frank, 1996; Zvolenszky, 2002] и [Schwager & Kaufmann, 2011] приводится ряд аргументов в пользу идеи о том, что даже в случаях, когда в предложении присутствует произносимый модальный оператор, условное предложение на самом деле ограничивает область действия непроизносимого оператора. Рассмотрим пример из работы Швагер и Кауфмана, данный в (37). Если бы условное предложение в (37) ограничивало бы область действия произносимого оператора «должен», то предложение бы означало следующее: во всех возможных мирах, которые согласуются с правилами реального мира и где ты пьешь пепси, ты пьешь пепси. Это бы сделало (37) необходимой истиной. Очевидно, что (37) таковой не является. Таким образом, в (37) несмотря на присутствие произносимого оператора, условное предложение должно ограничивать область действия непроизносимого оператора.

(37) Если ты пьешь пепси, то ты должен пить пепси.

Вопрос о том, область действия каких операторов могут ограничивать условные предложения, является наиболее обсуждаемым в современных лингвистических и философских исследованиях. Эта область представляет собой один из наиболее ярких примеров успешного взаимодействия лингвистов и философов.

Одна из до сих пор нерешенных проблем в этой области была сформулирована философом Дж. Хиггинботамом [Higginbotham, 1986]. Он предлагает рассмотреть предложения (38) и (39), которые интуитивно имеют одно и то же значение.

(38) Ни один студент не сдаст экзамен, если он не будет заниматься.

(39) Каждый студент провалит экзамен, если он не будет заниматься.

Теперь предположим, что «если он не будет заниматься» ограничивает область действия непроизносимого квантора. Как мы установили выше, непроизносимый квантор всегда является квантором всеобщности. Поскольку «он» внутри условного предложения в данном случае является связанным кванторным выражением «ни один студент», то этот непроизносимый квантор не может находиться вне области действия квантора «ни один студент» («он» является связанным, поскольку не указывает на одного конкретного индивида). Таким образом, (38) должно быть представлено как (40). В свою очередь (40) = (41) = (42). В (42) говорится, что для каждого студента существует такой мир/ситуация, когда он не работает и не сдает экзамен.

(40) $\neg \exists x [x \text{ является студентом в } w_0 \ \& \ \forall w [\neg x \text{ занимается в } w \rightarrow x \text{ сдает экзамен в } w]]$

(41) $\forall x [x \text{ является студентом в } w_0 \ \& \ \neg \forall w [\neg x \text{ занимается в } w \rightarrow x \text{ сдает экзамен в } w]]$

(42) $\forall x [x \text{ является студентом в } w_0 \ \& \ \exists w [\neg x \text{ занимается в } w \ \& \ \neg x \text{ сдает экзамен в } w]]$

Проблема в том, что это вовсе не то, что (38) значит и это совсем не эквивалентно (39). Ведь и (38), и (39) говорят о том, что без серьезной подготовки ни один студент не сможет сдать экзамен. В (42) же говорится, что без серьезной подготовки возможен (но не необходим) провал на экзамене.

На основании этого примера Хиггинботам заключает, что программа композиционного анализа значения выражений не может быть реализована. Условные предложения ограничивают область действия универсальных кванторов, но когда они находятся в области действия негативных кванторов, таких как «ни один

студент», они, по всей видимости, должны ограничивать область действия квантора существования. Обратим внимание на тот факт, что если бы мы заменили квантор всеобщности на квантор существования, проблема была бы решена и предложение бы получило правильную интерпретацию (43) = (44).

(43) $\neg \exists x$ [x является студентом в w_0 & $\exists w$ [$\neg x$ занимается в w & x сдает экзамен в w]]

(44) $\forall x$ [x является студентом в w_0 & $\forall w$ [$\neg x$ занимается в $w \rightarrow \neg x$ сдает экзамен в w]]

Естественно, что решение, согласно которому квантор, ограничиваемый условным предложением, меняется в зависимости от того, находится ли он в области действия универсального квантора, является неудовлетворительным.

Поиск решения ведется.

Проблему можно было бы считать решенной, если бы условные предложения могли бы ограничивать область действия таких кванторов, как «ни один студент» напрямую. Тогда (38) было бы представлено как (45), а (39) как (46). (45) и (46) являются логически эквивалентными, таким образом, мы правильно предсказываем, что (38) и (39) означают одно и то же.

(45) $\neg \exists x$ [x является студентом & $\neg x$ занимается & x сдает экзамен]

(46) $\forall x$ [x является студентом & $\neg x$ занимается $\rightarrow \neg x$ сдает экзамен]

К сожалению, такой подход сталкивается со сложностями. В частности, как отмечает С. Лесли [Leslie, 2009] и фон Финтель и Иатриду [von Fintel, Iatridou, 2002], **вовсе не очевидно, что условные предложения могут ограничивать область действия немодальных кванторов, таких как «каждый студент», «ни один студент».** Возникающая проблема очевидна, если сопоставить относительные предложения, которые в действительности могут ограничивать область действия таких кванторов, как «ни один студент» и условные предложения. Рассмотрим два примера (47) и (48). Очевидно, они не сообщают одно и то же. В (47) утверждается, что среди монет, находящихся в моем кармане, нет золотых. В (48) до-

бавляется какое-то модальное значение: кажется, что монеты могут быть или не быть золотыми в зависимости от того, находятся ли они в моем кармане.

(47) Ни одна монета, которая находится в моем кармане, не является золотой.

(48) Ни одна монета, не является золотой, если находится в моем кармане.

Таким образом, кажется проблематичной идея о том, что условные предложения могут ограничивать область действия немодальных кванторов.

Другим альтернативным решением для данной проблемы является идея о том, универсальный квантор, область действия которого ограничивают условные предложения, обладает особым свойством: для него выполняется закон исключенного третьего [von Fintel, Iatridou, 2002]. Идея состоит в том, что этот квантор предполагает, что либо все миры, где выполняется то, что выражено условным предложением, являются мирами Б, либо все миры, где выполняется то, что выражено условным предложением, являются мирами не Б (где Б это описание миров). В результате отрицание этого универсального квантора не превращает его в квантор существования. Благодаря исключённому третьему, выраженному в (50), если (49) верно, то должно быть верно и (51). Это так, потому что если (49) верно, то мы можем заключить, что первый дизъюнкт в (50) является ложным. Тогда истинным должен быть второй дизъюнкт, иначе формула в (50) будет ложной.

(49) $\neg \forall w[\text{солнце светит в } w \rightarrow \text{Ваня гуляет в } w]$

(50) $\forall w[\text{солнце светит в } w \rightarrow \text{Ваня гуляет в } w] \vee \forall w[\text{солнце светит в } w \rightarrow \neg \text{Ваня гуляет в } w]$

(51) $\forall w[\text{солнце светит в } w \rightarrow \neg \text{Ваня гуляет в } w]$

Следуя этому принципу, для этого квантора (52) превращается в (53).

(52) $\forall x[x \text{ является студентом в } w_0 \ \& \ \neg \forall w[\neg x \text{ занимается в } w \rightarrow x \text{ сдает экзамен в } w]]$

(53) $\forall x[x \text{ является студентом в } w_0 \ \& \ \forall w[\neg x \text{ занимается в } w \rightarrow \neg x \text{ сдает экзамен в } w]]$

Очевидно, что данное решение также является проблематичным. В частности, неясен статус принципа исключенного третьего. Этот принцип представляется теоретическим конструктом, созданным лишь для преодоления конкретной проблемы. Как уже было сказано, данная проблема является открытой в современной философии языка и лингвистике.

Глава 7. Проблема третьего прочтения в семантике сообщений и пропозициональных установках

Проблема семантики так называемых контекстов мнения – одна из основополагающих проблем философии языка. Начиная с работ Г. Фреге, ее исследовали все классики аналитической философии. Она и сегодня продолжает быть одной из ключевых тем философии языка. В данной главе мы представим лишь один из аспектов этой необъятной темы, с которым связан вклад лингвистов в ее изучение. Это так называемая проблема «третьего прочтения».

7.1. Неоднозначность предложений с интенциональными глаголами

Из философских работ Рассела [Рассел, (1905) 2002] и Куайна [Куайн, (1956) 2012] известен тот факт, что предложения с интенциональными глаголами являются неоднозначными. Простым примером неоднозначного предложения с интенциональным контекстом может быть следующее предложение

(1) Ольга хочет купить дорогое платье.

Такое предложение может иметь, как минимум, два разных прочтения:

Прочтение 1: Ольга хочет купить дорогое платье. Она еще никакого конкретного платья не выбрала и, может быть, даже не начинала поиски, однако у нее уже есть основной (осознаваемый ею) критерий, который она будет использовать при поиске платья: выбранное ею платье (каким бы именно оно ни оказалось) должно иметь высокую цену.

Прочтение 2: Есть конкретное платье, которое Ольга хочет купить. Она может и не знать, что это платье дорогое, но человек, произносящий (1), в отличие от Ольги, знает о его цене и поэтому говорит то, что говорит.

Очевидно, что два эти прочтения неэквивалентны. Можно привести ситуацию, в которой одно из них будет истинным, а другое – ложным. Такая ситуация, например, имеет место, когда Ольга хочет купить конкретное платье, являющееся дорогим (прочтение 2 истинно), но при этом не знает, что оно (на самом деле) дорогое, и, если узнает, то расхочет его покупать (прочтение 1 ложно). Согласно философской терминологии, прочтение 1 считается прочтением *de dicto*, прочтение 2 – прочтением *de re*.

Еще один пример неоднозначности предложений с интенциональными глаголами относится к типам предложений с переходными интенциональными глаголами. Парадигмальным примером здесь является пример (2).

(2) Иван ищет единорога.

Аналогично проведенному выше анализу, здесь имеется как минимум два прочтения: первое, согласно которому говорящий, хоть и сам не верит в существование единорогов, тем не менее, сообщает о том, что Иван ищет нечто, что оказалось бы единорогом. Согласно второму прочтению, говорящий уже тоже исходит из существования единорогов и утверждает, что одного такого ищет Иван. Если мы исходим из того, что всерьез единорога может искать только сумасшедший, то понимая (2), согласно первому прочтению, мы можем сделать вывод о сумасшествии Ивана, но не говорящего, а, понимая (2), согласно второму прочтению, такой вывод уже в первую очередь делается относительно говорящего.

7.2. Экспликация неоднозначных предложений посредством квантификации

Стандартная и, опять же, восходящая к Расселу методология экспликации описанных двух видов прочтения предложений с интенциональными контекстами (*de re* и *de dicto*) осуществляется

в терминах вхождения квантора существования, которое в логической форме, выражающей каждой из двух прочтений, оказывается разным.

Первое прочтение для предложения (1) может быть представлено в логической записи следующим образом.

(3) Ольга хочет, чтобы $\exists x$ [x – дорогое платье & Ольга покупает x]

Второе прочтение для этого предложения может быть представлено следующим образом:

(4) $\exists x$ [x – дорогое платье & Ольга₁ хочет, чтобы она₁ покупает x].

Для предложения (2), если мы используем анализ, предложенный Куайном [Куайн (1956) 2012], согласно которому интенциональный глагол расщепляется на два глагола с тем, чтобы интенциональный контекст мог быть наглядно представлен в качестве (придаточного) предложения, то два прочтения могут быть выражены через следующие примерные формализации:

(5) Иван стремится к тому, что $\exists x$ [x – единорог & Иван находит x].

(6) $\exists x$ [x – единорог & Иван стремится к тому, что Иван находит x].

Как видно из этих громоздких и совсем нелитературных формулировок, различие в прочтениях сводится к тому, где в формуле квантор существования (a вместе с ним и его ограничитель) имеет вхождение: в одном случае до (*de re*), а в другом после интенционального глагола (*de dicto*).

Предложенный Расселом и Куайном тип записи, хоть и проявляется достаточно наглядным образом интересующее нас различие в прочтениях, тем не менее остается некомпозиционным. Иными словами, такая запись оставляет без прояснения вопрос о том, как приведенные два прочтения можно получить, если придерживаться принципа композициональности значения сложных выражений. Установление возможности композиционального семантического анализа предложения (1) важно для нас еще и потому, что такой анализ будет использован нами при обсуждении ряда дальнейших проблем и специфических черт предложений с интенциональными контекстами, о которых речь пойдет ниже.

Задача композиционального построения каждого из двух рассмотренных прочтений для предложения (1) решается в рамках анализа, восходящего к работам Р. Монтегю (в частности, [Montague, 1973]), в котором различие в возможных прочтениях сводится к различию в возможных синтаксических структурах, которые могут ассоциироваться с одним и тем же естественно-языковым выражением (в нашем случае с предложением (1)). В рамках этого же подхода каждая синтаксическая составляющая получает свою интерпретацию в процессе последовательной систематической деривации значения всего выражения. Одно из ключевых отличий семантики Монтегю от стандартной логической семантики (как это было уже отмечено ранее) – это способность первой, в отличие от последней, давать категорематическую интерпретацию квантифицированным именным группам (т. е. интерпретировать их самостоятельно, а не в контексте того выражения, в которое они входят в качестве составных элементов).

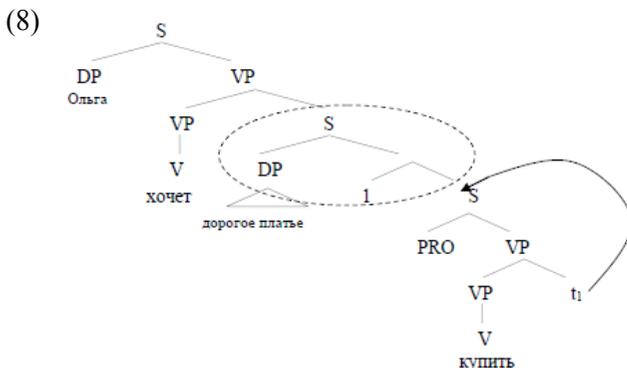
Так, такая квантифицированная группа, как «дорогое платье», входящая в предложение (1), будет иметь самостоятельную интерпретацию, которая с использованием лямбда-записи может быть представлена следующим образом⁴³.

(7) $\| \text{дорогое платье} \|^{t,w,g} = [\lambda P. \exists x [x \text{ является дорогим платьем} \& P(x)=1]]$

Такая интерпретация квантифицированных именных групп, наряду с категорематической интерпретацией интенциональных глаголов (которые рассматриваются нами как функции, берущие в качестве аргумента пропозицию и отображающие ее во множество индивидов, как это было показано в главе «Кванторы: вопросы онтологии и эпистемологии») позволяет нам выразить два рассмотренных выше прочтения в композициональной формальной записи.

Синтаксическая структура для первого из прочтений предложения (1) представлена в (8). (PRO в данном случае обозначает непрозносимое местоимение, указывающее на Ольгу. Данная интерпретация PRO является упрощенной, но ее достаточно для наших целей.)

⁴³ Поскольку в русском языке отсутствуют артикли, важно уточнить, что выражение «дорогое платье» (и подобные ему) могут пониматься как перевод англоязычного выражения «an expensive dress» или “the expensive dress”. В данном случае мы рассматриваем неопределенную дескрипцию. Вновь отметим, что мы используем формальную систему, несколько отличающуюся от той, которую использовал сам Монтегю.

В (8) мы видим, что кванторное выражение «дорогое платье» совершает передвижение из объектной позиции, оставляет след t_1 . Под квантором вставляется индекс 1. Этого требует принцип композициональности, ибо в той теории, из которой мы здесь исходим, функция, обозначаемая глаголом «купить», берущая в качестве аргумента тот или иной индивидуальный объект, не сможет сочетаться со своей сестрой внутри ветвящегося синтаксического узла VP, поскольку наша квантифицированная именная группа имеет тип $\langle\langle e, t \rangle t \rangle$, а глагол «купить» тип $\langle e \langle e, t \rangle \rangle$. Мы видели, как интерпретировать такие структуры в главе «Семантика кванторных выражений». След интерпретируется как местоимение типа $\langle e \rangle$. Это местоимение может сочетаться с глаголом, в результате чего VP получит интерпретацию как функция типа $\langle e, t \rangle$. Поскольку местоимение PRO интерпретируется как местоимение, обозначающее Ольгу, соответственно, как объект типа $\langle e \rangle$, S обладает типом $\langle t \rangle$. Благодаря правилу предикатной абстракции, рассмотренной в главе «Семантика кванторных выражений», сестра узла «дорогое платье» будет иметь тип $\langle e, t \rangle$: это функция именно такого типа, которого требует семантика «дорогое платье» в (7).

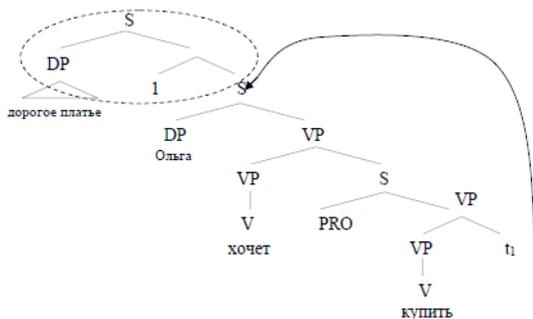
Ключевым моментом в этой структуре является то, что в результате передвижения квантор остается под интенциональным глаголом «хочет». В терминах теории, восходящей к рассмотренным выше взглядам Хинтикки, мы проинтерпретируем данную структуру как (9).

(9) $\|(8)\|^{w,t,g=1} \text{ ете } \forall w' [w' \text{ совместим с тем, что Ольга хочет в } w \rightarrow \exists x [x \text{ – дорогое платье в } w' \ \& \text{ Ольга покупает } x \text{ в } w']]$

В (9) предикат «дорогое платье» оценивается в мирах Ольгиных желаний: в каждом из этих миров Ольга покупает по крайней мере одно платье, которое является дорогим в этом мире. Соответственно, то, что платье является дорогим, должно быть частью ее желания.

Второе прочтение возникает благодаря структуре, данной в (10). Здесь, опять же, квантор «дорогое платье» совершает передвижение. Однако в этот раз, он оказывается выше интенционального глагола «хочет».

(10)

Таким образом, (10) получит интерпретацию, данную в (11). В (11) говорится, что существует какое-то конкретное платье, которое в реальном мире является дорогим, и именно это платье покупает Ольга во всех мирах своих желаний. Ничего не говорится о том, является ли это платье дорогим в мирах Ольгиных желаний. Таким образом, Ольга может не знать, что это платье дорогое.

(11) $\|(1)\|^{w,t,g=1} \text{ ете } \exists x [x - \text{дорогое платье в } w \ \& \ \forall w' [w' \text{ совместим с тем, что Ольга хочет в } w \rightarrow \text{PRO покупает } x \text{ в } w']]$

Повторим, что характерное отличие диаграмм для двух прочтений заключается в том, как высоко мы поднимаем именную группу: в случае первого прочтения (*de dicto*) – не выше интенционального глагола «хочет», тогда как в случае второго прочтения (*de re*) квантифицированная именная группа поднимается выше интенционального глагола.

Эта же особенность отображена и в приведенных схематичных формулах, показывающих вхождение именной группы в рамках общего предложения при каждом из двух прочтений.

Наконец, общая результирующая интерпретация для каждого из прочтений сформулирована в терминах возможных миров по методу Хинтикки.

Таким образом, согласно восходящей к Расселу и Куайну методологии, два указанных прочтения одного и того же предложения (1) различаются вхождением квантора существования или, точнее, тем, в какой позиции интерпретируется именная группа: до или после интенционального глагола. Если именная группа интерпретируется после интенционального глагола, то мы получаем *de dicto* прочтение, если до, то *de re*.

7.3. Ограниченность классического анализа

Как мы видели выше, в рамках классической логико-философской традиции, восходящей к Фреге, вывод из «Ольга хочет купить платье от Версаче» к предложению «Ольга хочет купить дорогое платье» считался некорректным, даже если в действительности все платья от Версаче являются дорогими платьями. Обсуждение неважизаменимости кореферентных выражений в интенциональных контекстах в рамках этой традиции объяснялось возможностью наличия у субъекта только той пропозициональной установки, которая описывается в исходном предложении, а не том, которое получается в результате подстановки (пример неважизаменимости «автор “Веверлея”» и «Вальтер Скотт»). Субъект, желая узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Веверлея», все не желал узнать, является Скотт Скоттом.

Эта принятая в классической аналитической философии установка по отношению к семантике предложений с интенциональными контекстами основывается на так называемом принципе раскрытия кавычек (*disquotation principle*), который был в достаточно ясной форме сформулирован в [Kripke, 1979]. В своей сильной версии данный принцип выглядит так: субъект принимает «Ра», если и только если он верит, что Ра. Иными словами, любой, кто верит, что Ра, должен принимать (считать истинным, соглашаться с) предложение «Ра» и наоборот. Исходя из данной установки, становится понятно, почему (помимо уже рассмотренных выше проблем с обоснованностью вывода) согласно класси-

ческой установке, принятой в философии языка, предложение, получающееся в результате подстановки одного выражения, находящегося внутри интенционального контекста, на кореферентное ему выражение, не дает предложения, с необходимостью обладающего тем же истинностным значением, что и исходное: субъект, считающий, что P_a , может не считать истинным предложение " P_b " (в случае, если $a = b$, но субъект об этом не знает), а значит, как следствие, и не считать, что P_b . Рассмотренный выше пример Рассела про Георга IV представляет частный случай такого рассуждения: Георг IV, как и все мы, знал, что Вальтер Скотт тождествен Вальтеру Скотту, и поэтому вовсе не хотел это узнать. Однако при этом он не знал, что Вальтер Скотт тождествен автору «Веверлея» (не считал истинным предложение «Вальтер Скотт есть автор «Веверлея»») и поэтому хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором «Веверлея». Отсюда и истинность исходного предложения и ложность предложения, получившегося в результате подстановки.

В упомянутой выше работе Крипке показал, как в случае с вхождением в интенциональный контекст имен собственных применение принципа раскрытия кавычек приводит семантическую теорию к парадоксам. Так, вполне возможно построить ситуацию, в которой некто будет считать предложение «Падеревский – талантливый музыкант» и истинным, и ложным одновременно, поскольку думает, что речь идет о двух разных Падеревских и при этом не будет мыслить противоречиво. Крипке делает вывод, что указанные парадоксы представляют собой загадку для семантической теории.

Однако на данную проблематику может быть и иной взгляд. В частности, следствием рассмотренных Крипке парадоксов может быть отбрасывание принципа раскрытия кавычек как некорректного (сам Крипке не рассматривает подобную альтернативу, ибо считает этот принцип «самоочевидной истиной»). Здесь же мы попытаемся исследовать не столько «внутренние» проблемы данного принципа, сколько «внешние» негативные последствия его принятия, которые делают семантическую теорию неспособной объяснить существование конкретных естественно-языковых феноменов. Речь, в частности, идет о неспособности семантической теории, строго придерживающейся принципа раскрытия кавычек,

эксплицировать объективно существующие прочтения естественно-языковых предложений, являющихся сообщениями о верованиях и содержащих интенциональные глаголы.

Первой и достаточно простой иллюстрацией такого прочтения является *de re* прочтение нашего предложения (1), которое истинно, если и только если существует конкретное платье, являющееся дорогим, и такое, что Ольга хочет его купить (сама она при этом может и не знать о его цене). Ситуация, которую мы здесь описали и которая делает это прочтение истинным, такова, что Ольга хочет купить конкретное платье (скажем, обозначенное индивидуальным артикулом: VD12345-01), а говорящий, который делает сообщение о желании Ольги, обозначает это платье как дорогое, исходя из имеющегося у него знания о его дороговизне. Итак, ситуацию, в которой Ольга хочет купить VD12345-01, он передает, произнося (1). Но если мы строго следуем принципу раскрытия кавычек, то мы должны признать (1) ложным, ибо Ольга в описанной ситуации не хочет покупать дорогое платье (если ее спросить, покупает ли она дорогое платье, если ее желание относительно покупки VD12345-01 сбывается, то она ответит отрицательно). Получается, что если мы следуем принципу раскрытия кавычек, то мы оказываемся не в состоянии даже объяснить (очевидную) истинность *de re* прочтения предложения (1) в описанной ситуации. Получается, что мы даже не можем сказать, что (1) истинно, если Ольга хочет купить VD12345-01. Это явно расходится с теми феноменами, которые мы можем фиксировать в естественном языке. Конкретно: возможность существования истинных *de re* сообщений о верованиях, которые строятся даже в рамках стандартной теории квантификации.

Таким образом, классический подход к семантическому анализу, основанный на принципе раскрытия кавычек, следует признать неудовлетворительным в силу его неспособности эксплицировать существующие прочтения предложений с интенциональными глаголами, генерируемые уже в рамках классической теории квантификации. Но есть и другие прочтения для предложений с интенциональными глаголами, которые также присутствуют в предложениях типа (1) и которые не только не учитываются теориями, опирающимися на принцип раскрытия кавычек, но и оказываются недоступными для экспликации с помощью и классической тео-

рии квантификации. К рассмотрению одного такого прочтения для предложения (1), считающегося третьим в дополнение к уже рассмотренным двум, мы переходим ниже.

7.4. Третье прочтение для предложений с интенциональными глаголами

Мы видели, что предложение про Ольгино платье, которое мы повторяем ниже, как (12), может иметь два прочтения.

(12) Ольга хочет купить дорогое платье,

Однако, помимо этих двух, существует еще одно прочтение. Представим себе ситуацию, в которой Ольге, посетившей бутик Версаче, одинаково понравились все платья, которые были выставлены на витрине, и она готова купить любое из них, неважно какое именно, но точно какое-то одно, ибо ей нужно лишь одно платье. Про нее можно сказать, что Ольга хочет купить (некоторое) платье от Версаче. Она при этом, как и раньше, не знает, что все платья от Версаче дорогие (и она не смотрела на ценник, когда их выбирала). Говорящий, который произносит (повторим еще раз) знает, как и раньше, что все платья от Версаче дорогие, но делает это сообщение, чтобы передать именно то, что происходит в описанной ситуации, т. е. то, что Ольга хочет купить (некоторое, а не какое-то конкретное) платье, являющееся дорогим. Предложение (12) будет оцениваться как истинное в такой ситуации.

Что можно сказать относительно семантического анализа этого предложения при описанном прочтении? Оно с очевидностью не учитывается теориями, всецело опирающимися на принцип раскрытия кавычек. Однако, помимо этого, оно не учитывается и рассмотренной выше стандартной теорией квантификации, которая объясняла для нас *de dicto* прочтение 1 и *de re* прочтение 2.

В описанной выше ситуации платье как дорогое оценивается тем, кто произносит (12), как это имеет место в прочтении 1, являющемся *de re* прочтением. С точки зрения Ольги (как мы помним) это платье не оценивается как дорогое. При этом в этой же ситуации речь не идет о каком-то конкретном платье, а лишь о том

или ином из набора платьев, понравившихся Ольге. Чтобы более наглядно увидеть суть данного прочтения и его отличие от прочтения 1 и прочтения 2, рассмотрим ее в терминологии, предложенной ее первооткрывателем американским лингвистом Жанет Дин Фодор [Fodor, 1970].

Фодор обратила внимание на то, что различие между *de dicto* и *de re* прочтениями предложения с интенциональным глаголом является двояким. С одной стороны, оба эти прочтения различаются по критерию того мира, в котором интерпретируется дескриптивное содержание квантифицированной именной группы. При прочтении *de dicto* дескриптивное содержание именной группы оценивается в мире субъекта соответствующей психологической установки (в случае нашего примера (12) в мирах Ольги – точнее каждом мире w' , сопоставимом с ее желаниями в мире w). При прочтении ***de re*** оценка дескриптивного содержания осуществляется в мире говорящего, ибо, как было сказано выше, именно он, а не Ольга, оценивает платье как дорогое (соответственно, здесь речь уже идет о дорогом платье в w , а не в каждом w' , сопоставимом с желаниями Ольги в w). Данное различие по интерпретации дескриптивного содержания в мирах Ольги или мире говорящего может быть также выражено как его интерпретация в сфере действия интенционального глагола «хочет» или вне его сферы действия.

С другой стороны, оба прочтения различаются по тому, где имеет вхождение квантор существования, рассматриваемый нами как составной (хотя и не произносимый в не имеющем артиклей русском языке) элемент квантифицированной именной группы. При прочтении ***de dicto*** (т. е. прочтении 1) квантор имеет вхождение внутри сферы действия интенционального глагола. При прочтении *de re* (прочтение 2) он имеет вхождение вне этой сферы.

Фодор обозначила каждую оппозицию этого двоякого различия между прочтениями *de dicto* и *de re* отдельными терминами. Различие в том, где интерпретируется дескриптивное содержание именной группы, было обозначено, вслед за терминологией, предложенной Куайном, как различие между прозрачным (*transparent*) и непрозрачным (*opaque*) прочтением. Различие же по вхождению квантора стало именоваться различием между специфическим (*specific*) и неспецифическим (*non-specific*) прочтениями.

Таким образом, прочтение **de dicto предложения (12)**, т. е. прочтение 1, в терминологии Фодор становится непрозрачным неспецифическим прочтением, а прочтение **de re предложения (12)**, т. е. прочтение 2, становится прозрачным специфическим. Разумеется, два данных вида прочтения не исчерпывают список прочтений, которые можно построить, комбинируя четыре перечисленные фактора. Мы можем также ожидать, что существует прозрачное неспецифическое и непрозрачное специфическое прочтение. То прочтение, которое мы обозначили выше (в конце предыдущего раздела) как третье прочтение предложений с интенциональным глаголом, в терминологии Фодор оказывается прозрачным неспецифическим. Согласно этому прочтению, как мы видели в описании соответствующей ситуации, дескриптивное содержание именной группы интерпретируется вне сферы действия интенционального глагола (поскольку, повторим, множество платьев от Версаче является подмножеством дорогих платьев с точки зрения говорящего, но не Ольги), а квантор существования имеет свое вхождение внутри сферы действия интенционального глагола (поскольку у Ольги нет конкретного выбранного платья).

Стандартная теория квантификации (также известная применительно к данной проблематике как теория сферы действия (*scope theory*)), как уже, быть может, стало понятно, не способна имеющимися у нее средствами выразить третье прочтение. Перемещая именную группу целиком, либо внутрь сферы действия интенционального глагола, либо вовне ее, стандартная теория квантификации может выразить лишь непрозрачное и неспецифическое (т. е. **de dicto**) прочтение, либо прозрачное и специфическое (т. е. **de re**) прочтение, тогда как нас интересует именно прозрачное неспецифическое (т. е. третье) прочтение. Неспособность стандартной теории квантификации выразить третье прочтение иногда обозначается еще как парадокс сферы действия (**scope paradox**). Попытки предложить решение данному парадоксу составляют одно из направлений современных исследований в области философских и семантических проблем современной формальной семантики и философии языка.

Оставшиеся разделы будут посвящены общему обзору некоторых наиболее заметных и существующих сегодня подходов к решению парадокса сферы действия в свете проблемы экспликации

третьего прочтения предложений с интенциональными глаголами, исследованию тех проблем, с которыми они могут столкнуться, с фактической и методологической точки зрения.

Вопрос о том, существует ли непрозрачное специфическое прочтение, остается открытым. Стандартная квантификационная теория предсказывает, что такое прочтение невозможно. Причина этого в том, что такое прочтение требовало бы интерпретации экзистенциального квантора в одном месте, а именно выше интенционального глагола, а именной группы («дорогое платье») в другом. В рамках стандартной теории это невозможно.

7.5. Современные теории семантической экспликации третьего прочтения

Проблема третьего прочтения, как было показано выше, вызвана связанным с ней парадоксом сферы действия, т. е. неспособностью стандартной теории квантификации представить условия истинности данного прочтения. Исходя из такого видения проблемы, можно выделить два наиболее явных направления, следуя которым можно пытаться отыскать решение этой проблемы. Во-первых, можно попытаться улучшить теорию сферы действия, внося в нее изменения позволяющие решить поставленную задачу, преодолев парадоксы. Во-вторых, исходя из наличия парадоксов, можно констатировать ограниченность теории сферы действия и отбросить ее, обратившись к альтернативным подходам экспликации значения языковых выражений, в том числе и таких, как предложение (12). Первая стратегия является более консервативной, вторая – более революционной.

Ниже мы рассмотрим три существующих подхода в рамках первой стратегии (т. е. стратегии модификации теории квантификации) и два подхода, относящиеся к альтернативным способам экспликации третьего прочтения.

7.5.1. Передвижение предиката

Выше при обсуждении отличия третьего прочтения от прочтения 1 и прочтения 2 было сказано, что его специфической чертой является то, что дескриптивное содержание квантифицированной группы «дорогое платье» в третьем прочтении интерпретируется вне сферы действия интенционального глагола, тогда как квантификационная сила этой именной группы интерпретируется (или имеет входжение) внутри сферы действия интенционального глагола. Также был рассмотрен механизм подъема именной группы, который соответствовал ее интерпретации вне сферы действия глагола. Поскольку в исходной поверхностной форме предложений типа (12) именная группа находится внутри сферы действия интенционального глагола, нововведение, предлагаемое в данной теории, заключается в том, чтобы отыскать способ экстрадировать из сферы действия глагола исключительно дескриптивное содержание квантифицированной именной группы, оставляя внутри сферы действия глагола часть, отвечающую за квантификационную силу этой именной группы. Таким образом, в данной теории квантификации сама именная группа расщепляется на две составляющие, которые интерпретируются по отдельности.

Структура именной группы, которую мы будем предполагать, дана в (13). Мы используем \emptyset , поскольку в русском языке не произносится выражение, соответствующее английскому артиклю «а». Но мы будем подразумевать, что данный артикль присутствует и в русском.

В наиболее наглядной форме данный метод представлен в статье А. Бономи, исходя из которого логическая форма нашего предложения (12) будет выглядеть так:

(14) [[дорогое платье] [4 Ольга хочет [[∅ P₄] [1 PRO купить t_i]]]]

Данная структура становится результатом выдвижения предиката «дорогое платье» типа $\langle e, t \rangle$ из именной группы (сначала именная группа выдвигается из объектной позиции целиком, как обычно оставляя след типа $\langle e \rangle - t_1$. Это требуется для того, чтобы избежать проблемы несовпадения типов). Предикат «дорогое платье» движется в позицию над интенциональным глаголом. Сам артикль остается под интенциональным глаголом.

Предикат оставляет след типа $\langle e, t \rangle$. **Под ним вставляется индекс.** В результате сестра конstituенты «дорогое платье» в (14) интерпретируется как функция от предикатов к истинностным значениям (15).

(15) $[\lambda P_{\langle e, t \rangle}. \forall w' [w' \text{ совместим с тем, что Ольга хочет в } w \rightarrow \exists x [P(x)=1 \ \& \ \text{Ольга покупает } x \text{ в } w']]]$

Поскольку «дорогое платье» обозначает предикат типа $\langle e, t \rangle$ (16), то его значение будет применяться к значению сестры как аргумент к функции.

(16) $\| \text{дорогое платье} \|^{w, t, g} = [\lambda x. x - \text{это дорогое платье в } w]$

Поскольку, как показано в (14), сам предикат «дорогое платье» интерпретируется выше интенционального глагола, то он будет оцениваться в отношении того мира, в котором оценивается все предложение, а именно реального мира.

Представленный Бономи подход может вызвать сложности синтаксического характера, ибо не вполне понятно, каким образом и в рамках каких теоретических допущений должен осуществляться подъем исключительно дескриптивного содержания квантифицированной именной группы. В нашем случае передвижение носит скрытый характер. Однако если такое передвижение было бы возможным, то можно было бы ожидать, что в английском языке, например, существовало такое же явное передвижение. Тогда такие предложения, как (17), были бы грамматически корректными. Однако, как показывает * в (17), такое передвижение невозможно в явном виде. Это является аргументом в пользу того, что такое передвижение невозможно и в скрытом виде.

(17) *What kind of dress did Olga want buy a?

7.5.2. Связывание переменных по мирам

Подход, отчасти похожий на манипуляцию сферой действия кванторов, но достигающий данного результата иными целями, представлен в работе О. Перкуса [Percus, 2000]. Перкус исходит из идеи введения в синтаксис объектного языка переменных по мирам операторов, связывающих эти переменные. Все языковые выражения имеют свободную переменную по мирам, которая должна связываться оператором, присутствующим в логической форме предложения. Любое простое предложение содержит оператор, связывающий возможные миры на лексических единицах, составляющих это предложение. Просто предложение, таким образом, интерпретируется как пропозиция.

В случае с интересующими нас предложениями о верованиях получающаяся в результате подобного анализа логическая форма похожа на ту, что рассмотрена выше, но имеет одно важное отличие – в нем два оператора, связывающих мировые переменные: один тот, что вводится вместе с интенциональным глаголом, другой располагается в начале главной клаузы (18).

(18) λw_0 . Ольга хочет в w_0 [λw PRO купить в w дорогое платье в w]

В этой системе правило интенционального применения функции к аргументу больше не требуется, так как операторы, которые превращают экстенционал в интенционал, вводятся в логическую форму предложения. Результатом интерпретации структуры (18) является (19). Далее мы будем подразумевать, что говорящий применяет функцию, получившуюся в (18), к реальному миру.

(19) $\| (18) \| = [\lambda w_0 . \forall w' [w' \text{ совместим с желаниями Ольги в } w_0 \rightarrow \exists x [x \text{ является дорогим платьем в } w_0 \ \& \ \text{PRO покупает } x \text{ в } w']]]$

Как видно, эта запись позволяет проинтерпретировать предикат «дорогое платье» в мире говорящего без какого-либо передвижения, в т. ч. подъема кванторов. Помимо этой идеи Перкус вводит ряд ограничений на индексацию переменных по мирам, более подробное рассмотрение которых выходит за рамки нашего повествования. Скажем здесь, что теория Перкуса с некоторых пор стала рассматриваться как стандартная. Отдельным доводом в ее пользу является снятие необходимости выдвигания кванторной группы

из вложенной финитной клаузы (придаточного предложения), поскольку данная операция в современном синтаксисе считается недопустимой.

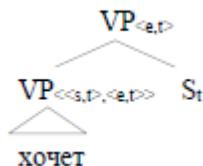
7.5.3. Теория расщепленной интенциональности

В теории расщепленной интенциональности Э. Кешета [Keshet, 2008] также, как и в теории связывания переменных по возможным мирам, предлагается ввести в синтаксис оператор, который превращает экстенционалы в интенционалы. Таким образом, в системе Кешета также не требуется правило интенционального применения функции к аргументу. Однако Кешет использует не лямбда-абстактор, а другой оператор.

Кешет предлагает расщепить на два элемента интенциональный глагол, оставив анализ именной группы без изменений. Так, интенциональный глагол должен рассматриваться как проецирующий в своем синтаксисе две части (два узла): содержательная часть глагола и его интенциональный фактор.

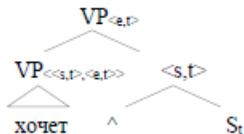
В стандартной теории глагол сочетается со своим аргументом – выраженном вложенной клаузой – напрямую, как показано в (20).

(20)

Кешет предлагает заменить этот анализ следующим.

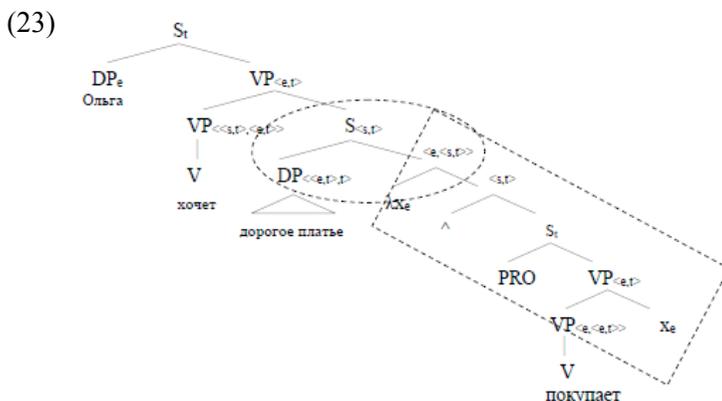
(21)

Здесь, как мы видим, вводится дополнительный оператор \wedge . Данный оператор интерпретируется как показано в (22). Как мы видим, этот оператор делает ту же работу, которую раньше для нас делало правило интенционального применения функции к аргументу, а именно создает аргумент правильного типа – пропозицию – из экстенционала (истинностного значения) предложения.

$$(22) \|\wedge\varphi\|^{\langle w, t, g \rangle} = \lambda w' \|\varphi\|^{\langle w', t, g \rangle}$$

Поскольку оператор, вводящий интенциональность, находится в синтаксисе, Кешет предлагает осуществлять подъем кванторной группы выше узла \wedge , но ниже VP. Такой ход даст нам следующую структуру:

Это позволяет нам не совершать синтаксически нелегитимное выдвигание именной группы «дорогое платье» за пределы вложенной клаузы, но интерпретировать ее в отношении реального мира, а не в отношении миров Ольгиных желаний. Это достигается благодаря тому, что «дорогое платье» находится в (23) за областью действия интенционального оператора.

Важная особенность данного подхода заключается в решении возникающей проблемы сочетания семантических типов: два элемента, из которых состоит узел $S_{\langle s, t \rangle}$, имеют типы $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ и $\langle e, \langle s, t \rangle \rangle$, **которые не сочетаются друг с другом посредством стандартных правил применения функции к аргументу**. Чтобы все же добиться их сочетания, Кешет вводит новое правило, которое

опирается на идею, согласно которой любой узел, берущий в качестве аргумента выражение с типом $\langle e, t \rangle$ и отображающий его в выражение, тип которого оканчивается на t , может взять в качестве аргумента и выражение типа $\langle e \langle \alpha, t \rangle \rangle$, где α – это любой произвольный тип (в нашем случае s , поскольку нам нужно сочетать функцию типа $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ и аргумент типа $\langle e, \langle s, t \rangle \rangle$).

В результате в приведенной Кешетом структуре мы получаем требующееся нам третье прочтение (прозрачное неспецифическое), ибо кванторная группа интерпретируется вне сферы действия интенционального оператора \wedge (что обеспечивает прозрачность прочтения), но все же ниже интенционального глагола (что обеспечивает прочтению его неспецифичность).

7.5.4. Экспортация кванторной группы

Данный подход обсуждается в книге И. Хайм и К. Фонфителля [Heim & von Stechow, 2007] и заключается в том, что получение третьего прочтения возможно путем подъема кванторной группы, которая оставляет след высокого типа. Коротко говоря, суть данного анализа заключается в том, что предложение (24) получает анализ (25):

(24) Оля хочет купить дорогое платье.

(25) $[\lambda Q_{\langle e, t \rangle} \cdot \forall w' (w' \text{ совместим с желаниями Ольги в } w \rightarrow [Q (\lambda u \cdot \text{Оля покупает } u) = 1])] ([\lambda P. \exists x (x \text{ – дорогое платье} \ \& \ P(x) = 1)]$)

Здесь сама кванторная группа становится аргументом, к которому применяется функция, обозначаемая остальной частью предложения. Эта логическая форма также позволяет проанализировать содержание предиката «дорогое платье» вне сферы действия интенционального глагола, но при этом сфера действия квантора существования оказывается внутри сферы действия интенционального глагола (после того, как осуществляется операция λ -конверсии в предложении (25)).

Данный анализ также позволяет сгенерировать третье прочтение. Его проблема, так же как и проблема решения Бономи, в том, что передвижение кванторной группы, генерирующее логическую форму в (25), является нестандартным и не имеющим достаточную независимую мотивацию.

7.5.5. Оценка предиката в ближайших возможных мирах

М. Швагер (см.: [Schwager, 2009]) приводит целый ряд примеров, которые не просто являются проблематичными для теорий, манипулирующих интерпретацией предикатов и сферой действия кванторов, но из которых, с ее точки зрения, следует также и то, что во всех этих теориях изначально неправильно поставлена задача исследования.

К ключевым примерам здесь относятся случаи, когда предикат, который надо оценить в мире говорящего, оказывается в этом мире пустым. Рассмотрим предложение (27) в контексте (26):

(26) Контекст: Мэри, не зная реальной высоты Бурж Халифы (163 этажа), самого высокого здания в мире, утверждает, указывая на него, что хочет купить здание, которое будет на этаж выше.

(27) Мэри хочет купить 164-этажное здание.

Сообщение о желании в (27) является истинным в приведенном контексте. Более того, оно делается, с точки зрения говорящего (Мэри не знает высоты Бурж Халифы и не думает о 164 этажах), поэтому (27), как указывает Швагер, является примером третьего прочтения.

Однако если попробовать оценить содержание вложенного предиката «164-этажное здание» в мире говорящего, то мы получим пустое множество (ведь Бурж Халифа – самое высокое здание и выше него ничего нет). В итоге окажется, что в (27) получит интерпретацию, показанную в (28). Здесь говорится о том, что в реальном мире существует 164-этажное здание и во всех мирах ее желаний Ольга хочет его купить. Однако, поскольку такого здания в реальном мире не существует, мы должны предсказывать, что предложение (27) должно быть ложным в представленном сценарии. Тем не менее интуитивно оно кажется истинным.

(28) $\| (27) \|^{w,t,g=1} \text{ ете } \exists x [x - 164\text{-этажное здание в } w \ \& \ \forall w' [w' \text{ совместим с тем, что Ольга хочет в } w \rightarrow \text{PRO покупает } x \text{ в } w']]$

Швагер указывает, что стандартная теория (будь то анализ Перкуса или одна из версий теории сферы действия кванторной группы) не может правильно проанализировать (27), а потому оказывается неудовлетворительной.

С другой стороны, есть такие предложения, как (29), рассмотренные в контексте (30):

(29) Контекст: У Васи коричневая куртка фабрики «Большевичка». Коля ничего не знает о Васиной куртке. Он просто хочет купить себе такую же коричневую куртку фабрики «Большевичка». Но говорящий знает, что желаемая Колей куртка – такая же, как у Васи.

(30) Коля хочет купить куртку как у Васи.

Сообщение в (30) также является примером третьего прочтения. Швагер указывает, что при оценке вложенного предиката «куртка как у Васи» в мире говорящего будет выбрано множество конкретных коричневых курток фабрики «Большевичка», существующих в реальном мире. При этом какая-нибудь синяя куртка этой фабрики выбрана не будет. Однако ничто не мешает этой синей куртке в мирах Колиных желаний оказаться коричневой и быть купленной в них Колей. Ведь Коля не хочет купить какую-то конкретную куртку. Его желание неспецифично. Поэтому в альтернативных мирах, где выполняются его желания, он просто покупает какую-то коричневую куртку фабрики «Большевичка». И нет причины, почему такой курткой в каком-нибудь из этих миров не может оказаться та, что в мире говорящего является синей и не попадает в множество курток, обозначаемых в этом мире предикатом «коричневая куртка фабрики “Большевичка”».

Стандартный анализ, как пишет Швагер, не генерирует условный истинности для (30), согласно которым Коля мог бы в мирах своих желаний купить коричневую куртку фабрики «Большевичка», являющуюся синей в мире говорящего. А это, как мы видели, неверное предсказание.

Аргументы Швагер против стандартной теории до сих пор считаются непреодоленными. Они также считаются одним из ключевых недостатков теории Перкуса.

Сама она утверждает, что в предложениях о верованиях речь идет о свойствах и поэтому идея экстенциональной интерпретации вложенного предиката изначально неверна. Предлагаемый ею анализ является технически нагруженным и мы не будем углубляться в его детали, но обозначим лишь его основные составляющие. Суть решения Швагер заключается в том, что вло-

женный предикат следует оценивать в мирах, максимально приближенных к миру говорящего, в которых указанный предикат не является пустым. Если субъект пропозициональной установки желает что-то такое, что обозначается в указанных мирах предикатом, значение которого – это супермножество по отношению ко множеству объектов, обозначаемых исходным предикатом в этих ближайших мирах, то значит, исходное сообщение о пропозициональной установке истинно.

Данное решение решает поставленную Швагер проблему, однако способом, который также является весьма экстравагантным⁴⁴.

Глава 8. Семантика сообщений о верованиях De Re: современные теории, проблемы и вызовы

Данная глава посвящена современным вопросам в рамках одной из центральных проблем современной логической семантики: семантике языковых выражений в контекстах так называемых сообщений о пропозициональных установках. Конкретно в фокусе нашего внимания будут сообщения о так называемых установках *de re*. Мы обсудим новейшие результаты в этой области, вплоть до самых последних статей, а также укажем на ряд остающихся недостатков самых последних теорий, указав тем самым на дальнейшую исследовательскую повестку в этой области.

8.1. Сообщения о верованиях *de dicto* и *de re*

Несмотря на всю сложность и неоднозначность эпистемологической проблематики, связанной с природой верований *de dicto* и *de re*, в современной формальной семантике различие между так называемыми сообщениями о верованиях *de dicto* и сообщениями о верованиях *de re* является вполне конкретным. Оно заключается в том, какую интерпретацию получает субъект придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения, являющегося сообщением о пропозициональной установке.

⁴⁴ См. обширное исследование данной и связанных проблем в работах Д.Б. Тискина и, в частности, в его диссертации: [Тискин 2017].

Рассмотрим в качестве иллюстрации сообщения о веровании *de dicto* следующий пример.

(1) *Ситуация*: Фирма X тратит немалую часть своей прибыли на благотворительность, проведение разного рода общественных и культурных мероприятий и платит высокие зарплаты сотрудникам, обеспечивает их хорошим социальным пакетом и т. д. Иван Иванович, зная об этих фактах, формирует верование, что глава фирмы X – щедрый человек. Он не знает, кто именно руководит фирмой X, но он считает этого человека, кем бы он реально ни оказался, щедрым, щедрым.

(2) Иван Иванович считает, что глава фирмы X – щедрый человек.

Носители русского языка соглашаются с тем, что в ситуации (1) предложение (2) может быть истинным. Здесь важно, что Иван Иванович не приписывает свойство быть щедрым человеком никому конкретно. Именно это обстоятельство делает данное сообщение о веровании сообщением *de dicto*. Термин *глава фирмы X*, являющийся субъектом придаточного предложения, интерпретируется с точки зрения Ивана Ивановича и не обозначает никакого конкретного индивида.

Рассмотрим теперь ситуацию (3).

(3) *Ситуация*: Иван Иванович присутствует на праздничном мероприятии своего района. На празднике присутствует Мария Степановна. Она раздает участникам всяческие подарки, призы, угощает всех желающих и т. п. Одним словом, ведет себя как очень щедрый человек. Иван Иванович, наблюдая все это, формирует верование, что эта дама – щедрый человек. Он не знает, что Мария Степановна – глава фирмы X (в этот день она не упоминает о своей фирме и действует как частное лицо).

В ситуации (3) предложение (2), произносимое человеком, который знает о том, что та дама, о которой говорил Иван Иванович, является директором фирмы X, **тоже может иметь истинное прочтение**. Данное прочтение не является самым интуитивным, но оно, тем не менее, вполне допустимо, ведь если мы в ситуации (3) можем использовать (4), а в том, что мы это можем, сомнений, как кажется, нет, то, значит, мы можем использовать в этой ситуации и (2).

(4) Иван Иванович считает, что Мария Степановна щедрый человек.

В данном случае предложение (2) рассматривается как сообщение о веровании *de re*. Термин *глава фирмы X* интерпретируется с *нашей* точки зрения (т. е. с точки зрения говорящего), а не с точки зрения носителя верования. Поэтому этот термин имеет конкретное предметное значение (индивида Марию Степановну).

8.2. Сообщения *de re* с точки зрения классической логической семантики

Классический анализ различия между прочтениями *de re* и *de dicto* был предложен Б. Расселом (Russell 1905)⁴⁵. Термин *глава компании X*, с точки зрения Рассела, не являлся обозначающей фразой с самостоятельным значением и лишь в контексте предложения, содержащего квантор существования. Различие между сообщениями *de re* и *de dicto* о верованиях выражалось в том, на каком этапе квантор существования получал вхождение в логическую форму. Так, при прочтении *de dicto* предложение (2) получало следующую интерпретацию:

(5) *De dicto*: Иван Иванович считает, что $\exists u$ [u является главой фирмы X & больше никто не является директором фирмы X & u – щедрый человек]

Прочтение *de re* имело логическую форму(6).

(6) *De re*: $\exists u$ [u является главой фирмы X & больше никто не является директором фирмы X & Иван Иванович считает, что u – щедрый человек]

Как можно заметить, различие между (5) и (6) в том, что в (5) квантор существования находится внутри сферы действия интенционального глагола (следует за ним), а в (6) квантор существования оказывается вне сферы действия интенционального глагола.

Интуитивно в (5) сообщается, что, с точки зрения Ивана Ивановича, фирма X имеет щедрого директора. В (6) сообщается, что есть некий конкретный индивид, являющийся главой фирмы X и

⁴⁵ Рассел использовал термины «первичное» и «вторичное» вхождение.

об этом индивиде Иван Иванович считает, что он – щедрый человек. Важная особенность (6) в том, что Иван Иванович может и не знать, что y – глава фирмы X .

В более строгой форме различие между *de re* и *de dicto* может быть выражено, если мы используем считающуюся сегодня стандартной семантику для интенциональных глаголов, предложенную Я. Хинтиккой (Hintikka 1969). Согласно этому подходу, интенциональные глаголы являются универсальными кванторами над возможными мирами. Так, глагол «считать» будет квантором над мирами, совместимыми с верованиями соответствующего индивида в действительном мире⁴⁶. Таким образом, если предложение (2) оценивается в мире w , то *de dicto* прочтение этого предложения будет иметь вид 0, а *de re* прочтение – вид (8)⁴⁷:

(7) *De dicto*: $\forall w' \in \text{Dox}(\text{Иван Иванович})(w)$: $\exists y$ [y является главой фирмы X в w' & больше никто не является директором фирмы X в w' & y – щедрый человек w']

(8) *De re*: $\exists y$ [y является главой фирмы X & больше никто не является директором фирмы X & $\forall w' \in \text{Dox}(\text{Иван Иванович})(w)$: y – щедрый человек в w']

Здесь, благодаря присутствию квантора всеобщности, уже более наглядно видно ключевое различие между *de re* и *de dicto* прочтениями: при *de dicto* прочтении (см.: (7)) допускается, что в каждом возможном мире, являющемся докстатической альтернативой Ивана Ивановича в мире w , может быть новый глава фирмы. Таким образом, выражается то обстоятельство, что Иван Иванович не приписывает щедрость кому-то конкретно. При *de re* прочтении в рамках анализа, предложенного в (8), в каждой докстатической альтернативе щедрым должен быть один и тот же индивид.

Вхождение квантора существования в приведенных выше примерах наглядно демонстрирует различие между *de dicto* и *de re* прочтением. Однако присутствие самого квантора существования вовсе не обязательно для того, чтобы мы имели сообщение *de re*

⁴⁶ Более подробно об этом см., например, (Heim and von Stechow, 2011).

⁴⁷ Dox здесь обозначает функцию, которая сочетается с индивидом, и возвращает множество альтернативных миров, совместимых с тем, во что верит этот индивид.

или *de dicto*. Важно то, что при *de re* прочтении субъект придаточного предложения интерпретируется с точки зрения говорящего, а не носителя соответствующей установки, а при прочтении *de dicto* – с точки зрения носителя.

8.3. Проблема двойного видения в сообщениях о верованиях *de re*

У. Куайн [Куайн, (1956) 2012] обнаружил важную проблему, связанную с описанной выше интерпретацией сообщений *de re*, ставшую известной как *проблема двойного видения* (double vision problem).

Представим себе следующую ситуацию:

(9) *Ситуация*: Некто Ральф видит на улице человека в плаще, темных очках и шляпе. Ральф формирует верование, что человек в шляпе, которого он встретил на улице, шпион. Ральф не знает, что человек в шляпе – это индивид по имени Орткут. Чуть позже Ральф видит на пляже некоего индивида, с которым он тоже лично не знаком и который ведет себя открытым и приветливым образом. Это все тот же Орткут, но в другой одежде, и поэтому Ральф не узнает в нем человека, которого он ранее принял за шпиона. Ральф не считает, что человек на пляже шпион.

Загадка, которую формулирует Куайн, заключается в следующем: является или не является истинным в данной ситуации предложение (10)?

(10) Ральф считает, что Орткут шпион.

Отметим сразу, что (10) является сообщением о веровании *de re*, поскольку имя *Орткут* обозначает индивида Орткута для говорящего, но вовсе не для Ральфа.

Коротко говоря, проблема здесь в том, что, если мы исходим из того, что Ральф решил, что человек в шляпе – шпион, то (10), как бы, может считаться истинным. А если мы исходим из того, что Ральф решил, что человек с пляжа не шпион, то (10) следует признать ложным. Но из чего же исходить, если в обеих ситуациях это был один и тот же Орткут?

Сложность проблемы двойного видения в том, что если мы, исходя из описанных ситуаций, скажем, что Ральф и считает и не считает Орткута шпионом, то мы как бы приписываем Ральфу, тем самым, веру в противоречие (ибо никто не может одновременно и быть и не быть шпионом и, следовательно, верить во что-то подобное противоречиво). Однако Ральф вполне вменяем и не противоречит себе. Описанные ситуации типичны, и каждый из нас иногда в них оказывается. Поэтому приписывать Ральфу противоречивое убеждение крайне нежелательно.

Каким же образом можно приписать Ральфу два, казалось бы, противоречащих друг другу верования об Орткуте, не приписывая ему при этом противоречивости мышления?

8.4. Ключевые подходы к решению проблемы двойного видения

8.4.1. Куайн (1956): интенциональный глагол как отношение между свойством и двумя объектами

Сам Куайн, поставивший эту проблему, считал, что решением ее должен стать запрет на связывание переменной, находящейся в сфере действия интенционального глагола, квантором, находящимся вне сферы этого действия. Интенциональные контексты должны были быть референциально непрозрачными и рассматриваться как единый термин без возможности их разложения на составные элементы [Куайн, (1956) 2012].

Однако в этой же работе он предложил и альтернативный анализ, не предполагающий референциальную непрозрачность интенциональных контекстов. Суть этого подхода заключается в следующем. Если, с точки зрения семантики в духе Фреге [Фреге, (1892) 2000b], глагол «считает» будет двухместным предикатом, сочетающимся с индивидуальным термом и придаточным предложением, то, с предлагаемой Куайном альтернативной точки зрения, глагол «считает» может рассматриваться как трехместный предикат, который сочетается с двумя индивидуальными терминами и выражением, обозначающим свойство. Иными словами, структуру предложения (10) «Ральф считает, что Орткут – шпион» следует рассматривать не как *считает (Ральф, что Орткут – шпион)*, а как *считает (Ральф, Орткут, быть шпионом)*.

Куайн, таким образом, предлагает рассматривать исходное сообщение о веровании как утверждение, в котором один индивид приписывает другому индивиду определенное свойство: Ральф приписывает Орткуту свойство быть шпионом. При такой интерпретации термин *Орткут* интерпретируется экстенсionalmente. Это, как показывает Куайн, позволяет избежать приписывания Ральфу веры в противоречие, ведь в таком случае в предложении как бы не уточняется, в каком облике Ральфу предстает Орткут, равно как и то, является ли установка Ральфа специфической (т. е. ориентированное на конкретного индивида) или неспецифической (допускающей, что речь может идти о том или ином индивиде). Утверждается лишь то, что в первом случае Ральф приписывает свойство быть шпионом человеку, о котором говорящий (но вовсе не обязательно сам Ральф) знает, что это Орткут. Как же именно себе представляет носителя свойства быть шпионом сам Ральф здесь не уточняется. То же самое имеет место и во втором случае.

Подобный анализ, как указывает Куайн, позволяет технически избежать приписывания Ральфу убеждения в духе: «Такой-то является и не является шпионом», ибо (повторим еще раз) при этом анализе допускается, что, несмотря на то, что, с точки зрения говорящего, речь в обоих случаях идет об Орткуте, с точки зрения Ральфа, речь может идти о совершенно разных индивидах (ведь в каждом из описанных случаев Ральф имеет дело с разными дескрипциями).

8.4.2. Каплан (1968): метаязыковой анализ

В последующей философской литературе проблема, поставленная Куайном, обсуждалась по-разному. Так, Д. Каплан [Kaplan, 1968] построил сложную систему, в которой квантификация осуществлялась не только над индивидуальными объектами, но и над лексическими единицами. Условия истинности предложения (10) в данной системе представлялись как

(11) $\exists \alpha [\alpha - \text{единичный терм} \ \& \ \alpha \text{ обозначает Орткута} \ \& \ \text{Ральф считает, что } {}^F\alpha - \text{шпион}^F]$

В (11) кавычки ^FF являлись функцией от закавыченного ими выражения к значению этого выражения (F – от слова “Frege”). В предложенных условиях истинности квантор существования находится вне сферы действия интенционального глагола, но связывает переменную внутри этой сферы действия.

Система Каплана позволяла выразить условия истинности предложений «Ральф считает, что Орткут – шпион» и «Ральф считает, что Орткут не шпион» без приписывания Ральфу веры в противоречие. Это осуществлялось за счет того, что единичный терм, делающий условие каждое из этих предложений истинным, для каждого из них разный.

Помимо квантификации над термами, проблема данного подхода заключается в его некомпозициональности. (11) нельзя представить как результат сочетания отдельных слов (морфем), составляющих (10). Предложения типа (10) можно интерпретировать только целиком, что является серьезным недостатком в рамках проекта композициональной семантики.

8.4.3. Льюис (1979): отношение знакомства и самоприписывание свойств

Важный вклад в анализ семантики сообщений о верованиях *de re* был сделан Д. Льюисом в [Lewis, 1979]. Главным предметом исследования Льюиса в этой работе была семантика так называемых сообщений о верованиях *de se*, обсуждение которых лежит за рамками данной статьи. Суть предложения Льюиса заключалась в том, что сообщения о веровании следует рассматривать как предложения, в которых субъект (носитель соответствующей установки) приписывает себе определенное свойство. Докастические альтернативы у Льюиса – это свойства, а не возможные миры. Свойства – это отношения между индивидами и возможными мирами (центрированные миры). Верить, что P – означает утверждать, что докастические альтернативы носителя верования (т. е. определенное множество пар мир-индивид) являются подмножеством множества пар мир-индивид, обозначаемых свойством P.

Так, предложение (12) рассматривалось как утверждение о том, что каждая докастическая альтернатива Андрея Андреевича (все центрированные миры его верований, т. е. миры, где всё так,

как он полагает, а он сам является центром) является элементом множества пар мир-индивид, обозначаемого придаточным предложением *что гречка подорожала*.

(12) Андрей Андреевич считает, что гречка подорожала.

Получается, что в (12) утверждается, что докстатические альтернативы Андрея Андреевича являются элементами свойства быть центром мира, где подорожала гречка. Поэтому-то сообщения о верованиях и рассматриваются Льюисом как самоприписывание свойств. Субъект приписывает самому себе свойство населять мир, в котором подорожала гречка.

Льюис демонстрирует ключевые преимущества данного подхода при анализе сообщений о верованиях *de se*, однако немаловажным является и его анализ сообщений о верованиях *de re*, которые являются предметом нашего интереса. Льюис пишет, что при сообщении *de re* носитель пропозициональной установки приписывает себе свойство быть связанным определенным *отношением знакомства* с объектом, о котором идет речь, и в каждой докстатической альтернативе носитель данного свойства состоит в таком же отношении с центром этой альтернативы (т. е. с самим носителем установки).

Для примера для предложения (10), которое мы повторяем здесь как (13), система Льюиса предсказывает условия истинности в (14)⁴⁸:

(13) Ральф считает, что Орткут – шпион.

(14) $\| (13) \|_w = 1$ ете $\exists R(R - \text{отношение знакомства \& Орткут} = \lambda z(R(\text{Ральф})(z)(w)) \ \& \ \langle w', x \rangle \in \text{Dox}(\text{Ральф})(w): \lambda z(R(x)(z)(w')) - \text{шпион в } w'$

Для (14) можно предложить следующий парафраз: в мире w (мир оценки (13)) существует такое отношение знакомства R , которое связывает Орткута и Ральфа в мире w и в каждой докстатической альтернативе Ральфа в w объект, состоящий в таком же отношении с Ральфом в этой альтернативе, является шпионом в этой альтернативе».

⁴⁸ В данной главе мы будем использовать систему, которая вводит переменные по возможным мирам и абстракторы по возможным мира в синтаксис. Подробнее эта система была рассмотрена в предыдущей главе. В этой системе результатом интерпретации предложения является функция типа $\langle s, t \rangle$, т. е. интенционал предложения. Таким образом, чтобы перейти к условиям истинности, мы применим эту функцию к миру оценки w .

Очевидно, что здесь нет угрозы приписывания Ральфу противоречивости мышления. Предложение (13) оказывается истинным в силу того, что есть отношение знакомства Ральфа с Орткутом, делающее носителя этого отношения шпионом в доксистических альтернативах Ральфа. Таким отношением знакомства может быть, например, отношение *x видел у в шляпе и плаще*. При этом предложение (15), истинность которого, как мы видели выше, тоже может следовать из ситуации (9), обретает значение, приведенное в (16).

(15) Ральф считает, что Орткут не шпион.

(16) $\| (15) \|_s(w) = 1$ ете $\exists R[R - \text{отношение знакомства} \ \& \ \text{Орткут} = \lambda z(R(\text{Ральф})(z)(w)) \ \& \ \forall \langle w', x \rangle \in \text{Dox}(\text{Ральф})(w): \lambda z(R(x)(z)(w'))$ не шпион в w']

Ведь, исходя из ситуации (9), такое отношение, действительно, есть. Это отношение *x видел у на пляже*. Парафраз для (15) таков: «Существует такое отношение знакомства между Ральфом и Орткутом в w , что в каждой доксистической альтернативе Ральфа тот, с кем Ральф связан этим отношением, не является в этой альтернативе шпионом».

В анализе Льюиса, наряду с базовой идеей Куайна, по-своему воспроизводится и ключевая интуиция Каплана, представленная в (11), но делается это уже без обращения к метаязыковым предикатам типа *обозначает* и квантификации над выражениями объектного языка. Более того, анализ, предложенный Льюисом, является композиционным. Он позволяет интерпретировать интенциональные глаголы как трехместные предикаты, допуская при этом, что носитель верования может не иметь в виду никакого конкретного индивидуального объекта. Определенная дескрипция (задаваемая через йота-оператор в (14) и (16)) позволяет в каждой доксистической альтернативе выбирать новый объект, связанный с Ральфом соответствующим отношением в этой альтернативе.

В современной формальной семантике естественного языка анализ Льюиса для сообщений *de re* в терминах отношения знакомства является наиболее влиятельным.

8.4.4. Крессвел и фон Штехов (1982): обобщенный анализ *de re* верований

Существенным вкладом в исследования *de re* сообщений о верованиях стала статья Крессвела и фон Штехова [Cresswell and von Stechow, 1982], в которой идея Куайна обретала обобщенный вид, а генерируемые условия истинности для релевантных предложений также были композиционными. Так, главной задачей своего исследования Крессвел и фон Штехов считают объяснение того, как некто может считать, что $59 = 59$, но не считать при этом, что 59 простое число. Поскольку обе эти истины являются необходимыми, они должны выполняться во всех возможных мирах. Однако при этом любой человек согласится с первой из них, тогда как найдутся те, для кого вторая будет либо ложью, либо ни истиной, ни ложью (в случае если человек не знает, что такое простое число).

Крессвел и фон Штехов предлагают обобщенную версию концепции Льюиса. Если Льюис предполагал, что сообщение *de re* может быть только относительно индивидуального объекта, то Крессвел и фон Штехов допускают, что сообщение может быть *de re* и относительно свойств и прочих более абстрактных сущностей. Их решение проблемы знания/незнания математических истин предполагает *de re* интерпретацию предиката $= 59$ в (17) и *быть простым числом* в (18).

(17) Пуаро думает, что $59 = 59$.

(18) Пуаро думает, что 59 – простое число.

Как *res*-аргумент интенционального глагола, каждое из этих свойств имеет свое отношение знакомства, связывающее его с носителем верования. Получается, что (17) ства между Пуаро и свойством быть равным 59, такое, что в каждой альтернативе детектива Пуаро объект, который связывается этим отношением с Пуаро, равен 59. При этом не существует отношения знакомства между Пуаро и свойством быть простым числом, такого, что в каждой альтернативе Пуаро объект, который связывается этим отношением с Пуаро является простым числом.

При всей привлекательности данной теории, следует сказать, что она вызывает и некоторые вопросы концептуального характера. Проблема в том, что интерпретация предикатов придаточных предложений с точки зрения говорящего, а не носителя пропозициональной установки проблематично.

О. Перкус [Percus, 2000] показал, что *de re* интерпретация предиката дает некорректные предсказания. Рассмотрим, в качестве иллюстрации, предложение (19) в ситуации (20).

(19) Мэри думает, что мой брат – канадец.

(20) *Ситуация*: Мэри думает, что Пьер (являющийся в реальности канадцем, о чем Мэри неизвестно) брат говорящего (что неправда). А поскольку говорящий – американец (и это известно Мэри), то она заключает, что и брат говорящего тоже американец.

Ни в русском, ни в английском языке (19) не может быть истинным в (20). Однако если предикат *быть канадцем* мог бы получать *de re* интерпретацию, т. е. интерпретироваться с точки зрения говорящего, то такое прочтение (19) было бы возможным. Перкус формулирует обобщение, согласно которому основной предикат придаточного предложения не может интерпретироваться с точки зрения говорящего, а должен всегда интерпретироваться с точки зрения носителя пропозициональной установки.

Возвращаясь к концепции Крессвела и фон Штехова, можно заметить, что предлагаемая ими идея свободной *de re* интерпретации главного предиката вложенного предложения не столь уж безобидна.

8.5. Две проблемы стандартной семантики для сообщений о верованиях *de re*

Семантика, предложенная Льюисом и основывающаяся на ключевой идее Куайна о том, что при *de re* прочтении сообщения о веровании субъект придаточного предложения интерпретируется в экстенциональной позиции, несмотря на свои преимущества, все еще имела, как минимум, два недостатка. Один – семантический, другой – синтаксический.

8.5.1. Типовая флексибельность интенциональных глаголов

С семантической точки зрения проблема заключалась в том, что интенциональные глаголы оказывались лексически неоднозначными. В случае прочтения *de dicto* значением интенционального глагола было отношение между пропозицией и субъектом (стандартная семантика в духе ([Hintikka, 1969])). В качестве примера приведем семантику глагола «считать»:

$$(21) \|\text{считать}\|^g = [\lambda w. \lambda p_{\langle s, t \rangle} . \lambda x_e . \forall w' \in \text{Dox}(x)(w): p(w') = 1]$$

В (21) глагол «считать», интерпретируемый в мире w , означает функцию, применяющуюся к двум аргументам (пропозиции и индивидуному объекту) и отображающую их в истину, если и только если каждый мир w' , совместимый с верованиями индивидуного аргумента в мире w , отображается в истину пропозициональным аргументом.

Однако для случаев сообщений о верованиях *de re*, таких как (10), интенциональный глагол уже применяется к трем аргументам и вводит отношение знакомства:

$$(22) \|\text{считать}\|^g = [\lambda w. \lambda y_e . \lambda P_{\langle e, \langle s, t \rangle \rangle} . \lambda x_e . \exists R(y = \iota z(R(x)(z)(w) \ \& \ \forall w' \in \text{Dox}(x)(w): P(\iota z(R(x)(z)(w')))(w')=1)]$$

Но ведь бывают и предложения с двумя *de re* аргументами. В ситуации, где Ральф видел не только мужчину Бернарда Орткута, но и женщину, назовем ее Бернардеттой:

(23) Ральф считает, что Бернард передал Бернардетте шпионский сигнал.

В (23) имена «Бернард» и «Бернардетта» оба будут *res*-аргументами, а значит глагол «считает» должен иметь и интерпретацию, при которой он берет на один индивидуальный аргумент больше, чем в (22). Таким образом, поскольку *res*-аргументов может быть бесконечно много, интенциональные глаголы должны потенциально иметь бесконечно много семантических определений. Чарлау и Шарвит [Charlow and Sharvit, 2014] называют данное свойство интенциональных глаголов их типовой гибкостью (*type flexibility*) и не видят в ней проблемы. Мы же считаем, что теория, способная объяснять *de re* прочтения без допущения типовой флексибельности интенциональных глаголов будет более предпочтительной.

8.5.2. Res-передвижение как синтаксическая проблема сообщений *de re*

С синтаксической точки зрения куайновский анализ интенционального глагола как *n*-местной функции также проблематичен. Обратимся опять к (10). Здесь *res*-аргумент *Ortkut* является субъектом придаточного предложения. Само придаточное предложение, с точки зрения синтаксиса, является клаузой и самостоятельной конституентой. Синтаксически интенциональный глагол сочетается именно с этой клаузой как единой конституентой, а не с двумя отдельными конституентами. Расчленение придаточного предложения на две конституенты, каждая из которых сочетается с интенциональным глаголом выглядит как *ad hoc* решение с точки зрения синтаксиса, а получающаяся в результате этого синтаксическая структура нестандартной (см. пример такого синтаксического анализа в [Abusch, 1997]).

В своем комментарии к [Abusch, 1997] И. Хайм [Heim, 1994] предложила несколько более реалистичный синтаксический анализ для сообщений о верованиях *de re*. С подходом Хайм связывается понятие *res*-передвижения, где глагол «считает» продолжает рассматриваться как трехместный предикат, однако его дополнительный индивидуальный аргумент изначально генерируется внутри придаточного предложения, а потом передвигается в аргументную позицию интенционального глагола из субъектной позиции придаточного предложения. Данный анализ позволяет сразу достигнуть двух целей: сохранить стандартный анализ для вложенной клаузы (придаточного предложения), дать возможность субъекту придаточного предложения интерпретироваться вне этой клаузы, т. е. вне сферы действия интенционального глагола.

Данный механизм, известный также как *res*-передвижение, остается проблематичным (о чем пишет и сама Хайм), поскольку *res*-передвижение по своим свойствам резко отличается от всех видов передвижения известных в синтаксисе. Это передвижение не должно оставлять интерпретируемого следа, конечная и исходная точки *res*-передвижения не связаны асимметричным структурным отношением *s*-командования, данное передвижение предполагает, что аргумент глагола не генерируется в аргументной позиции, а передвигается туда. Все это концептуально проблематично. В све-

те этих проблем теория, объясняющая синтаксическую структуру сообщений *de re* без *res*-передвижения также будет более предпочтительной.

8.6. Перкус и Зауэрленд 2003: генераторы концептов и сообщения *de re* без *res*-передвижения

Следующим важным шагом в формально-семантических исследованиях сообщений *o de re* пропозициональных установках является работа учеников И. Хайм О. Перкуса и У. Зауэрленда. В своей работе [Percus & Sauerland, 2003] они предложили концепцию, позволяющую избавиться от проблематичного *res*-передвижения. Их концепция получила название теории генераторов концептов.

Генератор концепта – это функция, отображающая индивидуальный объект в единичный концепт. Единичный концепт здесь понимается стандартно как функция от возможных миров к индивидуальным объектам [Карнап, (1947) 2000]. Для каждого носителя пропозициональной установки есть свое множество генераторов концептов. Так, для Ральфа в примере (10) будет существовать генератор, назовем его G_1 , основанный на отношении знакомства и отображающий Орткута в индивидуальный концепт тот, кого Ральф видел в шляпе и плаще, а также другой генератор, назовем его G_2 , отображающий Орткута в индивидуальный концепт тот, кого Ральф видел на пляже.

Согласно предложению Перкуса и Зауэрленда, в синтаксической структуре предложения (24), которую мы приводим в (25), присутствуют непронизносимые переменные над генераторами концептов. Эти переменные сочетаются с именами собственным (и другими обозначающими фразами), входящими во вложенное предложение и связываются λ -абстрактом в левой периферии вложенной клаузы (придаточного предложения). Это означает, что придаточные предложения в данной системе обозначают не пропозиции, а отношения между генераторами концептов к пропозициям.

Условия истинности для этого предложения в мире w приведены в (26). Согласно этим условиям истинности, в мире w данное предложение истинно, если и только если существует такой генератор концептов G для Ральфа в w , который, будучи примененным

к Орткуту, генерирует такой концепт, который отображает каждую докстатическую альтернативу Ральфа в индивида, который является шпионом в этой альтернативе.

(24) Ральф считает, что Орткут является шпионом.

(25) $[_{S_3} \lambda w [_{S_2} \text{Ральф} [_{VP_2} \text{считает в } w [_{CP_3} \lambda G [_{CP_2} \lambda w' [_{CP_1} \text{что} [_{S_1} [[G \text{Орткут}] w'] [_{VP_1} \text{является шпионом в } w']]]]]]]]]]]$

(26) $\| (25) \|^\xi(w) = 1$ ете $\exists G(G - \text{основанный на отношении знакомства генератор концептов для Ральфа в } w \ \& \ \forall w' \in \text{Dox}(\text{Ральф}, w): G(\text{Орткут})(w'))$ является шпионом в w'

Данные условия истинности эквивалентны тем, что приведены в (16), однако синтаксический анализ, предлагаемый Перкусом и Зауэрлендом, как видно в (25), не предполагает никаких передвижений. Имя *Орткут* интерпретируется в субъектной позиции придаточного предложения.

Отдельным преимуществом системы Перкуса и Зауэрленда является то, что она потенциально позволяет придать единую семантику сообщениям о веровании, независимо от того, являются ли они сообщениями *de re* или *de dicto*. Единственным условием такой обобщенной семантики на данный момент является то, что λ -абстракт по генераторам концептов не будет связывать какую-либо переменную при *de dicto* сообщении о веровании. Предложение (2), которое мы интерпретировали *de dicto* в ситуации (1), будет иметь логическую структуру, приведенную в

(27) а. Иван Иванович считает, что глава фирмы X – щедрый человек.

б. $[_{S_3} \lambda w [_{S_2} \text{ИИ} [_{VP_2} \text{считает в } w [_{CP_3} \lambda G [_{CP_2} \lambda w' [_{CP_1} \text{что} [_{S_1} \text{глава фирмы X } w' [_{VP_1} \text{щедрый человек в } w']]]]]]]]]]]$

В (27) б λG не связывает никакую переменную, что в синтаксической литературе считается методологически нежелательным (см. (Chomsky 1982, 1995), (Kratzer 1995)), однако с формально-логической точки зрения здесь нет ничего пагубного (см. (Potts 2002) для более детального обсуждения допустимости пустой квантификации (*vacuous quantification*)).

Концепция Перкуса и Зауэрленда предпочтительна не только с теоретической, но и с эмпирической точки зрения. [Charlow and Sharvit, 2014] приводят естественно-языковое сообщение о веро-

Условия истинности для (30) приводятся в

$$(31) \|(31)\|^g(w) = 1, \text{ ете}$$

$\exists G_1, G_2$ [G_1 и G_2 – основанные на отношении знакомства генераторы концептов для Ральфа в w & $\forall w' \in \text{Dox}(\text{ИИ})(w)$: [каждая из студенток в w']($\lambda x. G_1(x)(w')$ любит в w' мать $G_2(x)(w')$ в w')]

Сгенерировать условия истинности эквивалентные (31) в терминах теории *res*-передвижения не получится в силу недопустимости выдвижения кванторной группы за пределы вложенной клаузы. Квантор всегда должен интерпретироваться внутри сферы действия интенционального глагола. Однако теория *res*-передвижения позволяет дать *de re* прочтение для какого-либо выражения, только если этот элемент выдвинулся в экстенциональную позицию, что в случае с (29) невозможно.

Таким образом, теория генераторов концептов не только решает проблему *res*-передвижения, но и эмпирически более предпочтительна. На сегодняшний день данная теория является наиболее успешной теорией, объясняющей семантику сообщений о верованиях *de re*.

8.7. Ограничения теории генераторов концептов

В том виде, в котором сформулирована теория генераторов концептов, она предполагает типовую гибкость интенциональных глаголов, упомянутую в разделе 5.1. Обсуждение примера (29) продемонстрировало, что теория генераторов концептов опирается на типовую гибкость, как и теория *res*-передвижения. Как мы уже говорили выше, мы считаем данный аспект ограничением теории генераторов концептов, по крайней мере в том виде, в котором она сформулирована в [Percus and Sauerland, 2003] и [Charlow and Sharvit, 2014].

Другое ограничение данной теории, которое мы усматриваем, связано с его эмпирическими предсказаниями. Рассмотрим следующую ситуацию:

(32) *Ситуация*: Иван Иванович решил жениться. У него пока нет избранницы, но он хочет, чтобы та, на ком он женится, была либо самой богатой, либо самой щедрой женщиной. Ему не важно

какой. Главное, чтобы выполнялось хотя бы одно условие. Он этого не знает, что по стечению обстоятельств самой богатой и самой щедрой женщиной является Мария Степановна.

В описанной ситуации, мы, зная о том, что Мария Степановна самая богатая и самая щедрая, можем ей сообщить:

(33) Иван Иванович хочет на вас жениться.

Сообщение в (33) является сообщением *de re*, т. к. Мария Степановна самая богатая и щедрая в мире произнесения (33), т. е. с точки зрения говорящего. При этом непосредственно из желаний Ивана Ивановича не следует, что он хочет жениться на Марии Степановне. В булетических альтернативах Ивана Ивановича (т. е. мирах, совместимых с его желаниями в мире произнесения), дама, на которой он женится, может быть самой богатой, но не самой щедрой. Или, наоборот, она может быть самой щедрой, но самой богатой в этой альтернативе будет не она, а какая-то другая дама, с которой Иван Иванович в брак не вступает. Таким образом, если (33) истинно, то булетические альтернативы Ивана Ивановича таковы, что в некоторых из них самая богатая и самая щедрая женщины не тождественны и он вступает в брак с самой богатой, а в других с самой щедрой женщиной.

Особенностью ситуации (32) является то, что у Ивана Ивановича не было прямого контакта с Марией Степановной. Это делает весь пример несколько отличным от примера с Ральфом и Орткутом в 9), где у Ральфа дважды был непосредственный контакт с Орткутом, что дало основание Льюису ввести отношение знакомства при семантическом анализе предложения (10). Соответственно ни одна теория, предполагающая отношение знакомства, не сможет правильно предсказать условия истинности для (33).

В этом, однако, нет большой проблемы, поскольку в литературе еще с начала 1970-х гг. обсуждались примеры *de re* сообщений в ситуациях, где отсутствовало непосредственное знакомство. В своей недавней статье С. Ялцин [Yalcin, 2015] **обсуждает подобные примеры**. Так, в ситуации, когда военное командование хочет увидеть самого высокого солдата, а этим солдатом оказывается Орткут (о чем командование не знает, но знает говорящий, обращающийся к Орткуту), говорящий вполне может сделать утверждение (34):

(34) Командование хочет видеть тебя.

Данный пример параллелен нашему примеру в (33). Это два сообщения *de re*. Их единственное отличие в том, что в ситуации (32) изначальная установка Ивана Ивановича является дизъюнктивной.

В этой связи мы не склонны рассматривать отсутствие отношения знакомства в качестве проблемы. Сам (Льюис 1979) дает отношению знакомства более общее определение, предполагающее релевантный когнитивный контакт, а не прямой физический. Льюис пишет: «Я могу иметь *de re* верования (1) о моих знакомых (присутствующих или отсутствующих), (2) об известных в современном мире личностях, появляющихся в новостях, (3) об умерших знаменитостях, (4) об авторах прочитанных мной книг, (5) о незнакомцах, которые сейчас со мной сталкиваются, (6) о незнакомцах, которых я так или иначе отслеживаю (водитель машины передо мной, или шпион, которого я вот-вот поймаю, поскольку он оставил достаточно много достоверных следов, и (7) о себе» [Lewis, 1979, p. 541]. Исходя из этого мы ниже откажемся от уточнения, что генератор концептов является основанным на отношении знакомства, хотя Перкус и Зауэрленд его используют.

Действительная сложность для анализа Перкуса и Зауэрленда (по крайней мере, в том виде, в каком они ее сформулировали) здесь будет в том, что если булетические альтернативы Ивана Ивановича таковы, как мы описали, то теория генераторов концептов не сможет задать правильные условия истинности для (33). Она предскажет следующую интерпретацию для (34):

(35) $\| (33) \|_{\mathcal{S}(w)} = 1$ ете ЭГ[G –концептов для Ивана Ивановича в w &

$\forall w' \in \text{Boul}(\text{ИИ}, w)$: **Иван Иванович женится на G(Мария Степановна)(w') в w']**

Однако генератор, представленный в (35), не сможет выбирать в каждой булетической альтернативе Ивана Ивановича нужного индивида (т. е. либо самую богатую, либо самую щедрую женщину). Этот генератор не может отображать Марию Степановну в концепт САМАЯ БОГАТАЯ ИЛИ САМАЯ ЩЕДРАЯ ЖЕНЩИНА, т. к. в тех буле-

тических альтернативах Ивана Ивановича, где самая богатая и самая щедрая женщина не тождественны друг другу, такой концепт просто не сможет выбрать конкретного индивида.

Таким образом, дизъюнктивные верования или желания являются эмпирической проблемой для теории генераторов концептов. Отыскание способа решить эту проблему продвинет исследования в области сообщений о *de re* верованиях еще на один шаг вперед.

Поиск такой концепции идет.

РАЗДЕЛ III АНАЛИЗ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Глава 9. Анализ имен собственных

В данной главе мы представим концепции о значении имен собственных, получившие наибольшее влияние в современных дискуссиях в области лингвистики. В философской литературе наибольшее влияние получила так называемая концепция прямой референции. Согласно этой теории, наиболее ярким сторонником которой является С. Крипке, имена являются бирками объектов и не обладают никаким дескриптивным содержанием. Наиболее сильными аргументами Крипке в пользу этой точки зрения являются его аргументы, демонстрирующие, что имена являются жесткими десигнаторами, т. е. обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах. Однако в рамках лингвистики был сформулирован ряд аргументов в пользу теории, согласно которой имена обладают дескриптивным содержанием. Мы рассмотрим эти концепции и покажем, какие механизмы существуют в рамках современной лингвистики, которые позволяют объяснить тот факт, что имена обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах, несмотря на то, что они являются скрытыми дескрипциями.

9.1. Имена как неотъемлемая часть языка

Собственными именами принято называть любые имена, обозначающие один объект – город, страну или человека, и которые при этом не являются (по крайней мере) по своей явной открытой форме дескрипциями.

Собственные имена и способ их обозначения являются одной из самых сложных проблем в философии языка. Имена, на первый взгляд, кажутся достаточно простым типом выражений и представляют собой константы, указывающие на конкретные сущности. Многие авторы⁵¹ даже утверждали, что имена не являются частью какого-либо языка. Их аргументация состояла в том, что словари не содержат имен, а также в том, что человек может обладать достаточно хорошим знанием языка, при этом не знать значений большей части имен в этом языке (просто потому что он знаком лишь с меньшей частью людей). Далее, можно обратить внимание на то, что обычно имена не переводятся с языка на другой язык, даже если в другом языке есть аналог для данного имени (имя, обладающее тем же этимологическим значением).

Тем не менее маловероятно, чтобы тезис о том, что имена не являются частью языка, был истинным. Во-первых, большое количество имен все же переводится с одного языка на другой. Так, например, «Лондон» переводится на французский как «Londres», и эти имена выглядят и звучат в достаточной степени по-разному, что позволяет С. Крипке сформулировать знаменитый пример в «Загадке о веровании» [Kripke, 1979]. Опять же было бы неверно утверждать, что кто-то вполне освоил английский язык, если он не знает, как называется столица Великобритании. В-третьих, любой хороший словарь содержит большое количество имен – в основном имен географических объектов.

Есть и другие важные факты об употреблении имен, которые свидетельствуют в пользу того, что имена являются полноценными выражениями, принадлежащими определенному языку. Например, в русском языке полное имя любого человека состоит из трех компонентов – имени, отчества и фамилии, лишь один из которых выбирается для ребенка произвольно. Таким образом, неверно было бы утверждать, что имя человека не несет никакой информации о

⁵¹ См., например, [Recanati, 1987; K. Bach, 2002].

его носителя, даже если мы не знаем ничего о человеке, зная его имя, мы можем достаточно много сказать о нем, на что совершенно справедливо обращает внимание А.Л. Никифоров [Никифоров, 2012] в своих исследованиях на данную тему. В большинстве случаев отчество будет говорить о том, как зовут отца именуемого, а фамилия будет нести некоторую информацию о родословной данного гражданина. Также можно сделать определенные заключения о стране или части света, к которой принадлежит человек (или его предки), услышав его имя. Маловероятно, что в русской семье назовут ребенка «Мэй Лья», и фамилия с окончанием «ова» («Куликова») почти однозначно свидетельствует о славянских корнях данного человека. Тем не менее сложно сказать, в какой мере можно говорить о том, что эта информация носит семантический характер, а не основывается на наших знаниях или представлениях о культуре и истории стран и народов.

Несут имена и информацию, которая с большей уверенностью может быть отнесена к семантике. Например, в русском языке в отчестве и фамилии (в большинстве случаев) отмечен род (в окончании) – мужской или женский, который отражает пол носителя этого имени. В тех языках, где имена употребляются с артиклем (древнегреческий, греческий, португальский) и где существуют разные артикли для женского и мужского рода, имя также несет информацию о том, какого пола его носитель. Неочевидно, что есть принципиальное различие между этим случаем и различием между «он» и «она» – и если эти местоимения несут информацию о том, какого пола человек, на которого оно указывает (мы проигнорируем здесь тот факт, что эти местоимения в русском употребляются не только для людей, но и для предметов, которым род приписывается достаточно произвольным образом), то соответствующую информацию несут и имена в тех языках, где род (пол) маркирован окончанием или артиклем. Кроме того, во многих языках, определенные артикли которых различаются по роду, эти артикли совпадают с соответствующими местоимениями (французский, испанский).

Все эти факты очень важны и демонстрируют, что имена являются неотъемлемой частью любого языка, и их употребление регулируется определенными лингвистическими правилами. Имя в русском языке, к примеру, не может содержать чисел и невозможно зарегистрировать ребенка с именем, содержащим число.

Таким образом, можно согласиться с мнением, высказанным А.Л. Никифоровым [Никифоров, 2012], в том, что традиция исследования имен в аналитической философии неоправданно игнорировала эти важные факты. Тем не менее эта информация – за исключением информации о половой принадлежности в некоторых языках – не может являться частью семантического значения имени.

Один из возможных аргументов в пользу концепции о том, что имена сохраняют оттенки смысла общих имен, от которых они произведены, состоит в том, что собственные имена с легкостью могут превращаться в общие. В действительности, несложно продемонстрировать, что имена могут быть предикатами, они могут употребляться во множественном числе, а также могут употребляться с целью выделить группу людей. Например, мы можем сказать «Все Алексеи умны». Или «Новые и новые Ломоносовы едут покорять столицу». Однако эти два случая принципиально отличаются друг от друга. В первом случае имя «Алексеи» употребляется в значении «люди, носящие имя “Алексей”», во втором имя употребляется в метафорическом переносном смысле. Поэтому мы не можем дать одинакового объяснения для этих двух случаев.

Однако можно показать, что из возможности такого употребления имен не следует, что все имена являются общими терминами. Сравнительный анализ различных языков дает достаточно интересные результаты. В частности, этот анализ показывает, что во всех (насколько мы можем судить на сегодняшний день) языках имена имеют сходное происхождение. Имя происходит из описания, в котором отражено некоторое свойство человека, которому дается имя. По своей лингвистической форме имена во всех языках изначально были направлены на то, чтобы выделять не некоторый класс объектов, а именно один единственный объект, и для этого в разных языках используются разные средства. Имена в этом смысле принципиально отличаются от общих терминов [Anderson, 2010].

В различных языках существуют различные способы превращения общего термина в единичный. В русском языке это различие никак не отмечено в структуре предложения, но есть множество языков, где это различие выделено употреблением отдельной языковой единицы – артикля. В случаях, когда в языке отсутствует артикль, общее имя превращается в собственное благодаря операции изменения семантического типа – семантический тип в таких

случаях определяется положением имени в предложении, например, употребление имени в качестве субъекта в единственном числе может быть сигналом о том, что общее имя изменило свой тип и употребляется для обозначения конкретного предмета.

Таким образом, чисто исторически «Алексей» является первичным, а «Алексеи» вторичным употреблением. Хаддлсон [Huddleston, 1984] предложил провести различие между собственным именем и собственным существительным. «Алексей Михайлович», употребленное как имя, будет указывать на конкретного человека, и это имя состоит из двух собственных существительных «Алексей» и «Михайлович». Таким образом, Алексеи – это собственное существительное во множественном числе и его следует отличать от собственного имени.

Пример с «Ломоносовыми» более сложен, но, по всей видимости, должен решаться в том же ключе. «Ломоносовы» в данном случае используется как собственное существительное, но используется оно в переносном метафорическом смысле. Ни одна из существующих концепций значения имен собственных не способна предложить непосредственного (не предполагающего не прямое употребление) объяснения для такого употребления. Нужно также заметить, что наше понимание предложения «Новые и новые Ломоносовы едут покорять столицу» зависит от контекста, и если бы не было знаменитого Ломоносова, мы могли бы понять это предложение буквально, как сообщающее о том, что новые люди с фамилией «Ломоносов» едут покорять столицу. То, что такое употребление является метафорическим, легко увидеть на примере с единственным числом «Петр – это Наполеон нашего села». Если мы попытаемся дать прямое объяснение значения этого предложения, то выйдет, что оно повествует о тождестве между Петром и Наполеоном, что конечно же, абсурдно.

Таким образом, возможность метафорического употребления имени собственного и возможность других употреблений имен в качестве предикатов и т. д. еще не позволяет нам делать однозначное заключение о том, что имена, используемые в прямом смысле, сохраняют аспекты смысла общих терминов.

Обратимся теперь к тем общим терминам, от которых происходят имена в нашем языке. Так, например, имя «Екатерина» происходит от греческого существительного «чистый». Однако этот

смысл совершенно утрачивается в коммуникации. Если нам нужно найти Екатерину, среди незнакомых людей мы не станем использовать этот признак для опознания девушки. Конечно, к именам можно отнести и прозвища «Лысый», «Толстый», которыми часто наделяют знакомые люди друг друга, и по всей видимости, прозвища являются прототипом для имени. Однако, опять же, нельзя сказать, что эти прозвища сохраняют смысл слов, от которых они происходят, в качестве своего семантического значения. «Толстым» могут прозвать дистрофика, стремясь подшутить над ним, или это прозвище может сохраняться со времен, когда человек был толстым, но более таковым не является. И опять же картина в данном случае существенно отличается от того, как функционируют общие термины и их значение. Например, если мы переделаем шкаф в стол, то мы не будем продолжать называть его шкафом. Истинность предложения «Это шкаф» будет зависеть от того, шкаф ли это перед нами, а не от того, как мы называем данный предмет. А вот истинность «Это Толстый» не будет зависеть от того, толстый человек стоит перед нами или нет.

В каком же смысле первоначальное значение существительного сохраняется при коммуникации в использовании имени? Ясно, что имена не сохраняют свой первоначальный смысл для выполнения тех же самых функций, что и общие термины. Он может сохраняться как оттенок, как оценка, выражение личностного отношения. Все это не относится к сфере собственно значения выражения. Не совсем также ясно, каким образом первоначальное значение имени могло бы нести соответствующую информацию прагматически. Ведь прагматика изучает значение выражения в определенном контексте, или значение говорящего (что говорящий намеревался сказать, делая данное произнесение), или имплицатуры – то, что не сказано явно в данном предложении, но подразумевается говорящим. Однако сложно представить, каким образом, оригинальный смысл существительного, от которого происходит имя, может подпадать под одну из этих категорий. Ведь имя не выбирается говорящим, его употребление закрепляется раз и навсегда за определенным индивидом. К области прагматики относятся также конвенциональные имплицатуры – они не зависят от принципа кооперации и закреплены постоянно за некоторыми выражениями. Тем не менее сложно представить, чтобы этот смысл сохранялся

как конвенциональная импликатура. Прозвище «Толстый» может нести информацию о телосложении человека, а может и не нести. Еще более сложно обстоит дело с обычными именами.

Однако мы не можем отрицать и те факты, которые мы проанализировали здесь ранее – что с именем может ассоциироваться целый комплекс энциклопедических и культурных знаний. Мы, следуя за Андерсоном, можем сказать, что помимо семантического значения имя обладает некоторым смыслом, который не влияет на наше понимание условий истинности предложения с именем, но тем не менее сообщается и передается при произнесении имени [Anderson, 2006, p. 118–119]. Этот смысл способен передаваться именно благодаря тому, что имя принадлежит определенному языку и является определенной лексической единицей. Многие имена состоят из нескольких понятных нам слов (например, «Белый дом»), и даже если референция имени осуществляется не благодаря пониманию этих слов (знание только значения этих слов не достаточно для того, чтобы осуществить референцию), но их смысл все равно остается доступным для слушателя и говорящего.

Тем не менее, как уже было сказано, мы отвергаем идею о том, что этимологические, энциклопедические и другие стереотипные знания являются частью семантики имени.

В рамках данной главы мы рассмотрим вопрос о том, какие свойства собственных имен могут с большей вероятностью являться частью их семантического содержания, по крайней мере, в рамках одного из подходов, получившего распространение в лингвистике, а именно метаязыкового подхода.

9.2. Метаязыковой подход

Суть метаязыковой теории собственных имен состоит в том, что значение имени собственного тождественно определенной дескрипции, которая включает в себя упоминание самого имени, например, «человек по имени С.И.» или «носитель имени С.И.» (где «С.И.» означает «имя собственное»). Поскольку, согласно данной теории, дескрипция включает в себя цитирование самого собственного имени, такой подход получил название метаязыкового (или металингвистического).

При этом не утверждается, что сами эти слова «человек», «носитель имени» присутствуют в определенной дескрипции, которая является значением имени собственного. Согласно описываемому здесь подходу, имя состоит из определенного артикля, который сочетается с предикатом-цитатой вида «Иван» или «Александр». Значением этого предиката является класс объектов, которые носят это имя.

Наиболее значимым эмпирическим аргументом в пользу необходимости создания единой концепции для имен и определенных дескрипций является уже упомянутый выше факт существования языков, в которых имена используются с определенным артиклем.

Аналогия с обычными определенными дескрипциями здесь очевидна. Например, слово «стол» является предикатом (выражением с семантическим типом $\langle e, t \rangle$), его значением является класс объектов, обладающих свойством «быть столом». Определенный артикль сочетается с предикатом и выбирает единственный (в данной ситуации) объект, обладающий этим свойством⁵². Если имена собственные в конструкциях, в которых отсутствует артикль, являются предикатами, то в сочетании с артиклем они становятся единичными терминами и указывают на определенный объект.

Философ Тайлер Бердж [Burge, 1973] обратил внимание на тот факт, что имена могут сочетаться с самыми различными детерминантами⁵³ («Некоторые Пети», «Все Востриковы»), они могут выступать во множественном числе («Есть и другие сообразительные Насти, кроме нашей аспирантки»). Эти свойства характерны и для обычных существительных (которые мы рассматриваем как предикаты). Кроме того, во всех таких случаях собственное имя получает значение «именуемый так-то», «с таким-то именем». Это является достаточно сильным аргументом в пользу метаязыкового подхода. Ни один другой тип выражений естественного языка не может переключаться со своего обычного значения на метаязыковое (иными словами, цитируемое прочтение), если такое прочте-

⁵² Мы не обсуждаем здесь вопрос о том, являются ли определенные дескрипции кванторами или единичными терминами, поскольку, как нам представляется, это не существенно для наших целей. Мы будем исходить из того, что они являются единичными терминами, и отдельно оговаривать случаи, когда рассматриваю дескрипции как кванторы.

⁵³ В лингвистике «детерминантами» называются такие выражения, как «каждый», «все», «этот», “the”. Детерминанты сочетаются с существительными.

ние не маркировано явным образом (с помощью кавычек, курсива, прописных букв и т. д.). В рамках метаязыкового подхода, все эти факты получают прямое объяснение.

Еще более значимым является тот факт, что в тех языках, где имена употребляются с артиклем, использования артикля подчиняется определенным правилам (греческий, сери, португальский, хидатса и т. д.) [Anderson, 2006]. Ора Матушански отмечает, что артикль исчезает в конструкциях именованя («Они называли его С.И.»), и дальнейший синтаксический анализ демонстрирует, что собственные имена выступают в качестве предикатов в этих конструкциях [Matushansky, 2006, 2008]. В частности, одним из языков, на основе которых Матушански показывает, что собственные имена в конструкциях «Они звали его Петей Ивановым» являются предикатами, является русский. В русском языке имя в такой конструкции должно стоять в творительном падеже. Лингвисты считают, что творительный падеж в русском языке является одним из маркеров предикативной конструкции [Partee, 1998]. Данное заключение основывается на анализе предложений с глаголом-связкой «быть». В русском языке существует два типа конструкций такого рода. Первый тип – это предложения о тождестве, такие как (1). В этих предложениях оба аргумента обладают семантическим типом *e* (тип референциального выражения)

(1) Владимир Сирин – это Владимир Набоков.

Предложения второго типа представлено в (2). Предикативная связка «быть» здесь является функцией с двумя аргументами: один аргумент типа *e* и второй тип $\langle e, t \rangle$, синтаксически предложение выглядит так: [DP есть/является Pred]. В этих предложениях вторая именная группа является предикатом, т. е. выражением того же типа, что и «умен» в (3).

(2) Аристотель является владельцем дома.

(3) Аристотель умен.

Между предложениями первого типа (такими, как (1)) и второго (такими, как (2)) существует семантическое различие. Лингвисты отмечают, что если второе DP стоит в именительном падеже, то оно имеет более референциальное прочтение, чем в случаях, когда оно стоит в творительном падеже. Падучева и Успенский,

например, обращаются к различию между атрибутивным и референциальным прочтением (в том смысле, в котором это различие было проведено Доннелланом) [Падучева & Успенский, 1979].

Помимо вышеуказанных, можно также обратить внимание на тот факт, что многие названия (имена собственные некоторых объектов) в естественных языках употребляются с кавычками (маркером цитирования), например, «Именованное и необходимость» или «Приглашение на казнь». Здесь речь идет не только о книгах или газетах: например, в русском языке (и некоторых других языках) названия футбольных команд, документов, музеев, ураганов, лекарств должны употребляться с кавычками, тогда как в английском в таких случаях кавычки не ставятся.

Один из философских аргументов против метаязыкового подхода, предложенных в литературе, является проблема круга в объяснении. Этот аргумент был сформулирован С. Крипке. Проблема, с его точки зрения, состоит в том, что метаязыковая теория уже предполагает то понятие референции, для которого она пытается предложить объяснение.

Мы спрашиваем: “На кого он указывает с помощью (refer with) ‘Сократ’? А затем предлагается следующий ответ: “Он указывает на человека, на которого он указывает” [Kripke, 1979].

Крипке полагал, что его аргумент применим к любой метаязыковой концепции собственных имен. Тем не менее нам представляется, что некоторые версии метаязыкового подхода могут предложить достаточно хороший ответ на этот аргумент. В частности, в работах К. Баха [Bach, 2000] и Б. Гертса [Geurts, 1997] был сформулирован такой ответ. Идея состоит в том, чтобы различить свойство «быть референтом имени» и свойством «быть носителем имени». «Быть названным именем» значит получить это имя благодаря стандартной процедуре получения имени в данном сообществе. Это могут быть ритуальные пляски вокруг костра, регистрация в ЗАГСе, крещение или любая другая принятая в сообществе процедура. После того, как имя было присвоено лицу нужным способом, мы можем использовать это свойство (быть носителем этого имени) для того, чтобы указывать на человека. Мы с равным успехом могли бы выбрать любое другое свойство или черту этого человека (например, ее черту «иметь голубые глаза»).

9.3. Метаязыковой подход

В данном разделе мы рассмотрим две конкретные современные теории, которые используют метаязыковой подход. Первая из них была предложена в работе О. Матушански. Вторая в работе П. Элбурна. Обе эти концепции также предлагают свое объяснение того факта, впервые отмеченного в работах Р.Б. Маркус и С. Крипке, что имена в естественных языках являются жесткими десигнаторами, т. е. обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах. Мы покажем, что современная лингвистика обладает средствами, которые позволяют одновременно рассматривать имена как определенные дескрипции и считать их жесткими десигнаторами.

В частности, Ора Матушански [Matushansky, 2008] предлагает подход, согласно которому имена являются жесткими десигнаторами, благодаря наличию индексных элементов в их семантической структуре. Сходный подход был предложен ранее в работе Пелцара и Рэйнсбури [Pelczar, Rainsbury, 1998], где они утверждают, что имена являются металингвистическими индексными выражениями. Известно, что индексные выражения, т. е. выражения, значение которых задается в контексте употребления (например, «я», «она») являются жесткими десигнаторами. Истинность этого утверждения можно продемонстрировать на следующем примере:

(4) Выступающий сказал, что я пришел.

В предложении (4) слово «я» указывает на того, что произносит это предложение, несмотря на то, что слово употребляется в косвенном контексте. Если бы значением слова «я» была бы простая дескрипция вида «тот, кто говорит», тогда предложение (4) могло бы иметь и другое прочтение, согласно которому «я» указывает на того, что назван «выступающим». Таким образом, слово «я» является жестким десигнатором.

Матушански предлагает следующую семантическую структуру для имени собственного⁵⁴:

$$(5) \parallel \text{Алиса}_{R_1} \parallel = [\lambda x: g(R_1)(x) (\text{“Алиса”})=1]$$

⁵⁴ Мы несколько изменяем структуру, предложенную Матушански, чтобы избежать технически нагруженного обсуждения вопроса о композициональности.

В (5) R_1 – это функция типа $\langle e, \langle n, t \rangle \rangle$ (она берет в качестве первого аргумента индивида, в качестве второго имя (языковой символ, «n» – здесь представляет семантический тип выражений, имеющих своим значением сами символы) и возвращает истинностное значение). Этот аргумент не дан в предложении в явном виде. Идея состоит в том, что этот аргумент является непроизносимым элементом в предложении. Имя сопровождается переменной такого типа, и эта переменная получает свое значение в контексте использования имени. Эта переменная может принимать различные значения: «именуется», «носит кличку», «крещен как» и т. д. В результате имя «Алиса» получает такой же тип, как и общие имена (такие выражения, как «стол») – а именно предикативный тип $\langle e, t \rangle$. Денотат имени «Алиса» может сочетаться с определенным артиклем и получается выражение, указывающее на индивида, который носит это имя.

Почему же данная структура обеспечивает жесткую десигнацию? Матушански объясняет это индексной природой данной переменной. Эта переменная не содержит аргумента для возможного мира, в отличие от других отношений. В данной работе не предлагается объяснения для того, почему это отношение должно быть лишено индекса для возможного мира. Тем не менее это решение успешно решает поставленную задачу. Если имена действительно имеют такое значение, как то, что указано в (5), то они обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах, а именно объект, который именуется этим именем в реальном мире.

Мы хотели бы указать на следующую проблему, с которой сталкивается такая концепция, объясняющая жесткую десигнацию имен через индексные выражения в семантике метаязыковой дескрипции. Она состоит в том, что этой теории придется отказаться от одного из наиболее сильных аргументов в пользу метаязыкового подхода. Как было отмечено выше, имена являются единственным типом выражений, которые могут изменять свое значение на метаязыковом без какого-либо маркирования (например, кавычками).

Так, если имя при любом использовании является жестким десигнатором, то в рамках этой концепции нельзя объяснить использование имен с ограничительным определительным придаточным предложением. Примером такого предложения является (6). В этом контексте нежесткое прочтение должно быть и фактически является доступным:

(6) Каждый Гитлер в современном мире, должно быть, стыдится своего имени.

В данном случае, «Гитлер» не является жестким десигнатором. В (6) говорится, что во всех возможных мирах любой человек по имени Гитлер стыдится своего имени. Если бы «Гитлер» здесь выбирал людей, которые именуются так в реальном мире, то не понятно, почему они должны стыдиться своего имени во всех возможных мирах, ведь в других мирах у них может быть другое имя.

Как представляется, метаязыковой подход интересен, только если он может объяснить все стандартные способы использования имен, но также и все способы метаязыкового употребления имен (т. е. когда значением имени явным образом является «человек по имени С.И.»).

Именно по этой причине мы полагаем, что подход, который мы рассмотрим ниже является более перспективным.

Пол Элбурн в книге «Ситуации и индивиды» (Elbourne 2006) предлагает единую концепцию для местоимений третьего лица, определенных дескрипций и имен собственных. Неформально семантику и синтаксис, которые он предлагает для этих выражений, можно описать следующим образом: это определенный артикль, который сочетается с именной группой NP (она может не произноситься, например, в случае с местоимениями) и индексом семантического типа $\langle e, t \rangle$ (индекс является натуральным числом). Роль индекса состоит в том, что он указывает, является ли выражение связанным вышестоящим оператором (это случай, когда выражение ко-индексировано с вышестоящим оператором), референциальным (индекс > 0), или оно не является ни референциальным, ни связанным (случай donkey-анафоры индекс = 0). Концепция значения собственных имен Элбуерна является метаязыковой.

Элбурн утверждает, что его концепция автоматически разрешает проблему жесткой десигнации. Он пишет, что выбор референциального индекса в определенной дескрипции превращает ее в жесткий десигнатор (то же справедливо и для местоимений). Соответственно, если метаязыковая дескрипция, которая является значением собственного имени, содержит референциальный индекс, то она будет указывать на конкретного носителя собственного имени, о котором мы хотим что-то сообщить.

Имя в теории Элбурна имеет следующую структуру:

(7) [[the 2] “Алиса”],
где “Алиса” – это наш предикат-цитата.

Когда индекс получит интерпретацию благодаря интерпретирующей функции g (это уже знакомая нам функция которая берет в качестве аргумента индекс и возвращает денотат), логическая форма для собственного имени будет выглядеть следующим образом:

(8) $i_y(\text{“Алиса”}(y) \ \& \ y = g(2))$.

Здесь i является йота-оператором. Аргументами этого оператора являются два предиката – метаязыковой предикат (имя собственное в предикативном прочтении – в значении класса индивидов-носителей данного имени) и функция тождества. Значение для индекса задается в контексте произнесения предложения. Значением йота-оператора является конкретный объект, тождественный объекту, обозначаемому $g(2)$, который мы выбрали в контексте, и этот объект является уникальным носителем данного имени в данном контексте.

По сути, такую же структуру для собственного имени предлагал Т. Бердж [Burge, 1973].

Эта структура превращает любое имя собственное в частично описательное имя – имя с минимальным дескриптивным содержанием. Однако, как совершенно справедливо было отмечено в работах Соумса [Soames, 2002], имя такого типа не будет обладать жесткой десигнацией в строгом смысле. Этот же аргумент был сформулирован и применен к теории Элбурна в исследовании Э. Майера [Maier, 2009]. Данный аргумент можно представить следующим образом.

Объект должен удовлетворять двум условиям формулы в (8), представленных справа и слева от конъюнкции ($\&$) в том мире, в котором мы рассматриваем выражение, для того чтобы он мог быть семантическим референтом имени.

Правая часть формулы всегда будет давать нам желаемый объект, ведь единственным вкладом « $y = g(2)$ » в данную логическую форму является сам объект.

Однако есть очевидная проблема с левой частью конъюнкции. Объект, выбранный нами, в некоторых возможных мирах может и не обладать свойством «именоваться Алисой». Выше уже было указано, что в других возможных мирах объект может иметь другие имена.

В таких мирах структура (8) не будет давать нам на выходе выбранный нами объект в качестве своего семантического референта. Поскольку в таких мирах не будет объекта, удовлетворяющего первому условию, собственное имя не будет выбирать никакой объект в этих мирах.

Таким образом, структура (8) не дает нам жесткой десигнации.

Данная структура может обеспечить лишь то, что в философской литературе называется «слабой жесткой десигнацией» [Devitt, 2004]. Это означает, что имя действительно должен будет выбрать один и тот же объект во всех возможных мирах, но только в тех, где этот объект обладает свойством, обозначенным метаязыковым предикатом.

Если мы подставим в качестве такого предиката, например, «Аристотель», а в качестве значения x выбираем того самого философа Аристотеля, то в тех мирах, где Аристотеля назвали другим именем, дескрипция такого типа вообще не будет иметь никакого значения.

Существует ли какой-либо способ обеспечить жесткую десигнацию для собственных имен, не отказываясь от идеи о том, что они имеют минимальное смысловое содержание?

Есть много выражений в естественных языках, которые де-факто являются жесткими десигнаторами, но при этом обладают также некоторым описательным содержанием: «нынешний президент США», «этот президент» (сложный демонстратив) и т. д. Для того, чтобы предложить адекватную семантику для собственных имен, которая сохраняет минимальное дескриптивное содержание, мы могли бы исследовать, каким образом дескриптивное содержание таких выражений является частью их значения и при этом они могут быть жесткими десигнаторами.

Такие выражения, как «этот», в сложных демонстративах не просто вводят некоторые элементы, значение которых зависит от контекста (например, от того, на какой объект мы указываем), но и изменяют оценку дескриптивного содержания данной фразы. Традиционный анализ значения сложных демонстративов, предложенный Дэвидом Капланом, предполагает, что эти выражения имеют прямую референцию и являются жесткими десигнаторами. Однако, когда мы оцениваем значения этих выражений в разных возможных мирах, мы должны принимать во внимание, удовлетворяет ли объект, на кото-

рый мы указываем, дескриптивной части сложного демонстратива в мире произнесения данного выражения, т. е. в реальном мире. Таким образом, очевидно, что для того, чтобы сохранить и идею дескриптивного содержания, и идею жесткой десигнации, нам нужно отбросить посылку (а) нашего аргумента. Когда мы оцениваем (9) в отношении других возможных миров, мы не ищем философа по имени Аристотель в этих других мирах. Мы находим человека, обладающего этим свойством в реальном мире w_0 , а затем смотрим, является ли этот самый человек носителем имени Аристотель в w_1 .

(9) Этого философа по имени Аристотель зовут Аристотелем.

Не вполне ясно, однако, может ли тот же самый механизм, который обеспечивает жесткость обозначения сложных демонстративов, отвечать за жесткость обозначения определенных дескрипций (а мы здесь рассматриваем имена как определенные дескрипции).

Жесткая десигнация имен собственных могла бы объясняться механизмом, который позволял бы фиксировать мир оценки дескриптивного содержания (NP в данном случае), в особенности, если бы необходимость введения такого механизма в формальной семантике была мотивирована независимыми от рассматриваемой проблематики основаниями. Такой механизм существует. Одним из способом фиксации мира оценки предиката, как это было показано в главе, посвященной третьему прочтению, являются переменные для возможных миров или ситуаций (ситуации рассматриваются как часть возможных миров, они обладают также временным параметром). Существуют также очень серьезные и совершенно независимые от нашей проблематики аргументы в пользу введения таких переменных в логическую форму предложения.

Наиболее сильные аргументы в пользу введения переменных мира, времени, места (или ситуаций) в синтаксис основываются на примерах, когда нам необходимо объяснить интенциональную (т. е. с точки зрения мира и времени) независимость группы детерминатора (DP) от времени, мира и места основного предиката (сказуемого) предложения. Мы рассматривали примеры третьего прочтения в интенциональных контекстах выше. Здесь мы рассмотрим пример другого типа.

(10) Если бы каждый человек в этом помещении был снаружи, то комната была бы пуста [Keshet, 2008].

Для анализа данного предложения нам нужно обратиться к семантике возможных миров. Первая часть предложения описывает, на какие миры нам нужно смотреть, вторая часть (после запятой) утверждает нечто об этих мирах. В данном случае, если мы оцениваем группу существительного «каждый человек в этом помещении» внутри области действия «если», то получается, что мы должны искать такие миры, где «каждый человек, который находится внутри, находится снаружи». Однако таких миров не существует, т. к. это прочтение требует, чтобы люди одновременно находились и снаружи, и внутри помещения, что логически невозможно.

Если мы оцениваем группу существительного вне области действия «если», то мы получаем следующее прочтение: «для каждого человека в этом помещении верно, что если бы он был снаружи, то комната была бы пуста». Однако это не то прочтение, которое нас интересует! В этом прочтении предложение (10) является ложным.

Нам нужно оценивать значение группы существительного относительно актуального мира, а значение предиката «быть снаружи» относительно рассматриваемых возможных миров. Возможная структура для этого предложения дана в (11). Здесь мы в целях упрощения изложения будем считать, что «если» ограничивает область действия непроизносимого универсального квантора по возможным мирам МОД, который сочетается с двумя аргументами. В (11) переменная для возможного мира, которая сопровождает предикат «человек в этом помещении», связана самым высоким лямбда-абстрактором. Таким образом, этот предикат будет оцениваться в реальном мире, а не в тех мирах, где оценивается остальная часть клаузы, частью которой является этот предикат.

(11) λw_0 МОД в w_0 [λw бы каждый человек в этом помещении в w_0 был снаружи в w_1] [λw_2 комната была бы пуста в w_2]

Вывод, который мы можем сделать из анализа этих примеров, состоит в том, что переменная для мира, присоединяемая к DP (группе существительного), не обязательно должна быть ко-индексирована с переменной для мира, которая присоединяется к главному предикату.

В применении к проблеме жесткой десигнации мы можем предположить, что имена являются дескрипциями, но дескрипциями такого типа, что переменная для возможных миров, присоединяемая к ним, в большинстве случаев не совпадает с переменной главного предиката в предложении.

Именно такое решение принимает П. Элбурн в своих более поздних работах [Elbourne, 2013]. Мы могли бы объяснить разницу между (12), которое, по утверждению Крипке, является противоречивым, и (14), которое противоречивым не является, если бы мы приняли логическую форму для этих предложений, данную соответственно в (13) и (15). Мы использовали английское слово «the», поскольку в русском языке артикль отсутствует, но мы будем полагать, что он присутствует имплицитно.

(12) Аристотель мог бы не быть Аристотелем

(13) [λw_0 мог бы в w_0 [λw_1 the «Аристотель» в w_0 не быть в w_1 the «Аристотелем» в w_0]]

(14) Аристотель не быть человеком, по имени Аристотель

(15) [λw_0 мог бы в w_0 [λw_1 the «Аристотель» в w_0 не быть в w_1 the человек, именуемый «Аристотелем» в w_1]]

Структура (13) предсказывает, что предложение будет противоречивым. Это связано с тем, что интерпретация этой структуры будет требовать, чтобы существовал возможный мир, в котором человек, именуемый Аристотелем, в реальном мире не именуется Аристотелем в реальном мире. Это, конечно же, невозможно.

Структура, данная в (15), не получит противоречивой интерпретации. Вполне может существовать возможный мир, в котором человек, именуемый Аристотелем в реальном мире, не именуется Аристотелем.

В данной главе мы рассмотрели вопрос о том, каким дескриптивным значением могут обладать собственные имена. Мы представили метаязыковой подход к семантике имен собственных, который получил наибольшее распространение в современной лингвистике. Мы обсудили основные лингвистические аргументы, которые были сформулированы в литературе в пользу данного подхода. В качестве конкретной реализации метаязыкового подхода были выбраны теории О. Матушански и П. Элбурна. На примере этих исследований, мы показали, какие средства использу-

ются в современной лингвистической литературе для того, чтобы объяснить тот факт, что имена являются жесткими десигнаторами, несмотря на то, что являются скрытыми дескрипциями. Таковыми средствами являются непроизносимые элементы в структуре предложения, например, индексные выражения или переменные по возможным мирам.

Глава 10. Семантика индексных выражений

В данной главе рассматривается семантика индексных выражений, сформулированная в работах Д. Каплана. Анализируются основные свойства индексных выражений. Рассматриваются возможности смещенного прочтения индексных выражений в русском языке. Демонстрируется, что частица «мол» в русском языке должна анализироваться как оператор смешанного цитирования. Демонстрируется, что индексикал «сейчас» в русском языке может получать смещенное прочтение, когда оказывается в области действия интенционального оператора.

10.1. Какие выражения являются индексными?

Индексными выражениями называются выражения, значение которых зависит от контекста, в котором они произнесены. Можно привести следующие примеры индексных выражений: «я», «он», «этот», «сегодня», «сейчас», «завтра». Если слово «я» произносится Иваном, то оно указывает на Ивана. Если же его произносит Вася, то оно указывает на Васю. Сходным образом, слово «сегодня» всегда указывает на текущий день, а слово «сейчас» на текущий момент.

Этот список не является полным: некоторые исследователи полагают, что собственные имена, такие как «Катя», являются индексными выражениями [Pelczar & Rainsbury, 1998]. Возможно, к индексным выражениям или выражениям, содержащим индексный элемент, можно отнести такие слова как «мама», «брат».

Можно также заметить, что значение многих выражений языка зависит от контекста. В частности, значение так называемых обобщенных кванторов, т. е. таких выражений, как «каждый»,

«все», является зависимым от контекста. Например, при произнесении предложения «Каждый студент сдал экзамен» говорящий вряд ли имеет в виду, что каждый студент в мире сдал экзамен. Скорее речь идет о некоторой ограниченной группе людей – конкретном классе или школе. Один из подходов к семантике таких выражений состоит в том, что они содержат скрытые элементы, наподобие индексных, значение которых определяется контекстом. Однако, в данной главе мы не будем рассматривать все выражения, значение которых может зависеть от контекста, в качестве индексных.

Такие индексные выражения, как «я», «сегодня», «мы», обладают рядом интересных семантических свойств, что позволяет нам выделить их в отдельную категорию, именно о них пойдет речь в этой главе.

Задачей данной главы является описать эти семантические свойства. Наиболее значимый вклад в исследование семантики индексных выражений внес Д. Каплан. В основном здесь будут обсуждаться его идеи. Эти идеи можно суммировать в виде следующих тезисов.

Значение индексных элементов не зависит от интенций говорящего или его жестов, оно является «автоматическим».

Их значение нельзя свести к дескрипции, их индексная природа является уникальной.

Они позволяют нам формулировать предложения, которые являются априорными, но не необходимыми.

Их значение не может быть изменено модальным оператором, они обладают прямой референцией и являются жесткими десигнаторами.

Рассмотрим эти свойства более подробно.

Каплан [Kaplan, 1989] предлагал провести различие между демонстративами и индексными выражениями. В частности, значение таких выражений, как «он», «она», «этот человек» зависит от интенций говорящего, а также от того, на кого говорящий указывает. Эти выражения он называет демонстративами. Однако значение слова «я» в этом смысле не зависит от интенций говорящего, оно всегда указывает на самого говорящего. Значение как демонстративов, так и индексикалов зависит от контекста, однако только значение индексикалов является «автоматическим».

Здесь можно возразить, что значение таких слов, как «сейчас» и «здесь» в действительности отчасти зависит от интенций говорящего, а следовательно, они не являются индексикалами в этом смысле. Например, значение слова «здесь» может зависеть от того, имеет ли говорящий интенцию указать на город, страну, конкретный офис или конкретный стул в офисе. Значение слова «сейчас» также может изменяться в зависимости от того, какой промежуток времени имеет в виду говорящий. Однако мы будем рассматривать эти выражения как индексные, поскольку некоторый автоматизм значения здесь все же присутствует. Например, «сейчас» всегда указывает на текущий момент времени, каким бы большим или маленьким этот момент ни был.

Вторым свойством индексных выражений является то, что их значение нельзя свести к дескрипции. Благодаря этому свойству индексные выражения в философии получили название «сущностные индексикалы» (Дж. Перри). Воспользуемся знаменитым примером из работы Дж. Перри [Регу, 1993]. Представим себе, что некоторый гражданин по имени Рудольф Лингенс потерял память и заблудился в библиотеке Стенфордского университета. Он не помнит, где находится и как его зовут. Он прочитал множество книг, пока находился в этой библиотеке. Среди этих книг также была его собственная биография и подробный план-проспект самой библиотеки. Таким образом, Рудольфу известно множество истин о Рудольфе Лингенсе. Однако, пока он не может сказать «Я – Рудольф Лингенс, и это место – пятый этаж главного здания библиотеки университета Стенфорда», мы можем утверждать, что ему не известна некоторая сущностная информация о нем самом. Таким образом, выражение «я» является сущностным индексикалом, его нельзя свести к множеству дескрипций, которые известны Рудольфу Лингенсу. Человеку могут быть известны все дескриптивные предложения о мире, однако из этого не будет следовать, что он знает значения предложений, содержащих индексные выражения.

Рассмотрим также другой известный пример. Представим себе, что кто-то смотрит на отражение в окне и видит человека, на котором горят брюки. Она или он могут подумать «Его штаны горят», а могут подумать «Мои штаны горят», и его дальнейшие действия будут зависеть от того, что конкретно он подумает. Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что в данном случае выра-

жения «его штаны» и «мои штаны» указывают на один и тот же объект. Значит, семантика выражений «его» и «мои» должна быть различной. Семантическая теория индексных выражений должна принять во внимание данное различие.

Третье свойство индексных выражений состоит в том, что они позволяют нам формулировать предложения, которые являются априорными, но не необходимыми. Каплан предлагает рассмотреть предложение «Я существую». Вне зависимости от того, кем произносится это предложение, оно всегда является истинным. Истинность этого предложения может быть установлена априори, без обращения к опыту. Еще один широко обсуждаемый пример: «Я здесь». Это предложение также будет истинным при любом его произнесении. Является ли какое-то из этих предложений необходимым? По всей видимости, нет.

Мы можем провести тест для того, чтобы установить, являются ли они необходимыми. Для этого нужно поместить эти предложения в модальный контекст с отрицанием. В результате мы получим (1) и (2).

(1) Я мог бы не существовать.

(2) Я мог бы находиться не здесь.

Если (1) и (2) являются ложными, то «Я существую» и «Я здесь» являются необходимыми. Однако, в действительности, человек мог бы не существовать или могла бы находиться в другом месте. Из этого следует, что предложения (1) и (2) не выражают необходимой истины.

Следует отметить, что тезис о том, что предложение «Я здесь» всегда является истинным, на наш взгляд, является не вполне точным. Представим себе такую ситуацию: кто-то стоит возле карты в метро, указывает пальцем на местоположение на карте и произношу «Я здесь». В данном случае, это предложение вполне может оказаться ложным, и конечно, нам не может быть известна его истинность априори. Возможным ответом на это возражение будет проведение различия между непосредственным и опосредованным употреблением выражения «здесь». Можно указать на тот факт, что в данном случае данное слово используется в опосредованным образом. Оно не используется здесь в своем обычном прямом значении, а используется для указания на место через карту.

Также сомнения могут возникнуть относительно «Я существую». Предположим, мы слышим это предложение от известного артиста по телевизору. Нужна ли нам еще какая-то информация для того, чтобы заключить, что этот человек, действительно существует? Да, нам нужно знать, что он произнес эти слова сам, что он произнес их недавно и т. д. Таким образом, «я существую» является априорно истинным не само по себе, а при условии, что мы знаем, что мы слышим это от самого человека в определенный момент времени.

Тем не менее «Я существую» и «Я здесь» имеют особый статус, что является интересным их свойством, и семантика данных выражений должна принимать это во внимание.

Тезис о прямой референции индексных выражений, также выдвинутый Капланом, состоит в том, что значение индексных выражений нельзя свести к дескрипции или набору дескрипций. Например, мы могли бы рассмотреть дескрипцию «тот, кто говорит» или «говорящий» в качестве кандидата на значение слова «я». Однако несложно показать, что данная дескрипция не является значением слова «я».

Сравним такие предложения:

(3) Вася сказал, что я устал.

(4) Вася сказал, что тот, кто говорит, устал.

В случае (4) дескрипция «тот, кто говорит» может указывать на самого Васю. Однако в предложении (3) слово «я» все равно будет указывать на того, кто произносит предложение (3). Слово «я» не может изменить своего значения в косвенном контексте, его значение предполагает, что оно указывает на автора прямой речи, а не на автора косвенной речи.

Можно также сопоставить употребление слова «я» и определенной дескрипции «говорящий» в другом модальном контексте.

(5) Если бы выступал Петя, то говорящий был бы мужчиной.

(6) *Если бы выступал Петя, то я была бы женщиной. (в контексте, где человек женского пола произносит это предложение)

Предложение (5) является истинным, определенная дескрипция «говорящий» вполне может указывать на Петю. Однако в (6) слово «я» не может указывать на Петю. Оно будет указывать на

того, кто произносит данное предложение. И конечно, пол произносящего (6) не может зависеть от пола выступающего человека – Петра, о котором идет речь в (6).

Итак, модальные контексты позволяют продемонстрировать, что выражение «я» не тождественно дескрипции «говорящий». Дескрипции не являются жесткими десигнаторами, они могут указывать на разные объекты в разных возможных мирах. Индексное выражение «я» указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах.

Следует ли из этого, что выражение «я» должно обладать прямой референцией? Кажется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Выражение обладает прямой референцией, если оно обозначает свой объект напрямую без опосредования каким-либо дескриптивным содержанием.

Наш контраст между предложениями (3) – (4) и (5) – (6) показывает только, что дескрипция, которая не является жестким десигнатором, не может быть значением выражения «я». Однако не вполне ясно, каким образом этот аргумент мог бы использоваться для того, чтобы показать, что дескрипция, которая является жестким десигнатором (например, «актуальный говорящий»), не может быть значением слова «я».

Наиболее влиятельная теория значения для индексных выражений была сформулирована в работах философа Дэвида Каплана. Он предложил семантику для индексных выражений, которая принимала во внимание все эти четыре свойства.

10.2. Каплановская семантика для индексных выражений

Философский интерес Каплана к семантике индексных выражений, по его собственному признанию, состоял в том, чтобы продемонстрировать, что существуют выражения, обладающие прямой референцией.

Я все больше интересовался проблемами, связанными с тем, что я хотел бы назвать семантикой прямой референции. Под этим имеется в виду теории значения, согласно которым определенные единичные термины имеют прямую референцию без опосредования фрегевскими смыслами. Если существуют такие

термины, то пропозиции, выражаемые предложениями, содержащими такие термины, включали бы индивиды, а не “индивидуальные понятия (концепты)” или “способ представления”, как меня учили думать [Kaplan, 1989].

В формальной семантике значение произвольного выражения a обозначается следующим образом: $\|a\|$. Как мы уже говорили, квадратными скобками обозначается интерпретирующая функция, она приписывает значение (денотат) выражениям естественного языка. Также выше мы видели, что интерпретирующая функция может быть релятивизирована, т. е. может зависеть от некоторых параметров. Например, в качестве такого параметра может выступать приписывающая функция g , функция, которая приписывает значение переменным. Стандартными параметрами также являются время и возможный мир: $\|a\|^{g,w,t}$. Несложно определить операторы, которые будут менять параметры интерпретирующей функции. Например, прошлое время может быть представлено как такой оператор⁵⁵:

$$(7) \|\text{Прошное } \varphi\|^{w,t} = 1 \text{ если и только если } \exists t' < t. \|\varphi\|^{w,t} = 1,$$

где φ – некоторое предложение.

Ключевым понятием в семантике Каплана для индексных выражений было понятие контекста. Контекст рассматривается как дополнительный параметр, относительно которого должна оцениваться интерпретирующая функция. Контекст – ситуация, в которой осуществляется высказывание. Эту ситуацию можно описать, определив следующие параметры: кто является автором высказывания, в какое время и в каком возможном мире совершается данное высказывание.

Контекст можно понимать как упорядоченную тройку элементов $\langle a_c, t_c, w_c \rangle$, где a_c это говорящий или автор (агент произнесения), t_c – время и w_c – мир контекста (иногда также можно дополнить это

⁵⁵ В главе о кванторах мы использовали другое определение для прошлого времени. Данное определение приводится только для того, чтобы показать действие возможных операторов, смещающих параметр на интерпретирующей функции. Различие между двумя подходами состоит в том, что подход, развиваемый нами ранее, требует, чтобы конституента, с которой сочетается прошлое, была типа $\langle i, t \rangle$. Если же прошлое рассматривается как это показано в 7, то предложение должно быть типа $\langle t \rangle$.

координатой говорящего или места). Эти элементы иногда также называются координатами контекста. Для анализа некоторых индексных выражений (таких, как «ты», «твой») требуется также введение координаты слушателя, адресата высказывания.

Почему нам не достаточно просто параметра возможного мира? Возможные миры используются для того, чтобы представить разные возможности того, каким бы мог быть мир. Возможные миры отличаются друг от друга, и когда мы определяем положение нашего мира среди возможных миров, мы исключаем другие способы, каким мог бы быть мир. Но естественный язык требует проведения более тонких различий, чем это допускается в семантике возможных миров. В рамках одного возможного мира индивид может занимать разные положения. В соответствии с этим может меняться субъективная перспектива индивида. Вспомним пример с Лингенсом, который потерял память и заблудился в библиотеке. Знаний о том, в каком мире находится Лингенс, не достаточно для того, чтобы Лингенс нашел выход из данной библиотеки. Для этого требуется также знать, какую именно позицию в рамках одного возможного мира занимает Лингенс. Контексты используются для того, чтобы представить разные субъективные перспективы, которые возможные для индивида в рамках одного мира.

Дэвид Льюис предложил такую метафору [Lewis, 1979]: возможный мир это карта, а централизованный возможный мир – это карта со стрелкой, которая указывает на точку «вы находитесь здесь».

Параметр контекста применяется в семантике индексных выражений следующим образом:

(8) $\|я\|_{g, c, w, t} =$ говорящий в контексте c

(9) $\|ты\|_{g, c, w, t} =$ адресат в контексте c

(10) $\|сейчас \varphi\|_{g, c, w, t} = \|\varphi\|_{g, c, w, tc}$

В рамках данной семантики такое выражение, как «сейчас», рассматривается как оператор, который изменяет параметр времени на время контекста, в результате чего предложение p рассматривается относительно времени контекста.

10.3. Различие между характером и содержанием

Содержанием в семантике Каплана называется модальный профиль выражения, это обычный интенционал выражения в стандартной семантике возможных миров, функция, которая в качестве аргумента берет возможный мир, а в качестве результата возвращает экстенционал. К примеру, интенционалом предложения является пропозиция, а экстенционалом – истинностное значение. Интенционалом определенной дескрипции является индивидуальный концепт, а экстенционалом объект, на который указывает дескрипция. Интенционалом прилагательного или существительного является понятие, а экстенционалом класс (множество) объектов.

Второй аспект значения в семантике Каплана называется характером. Характер отражает то, как интенционал выражения зависит от контекста его произнесения.

Имя собственное, например «Лингенс», имеет неизменяющийся характер, во всех возможных контекстах это выражение имеет одно и то же содержание. Однако дело обстоит иначе с «я».

Характер – это функция, которая берет в качестве аргумента контекст употребления и в качестве результата дает содержание, интенционал этого выражения. Содержание – это функция, которая берет возможный мир в качестве аргумента и возвращает экстенционал.

В современной философии эта система получила название двухмерной семантики, так как речь идет о двух параметрах, которые принимаются во внимание контекст употребления и обстоятельства оценки.

Мы можем использовать двухмерные матрицы Столнакера [Stalnaker, 1978, p. 315–332] для репрезентации различия между характером и содержанием.

Горизонтальный ряд представляет возможные миры – обстоятельства оценки, содержание, а контексты представлены по вертикальной оси.

Таблица 1

«я»	w_1	w_2	w_3
c_1 произносится Лингенсом	Лингенс	Лингенс	Лингенс
c_2 произносится Перри	Перри	Перри	Перри
c_3 произносится Катей	Катя	Катя	Катя

Как мы видим из таблицы 1, значение выражения «я» меняется в зависимости от контекста, но не меняется в зависимости от мира. Характер этого выражения – это функция, которая может выдавать различные значения. Но значение «я» не меняется в зависимости от возможного мира. Содержание этого выражения – это функция, которая принимает одно и то же значение для всех аргументов – возможных миров. Это означает, что «я» является жестким десигнатором, когда контекст произнесения «я» установлен, мы можем оценивать это выражение в разных возможных мирах, и оно будет обозначать один и тот же объект во всех возможных мирах.

В таблице 2 представлены характер и содержание высказывания «Я существую».

Таблица 2

«Я существую»	мир, где только Лингенс существует	мир, где только Перри существует	мир, где только Катя существует
произносится Лингенсом	истинно	ложно	ложно
произносится Перри	ложно	истинно	ложно
произносится Катей	ложно	ложно	истинно

Горизонтальные ряды содержат как значения «истинно», так и значения «ложно». Это показывает, что предложение «Я существую» не является необходимой истиной, вне зависимости от того, кем оно произносится Лингенсом, Перри или Катей.

Каплан выдвигает следующий тезис: когнитивное значение мысли определяется характером [Kaplan 1989], а не содержанием.

Два предложения (11) и (12) обладают разным характером.

(11) Штаны Джона Перри горят.

(12) Мои штаны горят.

Характер выражения «Джон Перри» это функция, которая для каждого контекста выдает один и тот же результат. Иными словами, значение имени собственного «Джон Перри» не зависит от контекста произнесения, неважно, кто является автором данного высказывания, это выражение все равно будет указывать на Джона Перри.

Выше мы указывали на то, что адекватная семантика индексных выражений должна предсказывать, что (13) и (14) являются априорными предложениями:

(13) Я нахожусь здесь сейчас.

(14) Я существую.

Мы не можем рассматривать такие выражения, как «я», как константы или имена собственные. Собственное имя указывает на одного и того же человека, но «я» указывает на разных людей, в зависимости от того, кто говорит. Если мы рассматриваем индексные выражения как имена собственные, мы не можем объяснить ту когнитивную роль, которую играют индексные выражения. Если мы заменим индексные выражения на имена собственные и другие референциальные термины в (15) и (16), то получившиеся предложения потеряют свой особый статус:

(15) Ваня находится в Москве в среду.

(16) Ваня существует.

Истинность этих предложений нельзя определить, не зная местоположения Вани, и не зная, жив он или нет.

Из таблицы 2 мы видим, что диагональ высказывания «Я существую» (выделено цветом) получает всегда только значение «истинно». Именно это и определяет априорный статус высказывания «Я существую». Предложения (13) и (14) являются априорными, поскольку они истинны в любом контексте. Если значение слова «я» задается контекстом, то мы корректно предсказываем, что (14) является истинным в любом контексте произнесения.

(17) $\| \text{Я существую} \|^{c,t,w,c} = \| \text{существую} \|^{c,t,w,c} (\| \text{Я} \|^{c,t,w}) = \| \text{существую} \|^{c,t,w,c}(a_c) = 1$ если и только если говорящий контекста с существует в мире контекста с.

(где a_c – это агент (говорящий) в контексте.)

То, что «существую» оценивается в мире контекста, определяется тем, что параметр возможного мира – это обычно мир произнесения предложения, если, конечно, этот параметр не был изменен каким-либо модальным оператором.

Возникает следующий важный вопрос: может быть, в таком случае, нам не нужны оба параметра: параметр возможного мира и параметр контекста? Мы видели, что параметр контекста нам необходим для адекватного анализа предложений (13) и (14). Однако несложно показать, что мы не можем также отказаться от параметра возможного мира. Параметр возможного мира требуется для анализа таких операторов, как «необходимо», «возможно»⁵⁶. Эти операторы можно представить как операторы, меняющие параметр возможного мира (18).

(18) $\| \text{необходимо } \varphi \|^{g,w,t} = 1$ ете для всех миров, достижимых из $w \|\varphi\|^{g,w,t} = 1$

Если же мы будем рассматривать эти операторы, как изменяющие параметр контекста, мы получим нежелательные результаты. В частности, мы бы предсказывали, что предложение «я существую» является необходимо истинным. Это видно из (19), где «необходимо» представлено в виде оператора, квантифицирующего по контекстам. Так как $\| \text{я существую} \|^{g,c,t}$ является истинным во всех контекстах, то при такой интерпретации необходимости мы предсказываем, что это предложение является необходимым. Однако очевидно, что данное предложение вовсе не является необходимо истинным. Если бы это было так, то предложение «Я мог бы не существовать» являлось бы ложным.

⁵⁶ Опять-таки, ранее мы представляли модальные операторы в качестве кванторов, которые сочетаются с аргументом типа $\langle s, t \rangle$. В той системе модальные операторы не изменяют напрямую мир оценки предложения. Однако мир оценки и в той системе изменялся благодаря правилу интенционального применения функции к аргументу: $\| \text{необходимо } \varphi \|^{g,w,t} = \| \text{необходимо} \|^{g,w,t} (\lambda w' \varphi \|^{g,w',t})$

(19) $\| \text{необходимо, что я существую} \|^{g,c} = 1$ ете для всех контекстов $\| \text{я существую} \|^{g,c,t} = 1$

В действительности, «необходимо» изменяет параметр возможного мира, относительно которого оценивается «я существую», просто «я» не является чувствительным к параметру возможного мира.

(20) $\| \text{необходимо, что я существую} \|^{g,w,c} = 1$ если и только если для всех миров w' , достижимых из мира w , $\| \text{существую} \|^{g,c,w',t} (\| \text{я} \|^{g,c,w',t}) = 1$, если и только если говорящий контекста s является одним из существующих объектов мира w' .

10.4. Операторы-монстры

Мы видели, что два предложения (21) и (22) обладают разной когнитивной значимостью.

(21) Штаны Джона Перри горят.

(22) Мои штаны горят.

Однако, на первый взгляд, в косвенной речи это различие утрачивается. Вне зависимости от того, какое предложение было произнесено Джоном Перри, мы будем передавать его речь при помощи (23):

(23) Джон сказал, что его штаны горят.

Выше мы рассматривали предложения (24) и (25).

(24) Вася сказал, что тот, кто говорит, устал.

(25) Вася сказал, что я устал.

(24) имеет такое прочтение, согласно которому говорящий сказал, что он сам устал. Однако слово «я» в «я устал» может указывать только на того, кто произносит (25), но не может указывать на Васю, чью речь передает данное предложение. Для того, чтобы «я» в (24) указывало на Васю, параметр контекста должен быть изменен, «я» должно оцениваться в контексте речевого акта Васи, а не в контексте речевого акта произнесения всего предложения. Дэвид Каплан полагал, что ни одно выражение в естественных языках не может изменять параметр контекста и называл их «монстрами». Такие операторы, как «необходимо», «думаю, что» могут изменять только параметр возможного мира.

Оператор-монстр может быть формально определен следующим образом [Schlenker, 2013]:

$$(26) \parallel \text{Оператор } \varphi \parallel^{c, t, w} = \lambda c' \parallel \varphi \parallel^{c', t, c'w}$$

Этот оператор будет давать нам множество контекстов или диагональ предложения. Мы видели, что именно диагональ определяет когнитивную значимость предложения.

Каплан считал, что в естественном языке такой оператор не существует и существовать не может.

Однако существуют такие языки, в которых такие выражения, как «я», могут изменять свое значение в косвенных контекстах (примеры из литературы: язык зазак и амфарский язык). Если дословно перевести (24) на такие языки, то это предложение может значить, как то, что говорящий сказал про себя, что он устал, так и то, что говорящий сказал про Ваню, что он устал.

Возможно, что русский язык является одним из таких языков.

(27) Вася₁ сказал, что я₁, мол, устал.

В последнем разделе мы более подробно рассмотрим (27).

10.5. Существуют ли операторы-монстры в русском языке?

В предложении (27) «я» может указывать на Ваню. Такое поведение не является типичным для индексикалов. Можно ли заключить, что «мол» является оператором-монстром в русском языке? Мы полагаем, что «мол» следует анализировать как оператор цитирования. Соответственно, этот оператор не является монстром в каплановском смысле. Мы можем провести ряд тестов для того, чтобы определить природу «мол».

«Мол» не требует, чтобы все индексикалы в его области действия получали смещенное прочтение.

(28) Лиля в Питере мне сказала, что, мол, надоело мне здесь работать.

«Мне» может указывать на «Лилю», и при этом «здесь» может указывать не на Санкт-Петербург, а на текущее местоположение того, кто произносит данное предложение (28).

Однако этот тест не позволяет однозначно установить, является ли «мол» оператором-монстром. В амхарском языке принцип одновременного смещения всех индексикалов также не соблюдается, при этом интенциональные операторы в этом языке являются монстрами.

Другой тест, предлагаемый в литературе, состоит в том, чтобы проверить, допускает ли оператор выдвигание элементов из его области действия. Примером выдвигания может служить вопросительное слово:

(29) Кого, Саша сказал, Маша любит?

«Маша любит» не является полным предложением, в нем не хватает объекта. Этот объект замещается вопросительным словом «кого» и выдвигается в начало предложения.

Цитируемый материал не может быть разбит и выдвигание элементов должно быть невозможно.

(30) Кого Саша сказал: «Маша любит»?

Однако, «мол» допускает выдвигание элементов.

(31) Кого Саша сказал, мол, Маша любит?

Значит ли это, что «мол» не является оператором цитирования? Мы полагаем, что нет.

Существует такой феномен, как смешанное цитирование. Смешанное цитирование не запрещает выдвигание элементов:

(32) Кого, Саша сказал, Маша «любит»?

Феномен смешанного цитирования состоит в том, что часть предложения выражена словами в обычном значении, а часть слов цитируется. При этом та часть, которая цитируется, представляет собой органичную часть предложения. Цитируемое предложение не только упоминается, но и используется, т. е. не только указывает на слова, которые были произнесены, но сохраняет свое обычное значение.

(33) Лиля отказалась участвовать в «этом дурацком мероприятии».

В (33) объект глагола «участвовать» выражен при помощи материала, который заключен в кавычки. Без этого материала предложение является неполным. При этом кавычки указывают на то, что Лиля использовала эти слова, когда отказывалась от участия.

Можно ли провести какие-либо дополнительные тесты, чтобы установить, является ли в действительности «мол» показателем частичного цитирования? Оператор цитирования должен быть способен изменить значение любых выражений с их обычного значения на цитируемое. На наш взгляд, «мол» ведет себя именно так. В (34) «мол» используется с обращением, что не допускается в обычной косвенной речи, как это показано в (35). В (36) «интересантненько» не является словом русского языка, однако, «мол» указывает на то, что Саша произнес это слово.

(34) А Саша и говорит мне, мол, Марфинька, не стоит ходить туда

(35) # Саша сказал мне, что, Марфинька, не надо ходить туда

(36) Саша, как обычно, завелся: мол, интересантненько, получилось

Именно возможность такого использования может показать, что «мол» вводит цитирование.

На первый взгляд, проблемой для анализа «мол» как оператора смешанного цитирования является тот факт, что «мол» не требует точной передачи слов. «Мол» может передавать мысли или даже предполагаемые мысли.

(37) Лиля подумала, мол, попала я.

(38) Лиля резко встала, мол, разговор окончен.

С другой стороны, обычное цитирование также возможно в сходных ситуациях:

(39) Лиля подумала: «я попала»

(40) Лиля резко встала, как бы говоря: «Разговор окончен».

Эти примеры показывают, что цитирование может использоваться, даже когда не было произнесения слов или четко выраженной предложением мысли. Таким образом, в действительности эти примеры показывают, что цитирование нельзя определить просто как оператор, который меняет значение выражений и делает объектом указания сами выражения. Ведь в случае с использованием цитирования для передачи мысли мы не указываем на слова, поскольку эта мысль не была выражена в словах. В случае с (38) речь даже не идет о каких-то конкретных мыслях или словах. Теория цитирования должна предложить объяснение для этого феномена.

Однако никакой отдельной проблемы, связанной с использованием «мол» здесь нет. «Мол» в этом смысле ведет себя как обычный оператор цитирования, а именно кавычки. Данный факт может быть затруднением для теорий цитирования, где цитирование понимается как упоминание произнесенных знаков.

Существует также такой феномен, как свободная непрямая речь.

(41) Лиля была расстроена. Неужели она пропала? Неужели ключ не найдется?

В (41) второе и третье предложение передают мысли Лили, однако, они не вводятся словами «она подумала, что». Этот феномен называется «свободная непрякая речь». Эта речь не является прямой, потому что во втором предложении используется местоимение третьего лица, а не местоимение первого лица.

(42) # Лилия была расстроена. Неужели, я пропала.

Если же используется местоимение первого лица, то оно не может быть понято как указывающее на Лилию, «я» во втором предложении в (42) указывает на того, кто произносит (42). «Мол» также может использоваться в свободной непрякой речи.

(43) Лилия сияла счастьем. Мол, вот оно долгожданное повышение.

Можно ли говорить о том, что «мол» является оператором, который вводит свободную непрякую речь?

Шарвит [Sharvit, 2008] выдвигает следующий тезис: если в некотором языке такие индексные выражения, как «я», указывают на говорящего, когда используются в косвенных контекстах (т. е. индексикалы не могут быть смещены в косвенных контекстах), то в этом языке индексикалы будут указывать на говорящего и в свободной непрякой речи. Именно это мы и наблюдаем в (43). Таким образом, будет недостаточно просто сказать, что «мол» является показателем свободной непрякой речи. Само по себе это не может служить объяснением для смещенного прочтения индексикалов, поскольку в свободной непрякой речи индексикалы получают свое обычное несмещенное прочтение. При цитировании, однако, индексикалы получают смещенное прочтение:

(44) Лилия подумала: «Я хотела бы выиграть этот конкурс».

В (44) «я» указывает на Лиллю, а не на говорящего.

Другая причина, по которой «мол» не является оператором, который вводит свободную непрямую речь, состоит в том, что «мол» свободно может оказываться в области действия интенциональных глаголов-операторов таких, как «подумал, что», «сказал, что». Свободная непрякая речь именно и определяется, как косвенная речь, которая не вводится никаким оператором.

(45) Катя подумала, мол, пора и честь знать.

Другая проблема, связанная с анализом «мол» как оператора смешанного цитирования состоит в том, что «мол», в отличие от кавычек, не требует обязательного смещения значения индексикалов, а также допускает использование местоимений третьего лица для указания на автора косвенной речи.

(46) #Катя₁ сказала: «Она₁ должна идти».

(47) Катя₁ сказала, что мол она₁ должна идти.

(48) Катя₁ сказала, что мол я₁ должна идти.

Прочтение (46), при котором «Катя» и «она» указывают на одно и то же лицо, невозможно (что мы показываем знаком #). Однако оба предложения (47) и (48) возможны в таком прочтении. Это означает, что между «мол» и кавычками есть различие. Можно ли в рамках теории о том, что «мол» является оператором цитирования объяснить (47)?

Можно сказать, к примеру, что в (47) «она» не находится в сфере действия оператора «мол». В таком случае, «мол» является необычным оператором, его положение в предложении не определяет то, какие выражения находятся в области его действия, не определяет то, где начинается и где заканчивается область его действия. Данная проблема, на наш взгляд, является самой серьезной для данного подхода.

Область действия других операторов, например, «считать, что» обычно начинается с выражений, стоящих справа от него в предложении. Из этого правила возможны исключения. Известно, что некоторые именные группы могут получать прочтение *de re*. Так, например, (49) может использоваться для описания верования Лили в ситуации когда она видела некоторого человека, который выходит из ее подъезда, и считает, что он живет в ее доме. При этом она не

знает, что он мой брат. «Мой брат» не входит в область действия оператора «считает, что», это выражение не оценивается с точки зрения возможных миров, совместимых с верованием Лили.

(49) Лилия считает, что мой брат живет в ее доме.

Один из подходов к объяснению возможности прочтения *de re* состоит в том, что «мой брат» на уровне логической формы совершает передвижение и оказывается вне сферы действия «считает, что», как мы это видели в главе, посвященной сообщениям о верованиях. Согласно данному подходу, поверхностное положение выражения «мой брат» не совпадает с его положением в логической форме предложения.

Мы могли бы использовать сходную стратегию для объяснения (47). «Она» оказывается вне сферы действия «мол», потому что одно из этих выражений совершает передвижение на уровне логической формы.

Другой подход к решению данной проблемы состоит в том, чтобы не рассматривать «мол» как оператор цитирования. Оператор цитирования является непроизносимым элементом в предложении, а «мол» просто сигнализирует, что некоторые выражения в предложении претерпели изменения значения (с обычного значения на цитируемое).

Другой интересный случай с индексными выражениями в русском языке представлен словом «сейчас». Данное выражение, согласно теории Каплана, является индексикалом и должно указывать на время контекста произнесения предложения. Однако несложно продемонстрировать, что в русском языке слово «сейчас» имеет гораздо более свободное употребление. «Сейчас» может иметь связанное прочтение, а также может указывать на контекстно релевантное время, не связанное с временем произнесения выражения.

(50) Я весь день в окно глядела, думала, сейчас она прикатит.

В (50) «сейчас» получает связанное прочтение. (50) сообщает, что для каждого момента в течение дня автор думала, что в этот момент она прикатит.

(51) Она звонила сегодня рано утром. Сказала, что прямо сейчас уезжает и прийти не сможет.

В (51) «сейчас» указывает не на время произнесения (51). «Сейчас» указывает на время рано утром, когда состоялся телефонный разговор.

В (52) представлен другой пример того же феномена:

(52) Катя рассказывала тетке, что смотрела на него, смотрела и все думала, что сейчас заплачет и что плакать ни в коем случае нельзя. (пример из google)

Такие прочтения не согласуются с теорией Каплана. В (50), (51) и (52) отсутствует «мол» или какой-либо другой оператор цитирования. Возможно, что в русском языке, в отличие от английского, «сейчас» не является индексным выражением. Мы могли бы интерпретировать «сейчас» как переменную, которая получает значение от приписывающей функции или может получать связанное прочтение. В таком случае, «сейчас» будет указывать на контекстно релевантное время. «Сейчас» будет анализироваться также, как обычное местоимение: «он» или «она». Однако этот подход имеет свои сложности. В частности, «сейчас» получает такие смещенные прочтения только при наличии интенционального оператора, такого как «думать», «считать». Если бы «сейчас» было бы обычным местоимением, тогда (54) могло бы иметь такое же значение, как и (53). Однако такое прочтение отсутствует.

(53) Каждый раз, когда мы идем в школу, тебе нужно зайти в магазин именно в тот момент.

(54) Каждый раз, когда мы идем в школу, тебе нужно зайти в магазин именно сейчас.

Возможно, в русском языке интенциональные операторы (пропозициональные установки) являются точно такими же операторами, способными манипулировать контекстом, как пропозициональные установки в амхарском языке. Используя терминологию Каплана, выражения «считать, что», «думать, что» являются монстрами в русском языке.

Проблема с этой гипотезой состоит в том, что пропозициональные установки в русском языке не способны смещать значение других индексикалов, кроме «сейчас», что мы наблюдали на примере с «я». Для того, чтобы получить смещенное прочтения для «я», нам нужно использовать оператор смешанного цитиро-

вания «мол», самого пропозиционального глагола не достаточно. Возможно, что в некоторых естественных языках есть операторы-монстры, которые являются кванторами, которые связывают контекстуальные переменные. В таком случае возможно, что некоторые выражения могут быть связанными операторами, манипулирующими контекстами (например, «сейчас» в русском языке), а другие оставаться свободными (например, «я» в русском языке). В рамках такого подхода пропозициональные глаголы в русском языке вводят квантификацию по контекстам, однако «я» всегда оказывается вне области действия данного квантора.

Таким образом, русский язык может быть свидетельством того, что доступность смещенного прочтения индексикалов зависит не только от оператора, но и от самого индексикала. Требуется дополнительное межязыковое исследование на данную тему.

Мы рассмотрели семантику индексных выражений, сформулированную в работах Д. Каплана. Были проанализированы основные свойства индексных выражений.

Была рассмотрена возможность смещенного прочтения индексных выражений в русском языке. При таком прочтении индексикал указывает на не того, кто произносит предложение, а на того, кому приписывается косвенная речь. Было показано, что частица «мол» в русском языке должна анализироваться как оператор смешанного цитирования, а не как оператор-монстр в каплановском смысле. Было также продемонстрировано, что индексикал «сейчас» в русском языке может получать смещенное прочтение, когда оказывается в области действия интенционального оператора.

Заключение

В данной книге мы попытались представить современное состояние формальных исследований значения естественно-языковых выражений в аспектах, релевантных для философской проблематики. Мы обсудили методологическую установку формальной семантики на естественный язык, как самостоятельную знаковую систему, не являющуюся в своих фундаментальных структурных аспектах конвенциональной или как-либо иначе зависимой от контекста употребления, языковой игры и подобных прагматических факторов, а потому доступную для строгого анализа. Мы представили ряд направлений, по которым сегодня осуществляются формально-семантические исследования. При этом мы стремились выбрать именно те, которые могут быть наиболее знакомы и интересны нашим коллегам философам, работающим в смежных областях. Поэтому для нас было важно выявить ту связь, которые современные формально-семантические исследования имеют с работами классиков аналитической философии.

Разумеется, целые проблемные пласты, важные как для современной философии языка, так и для теоретической лингвистики остались за рамками предложенного здесь рассмотрения. Наше желание вместить в ограниченный объем данной книги побольше релевантного материала и так зачастую реализовывалось за счет стиля и последовательности нашего изложения. Между тем, мы надеемся, что представленная экспозиция позволит не только познакомить интересующихся читателей с современными философскими проблемами языкознания, но и создаст задел для дальнейших исследований в этой области в отечественной среде.

Список литературы

- Лебедев, Черняк (ред.), 2004 – Аналитическая философия. Учеб. / Ред.: М.В. Лебедев, А.З. Черняк. М.: РУДН, 2004. 740 с.
- Андреев, Митрофанова, Соколов, 2014 – *Андреев А.В., Митрофанова О.А., Соколов К.В.* Введение в формальную семантику. СПб.: СПбГУ. РИО. Филол. фак., 2014. 88 с.
- Антоновский, 2010 – *Антоновский А.Ю.* Парадоксы Геттиера и их преодоление в семантическом контекстуализме // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2010. № 4. С. 101–118.
- Бах, 2010 – *Бах Э.* Неформальные лекции по формальной семантике. М.: УРСС, 2010. 224 с.
- Витгенштейн, 1994 (1921) – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612с.
- Витгенштейн, 1994 (1952) – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612с.
- Вострикова, 2013 – *Вострикова Е.В.* Против теории номинального ограничения естественно-языковых кванторов // *Философия языка и формальная семантика.* М.: Альфа-М, 2013. С. 43–71.
- Герасимова, 2000 – *Герасимова И.А.* Формальная грамматика и интенсиональная логика. М.: ИФ РАН, 2000. 156 с.
- Грайс, 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.
- Гуссерль, 1994 – *Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
- Дэвидсон, 1986 – *Дэвидсон Д.* Истина и значение // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 18: Логический анализ естественного языка / Пер. с англ. Сост., общ. ред. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. 391 с.
- Карнап, (1931) 1998 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // *Аналитическая философия (антология).* М.: Дом интеллект. кн.; Прогресс-Традиция. 1998. С. 69–90.
- Карнап, (1932) 2006 – *Карнап Р.* О протокольных предложениях // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2006. № 1. С. 219–231.
- Карнап, (1947) 2000 – *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. Биробиджан: Тривиум, 2000. 384 с.

- Касавин, 2011 – *Касавин И.Т.* Познание и язык // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2011. № 4. С. 5–15.
- Крафт, 2003 – *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М.: Идея-Пресс, 2003. 224 с.
- Куайн, (1960) 2000 – *Куайн У.* Слово и объект. М.: Логос; Праксис, 2000. 386 с.
- Куайн, (1956) 2012 – *Куайн У.* Кванторы и пропозициональные установки // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2012. № 3. С. 213–225.
- Куслий, 2007 – *Куслий П.С.* Язык и онтологическая относительность: Дис... кандидата филос. наук. М., 2007. 158 с.
- Куслий, 2011 – *Куслий П.С.* Разгадка контекстов мнения в семантике // *Язык – знание – реальность.* М.: Альфа-М, 2011. С. 184–200.
- Кюннг, 1999 – *Кюннг Г.* Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллект. кн., 1999. 240 с.
- Ладов, 2009 – *Ладов В.А.* Проблема реальности в аналитической философии // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2009. № 4. С. 30–49.
- Ладов, 2010 – *Ладов В.А.* Онтологическая проблематика в аналитической философии // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2010. № 1. С. 84–97.
- Ледников, 1973 – *Ледников Е.Е.* Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев: Наук. думка, 1973. 223 с.
- Ледников, 2009 – *Ледников Е.Е.* Онтологическая проблематика в свете аналитической философии // *Логос.* 2009. № 2 (70). С. 37–43.
- Лекторский, 2012a – *Лекторский В.А.* Предисловие // *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ.* М.: ИФ РАН, 2012. С. 3–4.
- Лекторский, 2012b – *Лекторский В.А.* Релятивизм, плюрализм и диалог // *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ.* М.: ИФ РАН, 2012. С. 5–28.
- Макеева, 2011 – *Маеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2011. 440 с.
- Маркова, 2010 – *Маркова Л.А.* Нелогические основания научного мышления // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2010. № 2. С. 28–43.
- Маркова, 2011 – *Маркова Л.А.* Есть ли место смыслу в современной эпистемологии // *Язык – знание – реальность.* М.: Альфа-М, 2011. С. 87–103.
- Микешина, 2004 – *Микешина Л.А.* Релятивизм как эпистемологическая проблема // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2004. № 1. С. 53–63.

Микешина, 2012 – *Микешина Л.А.* Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2012. № 2. С. 34–49.

Микиртумов, 2016 – *Микиртумов И.Б.* Некомпозициональность и интендируемый смысл // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2016. № 3. С. 87–103.

Митренина, Романова, Слюсарь, 2011 – *Митренина О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А.* Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2011. 376 с.

Моррис (1938) 1983 – *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // *Семиотика: сб. пер.* М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

Никифоров, 2011 – *Никифоров А.Л.* Чувственно-вербальное построение мира // *Язык – знание – реальность.* М.: Альфа-М, 2011. С. 9–65.

Никифоров, 2012 – *Никифоров А.Л.* Онтологический статус имен собственных // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2012. № 2. С. 50–58.

Остин, 1999 – *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов // *Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс Дом интеллект. кн., 1999. 332 с.

Падучева, 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования. М.: Яз. славян. культуры., 1996. 480 с.

Падучева, Успенский, 1979 – *Падучева Е.В., Успенский В.А.* Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в бинаминальных предложениях // *Изв. Акад. СССР. Сер. Литературы и языка.* Т. 38. № 4. 1979. С. 349–360.

Пинкер, 2004 – *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: URSS, 2004. 464 с.

Райл, 2000 – *Райл Г.* Понятие сознания / Пер. с англ. Общ. ред. В.П. Филатова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллект. кн., 2000. 408 с.

Рассел, (1905) 2002 – *Рассел Б.* Об обозначении // *Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев.* Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. С. 7–23.

Рассел, 1999 – *Рассел Б.* Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999. 192 с.

Тарский, 1998 – *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // *Аналитическая философия (антология).* М.: Дом интеллект. кн.; Прогресс-Традиция. 1998. С. 90–129.

Татевосов, 2013 – *Татевосов С. Г.* Семантика события как эмпирическая проблема // *Философия языка и формальная семантика / Ред. П.С. Куслий.* М.: Альфа-М, 2013. С. 9–42.

Тестелец, 2001 – *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.

Тискин, 2013 – *Тискин Д.Б.* Третье прочтение и проблемы референциальной непрозрачности: Тез. докл. на семинаре «Логика и философия языка» ИФ РАН. URL: <http://www.academia.edu/4821470/>_ (дата обращения: 22.02.2016).

Тискин, 2017 – *Тискин Д.Б.* Логико-семантический анализ явлений неререференциальной прозрачности в высказываниях о пропозициональных установках: Дис... кандидата филос. наук. СПбГУ, 2017. 180 с.

Уорф, 1960а – *Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 169–182.

Уорф, 1960б – *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.

Фреге, (1879) 2000а – *Фреге Г.* Исчисление понятий, язык формул чистого мышления, построенный по образцу арифметического // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 63–142.

Фреге, (1892) 2000б – *Фреге Г.* О смысле и значении / Пер. с нем. Б.В. Бюрюкова // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

Фреге, 2000с – *Фреге Г.* Структура мысли / Пер. с нем. Б.В. Бюрюкова // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 356–370.

Фреге, 2000d – *Фреге Г.* Функция и понятие / Пер. с нем. Б.В. Бюрюкова // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 215–229.

Хомский, 1962 – *Хомский Н.* Синтаксические структуры = Syntactic Structures // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 412–527.

Черняк, 2011 – *Черняк А.З.* Знание, смысл, референция // Язык – знание – реальность / Ред.: И.Т. Касавин, П.С. Куслий. М.: Альфа-М, 2011. С. 215–236.

Швырев, 1966 – *Швырев В.С.* Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.: Наука, 1966. 214 с.

Abusch, 1997 – *Abusch D.* Sequence of Tense and Temporal De Re // *Linguistics and Philosophy*. 1997. No. 20. P. 1–50.

Anderson, 2006 – *Anderson J.* The Grammar of Names. Oxford: Oxford University Press, 2006. 388 p.

Bach, 1994 – *Bach K.* Conversational Implicature // *Mind & Language*. 1994. Vol. 9. No. 2. P. 124–162.

Bach, 2002 – *Bach K.* Giorgione was so-called because of his name // *Philosophical Perspectives*. 2002. No. 16. P. 73–103.

Bach, 1997 – *Bach K.* The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters // *Pragmatik*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1997. P. 33–50.

- Bach, 2005a – *Bach K.* Context ex machina // Semantics vs pragmatics / Ed. Z. Szabo. Oxford: Oxford University Press, 2005. 465 p.
- Bach, 2005b – *Bach K.* Minimalism for Dummies. 2005. URL: <http://userwww.sfsu.edu/~kbach/repolytoC&L.pdf> (дата обращения: 01.02.2015).
- Bach, 1993 – *Bach K.* Thought and Reference. Oxford: Oxford University Press, 1993. 305 p.
- Bach, 1994 – *Bach K.* Semantic Slack // Foundations of Speech Act Theory / S.L. Tsohatzidis (ed.). L.; N. Y.: Routledge, 1994. P. 267–291.
- Barwise, Cooper, 1981 – *Barwise J., Cooper R.* Generalized quantifiers and natural language // Linguistics and philosophy. 1981. Vol. 4. No. 2. P. 159–219.
- Bhatt, Pancheva, 2006 – *Bhatt R., Pancheva R.* 2006. Conditionals. // The Blackwell Companion to Syntax / Ed. by M. Everaert and H. Riemsdijk. Vol. 1. Malden, MA: Blackwell, 2006. P. 638–687.
- Bonomi, 1995 – *Bonomi A.* Transparency and specificity in intensional contexts // On Quine / Ed. by P. Leonardi and M. Santambrogio. N. Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 164–185.
- Borg, 2004 – *Borg E.* Minimal Semantics. Oxford: Clarendon Press, 2004. 288 p.
- Burge, 1973 – *Burge T.* Reference and proper names // Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70. No. 14. P. 425–39.
- Buring D. – *Buring D.* Binding Theory. N. Y.: Cambridge University Press, 2005. 281 p.
- Cappelen, Lepore, 2005 – *Cappelen H., Lepore E.* Insensitive semantics. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2005. 219 p.
- Cappelen H., Lepore E. 2003. – *Cappelen H., Lepore E.* Radical and Moderate Pragmatics: Does Meaning Determine Truth Conditions? // Semantics vs pragmatics / Ed. Z. Szabo. Oxford: Oxford University Press, 2005. 465 p.
- Carnap, 1936 – *Carnap R.* Testability and Meaning // Philosophy of Science. 1936. Vol. 3. No. 4. P. 419–471.
- Carnap, 1967 – *Carnap R.* The Logical Structure of the World. Berkeley, CA: University of California, 1967. 183 p.
- Charlow and Sharvit 2014 – *Charlow S., Sharvit Y.* Bound ‘de re’ pronouns and the LFs of attitude reports // Semantics and Pragmatics. 2014. Vol. 7. No. 3. P. 1–43.
- Chomsky, 1981 – *Chomsky N.* Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981.
- Chomsky, 1982 – *Chomsky N.* Some Concept and Consequences of the Theory of Government and Binding. Cambridge, MA: MIT Press, 1982. 371 p.
- Chomsky, 1995 – *Chomsky N.* The minimalist program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 420 p.
- Cresswell, 2012 – *Cresswell M.J.* Entities and Indices. Dodrecht: Springer Netherlands, 2012. 274 p.

Cresswell & von Stechow, 1982 – *Cresswell, Maxwell J. & Arnim von Stechow*. De re belief generalized // *Linguistics and Philosophy*. 1982. Vol. 5. No. 4. P. 503–535.

Davidson, 1967 – *Davidson D*. The logical form of action sentences // *The Logic of Decision and Action* / Ed. by N. Rescher. Pittsburg, 1967. P. 81–95.

Davidson, 1980 – *Davidson D*. The Logical Form of Action Sentences // *Essays on Actions and Events*. 3 ed. N. Y.: Clarendon Press, 1967. P. 105–122.

DeGraff, 2005 – *DeGraff M*. 2005. Linguists' Most Dangerous Myth: The Fallacy of Creole Exceptionism // *Language in Society*. 1967. No. 34. P. 533–591.

DeRose, 1991 – *DeRose K*. Epistemic Possibilities // *Philosophical Review*. 1991. Vol. 100. P. 581–605.

Devitt, 2004 – *Devitt M*. The case for referential descriptions // *Description and beyond* / Ed. by V. Reimer and A. Bezuidenhout. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 280–305.

Egan, 2007 – *Egan A*. Epistemic Modals, Relativism, and Assertion // *Philosophical Studies*. 2007. Vol. 133. P. 1–22.

Elbourne, 2005 – *Elbourne P*. Situations and individuals. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 234 p.

Elbourne, 2013 – *Elbourne P*. Definite Descriptions. Oxford: Oxford University Press, 2013. 272 p.

Elbourne, 2008 – *Elbourne P*. Implicit content and the argument from binding // *Proceedings of SALT 18* / T. Friedman & S. Ito (eds.). eLanguage, 2008. 777 p.

Fodor, Lepore, 1991 – *Fodor J., Lepore E*. Holism: A Shopper's Guide. Hoboken: Wiley-Blackwell, 1991. 292 p.

Fodor, 1970 – *Fodor J.D*. The linguistic description of opaque contexts // PhD Thesis, Massachusetts Inst. of Technology, Cambridge. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970. 358 p.

Frank, 1996 – *Frank A*. Context Dependence in Modal Constructions // Doctoral Dissertation, Institut für maschinelle Sprachverarbeitung. Stuttgart, 1996. 433 p.

Gamut, 1991a – *Gamut L.T.F*. Logic, Language, and Meaning. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 296 p.

Gamut, 1991b – *Gamut L.T.F*. Logic, Language, and Meaning. Vol. 2. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 366 p.

Geurts, 1997 – *Geurts B*. Good news about the description theory of names // *Journal of semantics*. 1997. No. 14. P. 319–348.

Geurts, 1998 – *Geurts B*. Presuppositions and anaphors in attitude contexts // *Linguistics and Philosophy*. 1998. Vol. 21. P. 545–601.

Grice, 1989, – *Grice P*. Studies in the Way of Words. Cambridge MA: Harvard University Press, 1989. 406 p.

Heim, 2000 – *Heim I.* Degree Operators and Scope // Semantics and linguistic theory. 2000. Vol. 10. P. 40–64.

Heim, Kratzer, 1998 – *Heim I., Kratzer A.* Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell publishers Ltd, 1998. – 324 p.

Heim, 1994 – *Heim I.* Comments on Abusch's theory of tense // Ellipsis, tense and questions / Ed. by H. Kamp. Amsterdam: University of Amsterdam, 1994. P. 143–170.

Higginbotham, 1986 – *Higginbotham J.* Linguistic Theory and Davidson's Program in Semantics // Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson / Ed. by E. Lepore. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 29–48.

Hintikka, 1969 – *Hintikka J.* Semantics for propositional attitudes // Philosophical logic / Ed. by J.W. Davis, D.J. Hockney & W.K. Wilson. Dordrecht: Reidel, 1969. P. 21–45.

Huddleston, 1984 – *Huddleston R.D.* An Introduction to the Grammar of English. Cambridge: Ithaca: Cornell University, 1984. 520 p.

Jackendoff, 2008 – *Jackendoff R.* Patterns In The Mind: Language And Human Nature. N. Y.: Basic Books, 2008. 246 p.

Janssen, 2012 – *Janssen T.* Montague Semantics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter Edition) / Ed. by E.N. Zalta. 2012. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/montague-semantics> (дата обращения: 20.12.2015).

Kaplan, 1989 – *Kaplan D.* Demonstratives // Themes from Kaplan. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.

Kaplan, 1968 – *Kaplan D.* Quantifying In // Synthese. 1968. Vol. 19. No. 1. P. 178–214.

Kemeny, 1957 – *Kemeny J.* Semantics as Branch of Logic // Encyclopedia Britannica. Vol. 20. 1957.

Kennedy, 1999 – *Kennedy C.* Projecting the Adjective: The Syntax and Semantics of Gradability and Comparison. N. Y.: Garland Press, 1999. 304 p.

Keshet, 2008 – *Keshet E.* Good Intensions: Paving Two Roads to a Theory of Good Intensions: Paving Two Roads to a Theory of the De re / De dicto Distinction. Ph. D. thesis, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, 2008. 165 p.

Klein, 1994 – *Klein W.* Time in Language. L.; N. Y.: Routledge, 1994. 260 p.

Korta, Perry, 2011 – *Korta K., Perry J.* Pragmatics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2015 Edition) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/pragmatics/> (дата обращения: 14.10.2015).

Kratzer, 1977 – *Kratzer A.* What «Must» and «Can» Must and Can Mean // Linguistics and Philosophy. 1977. Vol. 1. No. 3. P. 337–355.

Kratzer, 1989 – *Kratzer A.* An investigation of the lumps of thought // Linguistics and Philosophy. 1989. No. 12. P. 607–653.

Kratzer, 1995 – *Kratzer A.* Stage-Level and Individual-Level Predicates as Inherent Generics // *The Generic Book* / Ed. by G. Carlson, F. Pelletier. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995. P. 125–175.

Kratzer, 1996 – *Kratzer A.* Severing the External Argument from its Verb // *Rooryck Journal*. Zaring, Laurie (eds.) *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1996. P. 109–137.

Kratzer, 2010 – *Kratzer A.* Situations in natural language semantics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2010 ed.) / Ed. by E.N. Zalta). URL: <<http://plato.stanford.edu/archives/fall2010/entries/situations-semantics/>> (дата обращения: 14.10.2015).

Kratzer, 1986 – *Kratzer, A.* “Conditionals” *Chicago Linguistics Society*. 1986. 22(2). P. 1–15. [also in Arnim von Stechow and Dieter Wunderlich (eds.), *Semantik: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*, 1991, Berlin: de Gruyter. P. 651–656].

Kripke, 1979 – *Kripke S.* A Puzzle About Belief // *Meaning and Use* / Ed. by Margalit, Avishai. Dordrecht: Reidel, 1979. P. 239–283.

Kripke, 1980 – *Kripke S.* Naming and Necessity. Harvard, 1980. 172 p.

Leslie, 2009 – *Leslie S.J.* ‘If’, ‘Unless’, and Quantification // *Compositionality, Context and Semantics. Studies in Linguistics and Philosophy (SLAP)* / Ed. by R. Stainton and C. Viger. Vol. 85. Dordrecht: Springer, 2009. P. 3–30.

Lewis, 1979 – *Lewis D.* Attitudes de dicto and de se // *Philosophical Review*. 1979. Vol. 88. No. 4. P. 513–543.

Lewis, 1986 – *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Oxford, 1986. – 286 p.

Lewis, 1975 – *Lewis D.* Adverbs of Quantification // *Formal Semantics of Natural Language* / Ed. by E. Keenan. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 3–15.

Percus, 2000 – *Percus O.* Constraints on Some Other Variables in Syntax // *Natural Language Semantics*. 2000. Vol. 8. P. 173–229.

MacFarlane, 2004 – *MacFarlane J.* Epistemic Modalities and Relative Truth. 2004. URL: // <http://socrates.berkeley.edu/~jmacf/epistmod>. Pdf (дата обращения: 26.05.2015).

Maier, 2009 – *Maier E.* Proper Names and Indexicals Trigger Rigid Presuppositions // *Journal of Semantics*. 2009. No. 26. P. 253–315.

Matushansky, 2006 – *Matushansky O.* Why Rose is the Rose: On the use of definite articles in proper names // *Empirical Issues in Syntax and Semantics 6* / Ed. by O. Bonami & P. Cabredo Hofherr. 2006. P. 285–307.

Matushansky, 2008 – *Matushansky O.* On the Linguistic Complexity of Proper Names // *Linguistics and Philosophy*. 2008. Vol. 31. No. 5. P. 573–627.

May, 1985 – *May R.* Logical form in linguistics // R.A. Wilson and F.C. Keil (eds.) *MIT Encyclopedia of cognitive sciences*. 1985. P. 486–488.

May, 1991 – *May R.* Syntax, semantics, and logical form // The Chomskyan Turn / Ed. by Asa Kasher. Oxford: Blackwell, 1991. P. 353.

Mill, 1843 – *Mill J. S.* System of Logic. VI. L.: J.W. Parker, West Strand, 1874. 580 p.

Montague, 1970 – *Montague R.* English as a Formal Language // Linguaggi nella società e nella tecnica / Ed. by Visentini, Bruno et al. Milan: Edizioni di Comunità, 1970. P. 189–224.

Montague, 1973 – *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Approaches to Natural Language / Ed. by J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes. Dordrecht, 1973. P. 221–242.

Montague, 1974a – *Montague R.* Pragmatics // *Montague R.* Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. by R.H. Thomason. New Haven; L.: Yale University press, 1974. P. 95–118.

Montague, 1974b – *Montague R.* Universal Grammar // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. by R.H. Thomason. New Haven; L.: Yale University press, 1974. P. 222–246.

Neale, 1990 – *Neale S.* Descriptions. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 286 p.

Partee, 1989 – *Partee B.* Binding implicit variables in quantified contexts // Papers from the 25th Regional Meeting; Parasession on Language in Context. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1989. P. 325–365.

Partee, 1998 – *Partee B.* Copula Inversion Puzzles in English and Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Seattle Meeting 1998 / Ed. by K. Dziwirek, H. Coats and C. Vakareliyska. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 361–395.

Partee, 2011 – *Partee B.* Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact // Formal Semantics and Pragmatics: Discourse, Context, and Models. 2011. Vol. 6. P. 1–52.

Partee, 1973 – *Partee B.* Some Structural Analogies between Tenses and Pronouns in English // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70. No. 18. P. 601–609.

Partee, 1986 – *Partee B.* Noun phrase interpretation and type-shifting principles // Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers / Ed. by J. Groenendijk, D. de Jongh and M. Stokhof. Dordrecht: Foris, 1986. P. 115–143.

Partee, 1978 – *Partee B.* Bound variables and other anaphors // Theoretical Issues in Natural Language Processing. 2 (TINLAP-2) / Ed. by D.L. Waltz. 79–85. Urbana, IL: University of Illinois, 1978. Reprinted in Partee, H. Barbara. 2004. Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by H. Barbara. Partee. Oxford: Blackwell. P. 110–121.

Paslawska, Von Stechow, 2003 – *Paslawska A., Von Stechow A.* Perfect Readings in Russian // Perfect Explorations. 2003. 2, 307. P. 307–362.

Pelczar, Rainsbury, 1998 – *Pelczar M., Rainsbury J.* The Indexical Character of Names // *Synthese*. 1998. Vol. 114. No. 2. P. 293–317.

Percus, Sauerland, 2003 – *Percus O., Sauerland U.* On the LFs of attitude reports // *Proceedings of the Conference “SuB7 – Sinn und Bedeutung”* / Ed. by M. Weisgerber. Universität Konstanz, Germany, 2003. P. 228–242.

Percus, 2000 – *Percus O.* Constraints on some other variables in syntax // *Natural Language Semantics*. 2000. Vol. 8. P. 173–229.

Perry, 1986 – *Perry J.* Thought without Representation // *Proceedings of the Aristotelian Society Supplementary*. 1986. Vol. 60. P. 263–283; reprinted in the *Problem of the Essential Indexical and Other Essays*, Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 205–218.

Perry, 1993 – *Perry J.* The problem of the essential indexical // *The problem of the essential indexical and other essays*. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 3–52.

Perry, 1998 – *Perry J.* Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. December 12 // *Proceedings of the 1995 CSLI-Armsterdam Logic, Language and Computation Conference*. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 1–16.

Potts, 2002 – *Potts C.* No vacuous quantification constraints in syntax // *Proceedings of NELS 33*. 2002. P. 451–470.

Preyer, Peter (eds.), 2005 – *Contextualism in Philosophy* / Ed. by G. Preyer, G. Peter. Oxford: Clarendon Press, 2005. 416 p.

Preyer, Peter (eds.), 2007. – *Context Sensitivity and Semantic Minimalism* / Ed. by G. Preyer, G. Peter. Oxford: Oxford University press, 2007 363 p.

Prior, 1967 – *Prior A.N.* Past, Present, and Future. Oxford: Clarendon Press, 1967. 217 p.

Quine, 1939 – *Quine W.V.* Designation and Existence // *The Journal of Philosophy*. 1939. No. 36. P. 706–707.

Quine, 1951 – *Quine W.V.* Two dogmas of empiricism. *Philosophical Review*. 1951. Vol. 60. No. 1.

Quine, 1969a – *Quine W.V.* Epistemology Naturalized // *Ontological Relativity and Other Essays*. N. Y.: Columbia University Press, 1969. P. 69–90.

Quine, 1969b – *Quine W.V.* Ontological Relativity // *Ontological Relativity and Other Essays*. N. Y.: Columbia University Press, 1969. P. 26–68.

Recanati, 1987 – *Recanati F.* Direct reference: From language to thought. Oxford: Blackwell Publishing, 1987. 436 p.

Recanati, 2000 – *Recanati F.* Unarticulated Constituents // *Linguistics and Philosophy*. 2000. No. 20. P. 229–345.

Recanati, 2004 – *Recanati F.* Literal Meaning. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 179 p.

Recanati, 2010 – *Recanati F.* Truth conditional pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2010. 334 p.

- Reichenbach, 1947 – *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: McMillan Co. 1947. 444 p.
- Romoli, Sudo, 2009 – *Romoli J., Sudo Y.* De re/de dicto ambiguity and presupposition projection. Proceedings of Sinn und Bedeutung 13. Stuttgart: Online Publikationsverbund der Universität Stuttgart, 2009. 302 p.
- Ross, 1967 – *Ross J.* Constraints on Variables in Syntax. Doctoral Dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1967. 523 p.
- Russell, 1905 – *Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. No. 14. P. 479–493.
- Russel, 1957 – *Russell B.* Mr. Strawson on Referring // *Mind*. 1957. Vol. 66. No. 263. P. 385–389.
- Sæbø, 2013 – *Sæbø K.J.* Lessons from Descriptive Indexicals. *Semantics and Philosophy in Europe* 6. URL: <http://spebconference.files.wordpress.com/2013/07/saebøe.pdf> (дата обращения: 01.08.2014).
- Schlenker, 2013 – *Schlenker P.* Indexicals // written for *Handbook of Formal Philosophy*. Dordrecht: Springer, forthcoming. <https://files.nyu.edu/pds4/public/Indexicals.pdf> (дата обращения: 14.12.2013).
- Schwager, 2009 – *Schwager M.* Speaking of qualities // *Proceedings of SALT 19*. Cormany Ed, S. Ito & D. Lutz (eds.), *Proceedings of semantics and linguistic theory (SALT) 19*. eLanguage. 2009. P. 395–412. URL: <http://elanguage.net/journals/salt/article/view/19.23> (дата обращения: 17.07.2016).
- Schwager, Kaufmann, 2011 – *Schwager M., Kaufmann S.* A Unified Analysis of Conditional Imperatives // Ed. Cormany, Satoshi Ito & D. Lutz (eds.). *Proceedings of semantics and linguistic theory (SALT) 19*, eLanguage. P. 239–256.
- Schwarzschild, 2008 – *Schwarzschild R.* The Semantics of Comparatives and Other Degree Constructions // *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 2. P. 308–331.
- Sharvit, 2008 – *Sharvit Y.* The Puzzle of free indirect discourse // *Linguistics and philosophy*. 2008. Vol. 31. No. 3. P. 353–395.
- Soames, 2002 – *Soames S.* Beyond rigidity. Oxford University Press, 2002. 379 p.
- Soames, 2005 – *Soames S.* Naming and Asserting // *Semantics vs pragmatics* / Ed. Z. Szabo. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 356–382.
- Stalnaker, 1978 – *Stalnaker R.* Assertion // *Syntax and Semantics*. 1978. No. 9. P. 315–332.
- Stanley, 2007 – *Stanley J.* *Language in Context*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 264 p.
- Stanley, 2000 – *Stanley J., Szabó Z.* On Quantifier Domain Restriction // *Mind & Language*. 2000. Vol. 15. No. 2–3. P. 219–261.
- Szabo Z. (ed.), 2005 – *Semantics vs pragmatics* / Ed. Z. Szabo. Oxford: Oxford University Press, 2005. 465 p.

Szabó, 2010 – *Szabó Z.G.* Specific, Yet Opaque // *Logic, Language and Meaning Lecture Notes in Computer Science*. 2010. Vol. 6042. P. 32–41.

Von Fintel, Matthewson, 2008 – *Von Fintel K., Matthewson L.* Universals in semantics // *The Linguistic Review*. 2008. Vol. 25. P. 139–201.

Von Fintel, Iatridou, 2002 – *Von Fintel K., Iatridou S.* If and When If-Clauses Can Restrict Quantifiers // Paper for the Workshop in Philosophy and Linguistics at the University of Michigan, 2002. URL: <http://web.mit.edu/fintel/fintel-iatridou-2002-ifwhen.pdf> (дата обращения: 12.05.2013)

Von Fintel, 1994 – *Von Fintel K.* Restrictions on quantifier domain. MIT dissertation, 1994.

Von Fintel, Heim, 2011 – *Von Fintel K., Heim I.* Intensional Semantics Lecture Notes, Notes for class taught at MIT. 2011. (available online).

Von Fintel, Gillies, 2009 – *Von Fintel K., Gillies A.* «Might» Made Right // *Epistemic modality* / Ed. by A. Egan & B. Weatherson. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 108–130.

Von Fintel, Gillies, 2008 – *Von Fintel K., Anthony G.* CIA Leaks // *Philosophical Review*. 2008. Vol. 117. No. 1.

Von Stechow, 1995 – *Von Stechow A.* On the Proper Treatment of Tense // M. Simons and T. Galloway (eds). *Proceedings of Semantics and Linguistic theory 5*. Ithaca, NY: Cornell University, 1995. P. 362–386.

Yalcin, 2015 – *Yalcin S.* Quantifying In from a Fregean Perspective // *Philosophical Review*. 2015. Vol. 124. No. 2. P. 207–253.

Zvolenszky, 2002 – *Zvolenszky Z.* Is a Possible-Worlds Semantics of Modality Possible? A Problem for Kratzer’s Semantics // B. Jackson (ed.), *Proceedings of SALT 12*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. P. 339–358.

Logico-philosophical analysis of language: a contemporary view

Ekaterina V. Vostrikova – candidate of philosophical sciences, researcher at the Institute of Philosophy, RAS e-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr S. Kusliy – candidate of philosophical sciences, researcher at the Institute of Philosophy, RAS e-mail: kusliy@yandex.ru

The book introduces some philosophically relevant current discussions in the field of formal semantics of natural language to a wide audience of philosophers. The main object of the book is to present formal semantics as a field that is alternative to a linguistic relativism that is widespread among philosophers in Russia. The authors provide a general discussion of the history and methodology of formal semantics. They give an overview of a number of issues in the current formal semantic research that relate to quantification, semantics of proper names and indexical terms, attitude reports.

The book consists of three parts.

In part 1, the field of formal semantics is presented as building upon the works of classical analytic philosophers and crucially depending on the seminal works of R. Montague and N. Chomsky. The authors discuss the contemporary relativism in philosophy of language and contrast its methodology with that of formal semantics. Finally, they discuss the differences between semantics and pragmatics.

Part 2 is devoted to the discussion of quantification and ontology. The authors present the ontology that is standardly assumed in formal semantics and show how it is motivated by language. A discussion of philosophically relevant problems in the studies of modalities and attitude reports is provided. With respect to the issues of modality, the book presents an overview of problems of determining the bearer of knowledge that is crucial in calculating the modal base of an epistemic modal. With respect to the problems of attitude reports, the book provides an overview of some current discussion of the so-called third readings as well as *de re* readings of attitude reports.

Part 3 presents a view on proper names as definite descriptions with some new linguistic evidence that is often overlooked by philosophers. The semantics of indexicals is discussed on the material of alternatives to the popular Kaplanian semantics that have been developed within theoretical linguistics.

Overall, the book aims to contribute to the current philosophical discussions in the Russian philosophy of language by introducing the interdisciplinary problems that have not yet received much attention among Russian philosophers.

Keywords: philosophy of language, semantics, pragmatics, reference, quantification, modalities, proper names

Научное издание

**Вострикова Екатерина Васильевна
Куслий Петр Сергеевич**

**Логико-философский анализ языка:
современный взгляд**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник Н.Е. Кожина

Технический редактор Ю.А. Аношина

Корректор А.А. Гусева

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 28.11.17.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 10,26. Тираж 500 экз. Заказ № 22.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии

http://iphras.ru/books_arhiv.htm

